

**БРАЙЕН
ЛЕЙН**

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**

**КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

**ПЫТОК
И КАЗНЕЙ**

Annotation

Из этой книги вы узнаете:

Как создавались гильотина и электрический стул?

В каких странах до сих пор разрешены пытки?

Что такое колыбель Иуды и колесование?

Жертвоприношение, распятие, сожжение у столба, клеймение, ошпаривание насмерть, японские способы наказания, знаменитые мучители и великие палачи – это и многое другое вы найдете на страницах книги. Вас ждет самое подробное и объективное исследование человеческой жестокости.

- [Брайен Лейн](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Введение](#)
 - [Пытка или наказание](#)
 - [Психология пытки](#)
 - [История пытки](#)
 - [Охота на ведьм](#)
 - [Пытка в современном мире](#)
 - [Виды пыток](#)
 - [Заключение](#)
 - [А](#)
 - [Аболиционистское\[6\] движение в Великобритании](#)
 - [Ранний период](#)
 - [О публичных казнях](#)
 - [Прорыв](#)
 - [Отмена смертной казни](#)
 - [Б](#)
 - [Бастинадо](#)
 - [Берри, Джеймс](#)
 - [Браунригг, Элизабет](#)
 - [Бродекины \(см. «Испанский сапог»\)](#)
 - [Бронзовый телец](#)
 - [Брэнк, или Уздечка для сварливых жен](#)

- В
 - Военные наказания
 - Воскрешение
 - Воскрешение из мертвых
 - Воскрешение после казни
 - Полуповешенный Смит
 - Джон Бартендэйл
 - Энн Грин
 - Уолтер Уинкберн
 - Патрик Редмонд
 - Вскрытие
 - Выпускание внутренностей
 - Высшая мера наказания
- Г
 - Газовая камера
 -
 - Невада, 1924 г
 - Камера 2455. В ожидании смерти
 - Галифакская машина
 - Гальванизм
 - Гаррота
 - Гильотина
 - Истоки
 - Гильотина Гийотена
 - Говорящая голова
 - Глазные чашечки
 - Гонения на квакеров
 - Гридирон (Решетка для пытки огнем)
 -
 - Зажаривание живьем
 - Груша
- Д
 - Дакинг-стул
 -
 - Хлебное крещение
 - Дева
 - Деревянный конь
 - Первый вариант конструкции
 - Второй вариант конструкции

- [Джеффри, Джордж](#)
- [Джуга \(см. «Брэнк»\)](#)
- [Диле](#)
- [Док смерти](#)
- [Драконт\[32\]](#)
- [Дыба](#)
 - [Герцогская дочь](#)
 - [Нюрнбергская дыба](#)
 - [Заяц с шипами](#)
 - [Австрийская лестница](#)
 - [Дыба и шнур](#)
 - [Пытка на дыбе с применением шнура](#)
- [Ж](#)
 - [Железная дева из Нюрнберга](#)
 - [Железная дева из Толедо](#)
 - [Животные. Суд и казнь](#)
- [З](#)
 - [Зажаривание](#)
- [И](#)
 - [Инквизиция](#)
 - [Папская инквизиция](#)
 - [«Молот ведьм» \(Malleus Maleficarum, Hexenhammer\)](#)
 - [Хронология](#)
 - [Испанская инквизиция](#)
 - [Испанское кресло](#)
 - [Испанский сапог](#)
 - [Испытание водой](#)
- [К](#)
 - [Какинг-стул](#)
 - [Клеймение](#)
 - [Колесование](#)
 - [Колкрафт, Вильям](#)
 - [Как он стал палачом](#)
 - [Официальное назначение](#)
 - [Совет олдерменов\[45\]](#)
 - [Особенности характера](#)
 - [Дочь палача](#)

- [Денежное вознаграждение](#)
- [Смерть Колкрафта](#)
- [Колодки](#)
 - [Колодки для пальцев](#)
- [Крестование](#)
 - [Мученическая смерть сира Боутона](#)
- [Крысы \(пытка крысами\)](#)
- [Крэнк](#)
- [Л](#)
 - [Линчевание \(суд Линча\)](#)
 - [Суд Линча в Мемфисе](#)
- [М](#)
 - [Маджет, Германн Уэбстер \(Доктор-истязатель\)](#)
 - [Мантия](#)
 - [Маска позора](#)
 - [Медный сапог](#)
 - [Медная перчатка](#)
- [Н](#)
 - [Неподсудность духовенства светскому суду](#)
- [О](#)
 - [Обезглавливание](#)
 - [Обезглавливание в Англии](#)
 - [Обезглавливание в Германии](#)
 - [Ошейники](#)
 - [Ошейник с колокольчиком](#)
 - [Железный ошейник](#)
 - [Ошейник с шипами](#)
 - [Ошибки палачей](#)
- [П](#)
 - [Палачи Англии](#)
 - [Эдвард Деннис](#)
 - [Казненный палач](#)

- [Пен-форт-эт-дюр](#)
 - [Безмолвие по злому умыслу или отказ отвечать на вопросы суда](#)
- [Пикетинг](#)
- [Плавучие тюрьмы](#)
 - [История плавучих тюрем](#)
 - [Труд заключенных в Вулвиче](#)
 - [Знаки и нашивки](#)
 - [Тюремная пайка \(на одного человека\)](#)
 - [Тюремное кладбище](#)
- [Побивание камнями](#)
- [Повешение](#)
 - [Повешение в раннем средневековье](#)
 - [Трагедия у стен Ньюгейтской тюрьмы](#)
 - [Научный подход](#)
 - [Метод Джеймса Берри](#)
 - [Нынешние времена](#)
- [Повешение на рее](#)
 - [Казнь лейтенанта Гэмиджа на борту «Гриффона»](#)
- [Повешение на цепях](#)
- [Погребение заживо](#)
- [Позорные знаки](#)
 - [Канга](#)
 - [Доска позора](#)
 - [Скрипка](#)
 - [Позорная флейта](#)
 - [Четки](#)
 - [Плутовская цепь](#)
 - [Позорный камень](#)
- [Позорный столб](#)
 - [Трюлле](#)
- [Порка \(Бичевание\)](#)
 -

- [Бичевание у древних римлян](#)
 - [«Кошка»](#)
 - [Кнут](#)
 - [Ямайкская плеть](#)
 - [Шариковая плеть](#)
 - [Цепная плеть](#)
 - [Тюремная плеть](#)
 - [Скамья для порки](#)
 - [Привязывание к телеге](#)
 - [Посаждение на кол](#)
 -
 - [Влад Дракула](#)
 - [Преступления, наказуемые смертной казнью](#)
 - [Процессы над ведьмами](#)
 -
 - [Охота на ведьм в Англии](#)
- [P](#)
 - [Разрывание тела](#)
 - [Распятие на кресте](#)
 -
 - [Добровольное распятие](#)
 - [Распятие Христа](#)
 - [Римский амфитеатр](#)
 -
 - [Мученическая смерть святых Перпетуи и Фелиситасы](#)
- [C](#)
 - [Сваривание](#)
 - [Свинцовый разбрызгиватель](#)
 - [Сдирание кожи](#)
 - [Скальпирование](#)
 - [Сквассация](#)
 - [Скэвэнджерская дочь](#)
 - [Смертельная инъекция](#)
 -
 - [Инъекция морфина](#)
 - [Смерть от тысячи надрезов](#)
 - [Смитфилд](#)
 - [Сожжение на костре](#)
 - [Судебные ошибки](#)

- - [Уильям Шоу](#)
 - [Мартин Кленч и Джеймс Мэккли](#)
 - [Элизабет Феннинг](#)
 - [Т](#)
 - [Тиски](#)
 - [Тиски для больших пальцев](#)
 - [Тиски для ступней ног](#)
 - [Игральные кости](#)
 - [Трэдмилл](#)
 - [Тюремная лихорадка](#)
 - [У](#)
 - [Укалывание](#)
 - [Утопление](#)
 - [Х](#)
 - [Харакири](#)
 - [Хронология смерти](#)
 - [Ч](#)
 - [Черная шапка](#)
 - [Четвергование](#)
 - [Щ](#)
 - [Щипцы](#)
 - [Э](#)
 - [Электрический стул](#)
 -
 - [Первая смертная казнь посредством электричества](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)

- [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
-

Брайен Лейн

Энциклопедия пыток и казней

© Брайен Лейн, 2018

© Перевод. А. Фельдшеров, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Предисловие

Эта книга – не учебник для рэкетиров и не пособие для политических партий, стремящихся к власти и обещающих быстро и легко решить все проблемы. Прежде всего это книга о человеке, о нас с вами.

Сколько существует преступление, столько же существует и наказание. Два этих понятия тесно связаны друг с другом, первое из них влечет за собой (должно влечь) второе. Вся история человечества – это борьба, бесконечный спор о соответствии преступлению наказания. Какие только меры не предусматривались! Это и принцип талиона (зуб за зуб, око за око), и смертная казнь (вспомним хотя бы «драконовские законы» 621 г. до н. э.), и разнообразные пытки. О некоторых из них и пойдет речь в этой книге.

В основе всех этих наказаний одно – попытка разжечь чувство страха, испуга. Отсюда появление изощренных действий. К описанным в книге наказаниям хотелось бы добавить следующие случаи наказания.

Особенно жестокие и изощренные издевательства сопровождали классовые конфликты. После подавления восстания «Жакерия» во Франции в 1358 году его руководитель Гильом Каль был перед казнью «коронован» раскаленным железным треножником. Еще более страшной расправе был подвергнут руководитель крестьянского восстания в Венгрии в 1514 году Дьердь Дож. Взятый в плен, его посадили на раскаленный трон и короновали раскаленной короной. Справедливости ради надо отметить, что восставшие тоже не особенно церемонились с бывшими господами. Так, во время крестьянской войны в Германии весной 1525 года по приказу одного из крестьянских вожakov Якова Рорбаха вюртембергский фогт граф Людвиг фон Гельфенштейн и 13 его сторонников были осуждены на позорную казнь – прогон сквозь пики.

Широчайшее применение находили разнообразные пытки. Сопровождали они не только гражданские, но и религиозные войны. Вот как описывает в своем романе «Симплициссимус» (1668 г.) Ганс Якоб Кристоф Гриммельсгаузен разграбление деревни во время Тридцатилетней войны 1618–1648 годов:

«А работника солдаты связали и положили на землю, всунули ему в рот деревянную пялю да влили ему в глотку полный подойник гнусной навозной жижи, кою называли они „шведский напиток“, что, однако ж, не пришлось ему по вкусу и произвело на лице его удивительные корчи. Через

то принудили они его свести некоторых из них в иное место, где взяли людей и скот и пригнали на наш двор... Тут стали они отвинчивать кремни от пистолетов и на их место ввертывать пальцы мужиков и так пытаться бедняг, как если бы хотели сжечь ведьму, понеже одного из тех пойманных мужиков уже засовали в печь и развели под ним огонь, хотя он им еще ни в чем не признавался. Другому обвязали голову веревкой и так зачали крутить палкой ту веревку, что у него изо рта, носа и ушей кровь захлестала. Одним словом, у каждого из них была своя хитрость, как мучить крестьян, и каждый мужик имел свою отличную от других муку... Отца моего они связали по рукам и ногам так, что он не мог пошевелиться, посадили к огню и натерли ему подошвы мокрой солью, а наша старая коза ее тотчас же слизывала, через что происходило щекотание, так что он, казалось, мог лопнуть со смеху»^[1].

Многочисленные факты взаимной жестокости сопровождают революции.

Проникновение европейцев в страны Востока обогатило приемы пыток и казни. Широкое распространение здесь получила казнь, когда связанного человека бросали умирать от голода и жажды на растерзание диким зверям. Вспомним хотя бы широкоизвестный эпизод из фильма В. Мотыля «Белое солнце пустыни». Разнообразные пытки и казни применялись при подавлении антиколониальных восстаний, особенно англичанами в Индии. Повстанцев топтали слонами, привязывали к пушкам и ядрами разрывали на части. Специфически восточной казнью была следующая: крепко связанного человека клали на росток бамбука и оставляли. Бамбук, вырастающий на 3–5 см в день, пронзал человека насквозь.

Поскольку книга Брайена Лейна посвящена главным образом наказаниям в Западной Европе, хотелось бы несколько слов сказать о России.

Для подавления народных выступлений, наказания преступников в России использовались разнообразные пытки и казни. Были среди них и специфические, например, подвешивание ребром за крюк. Мучения осужденного в этом случае могли длиться очень долго; порой казнимые умирали от жажды. К женщинам вместо этого вида казни нередко применялся иной, не менее страшный. В русских летописях начала XVII века есть рассказы о том, как женщинам прорезали груди и, продев в раны веревки, подвешивали на перекладинах. (Подобные случаи отмечены в Ираке в 1980-х годах.)

При подавлении народных восстаний часто применялись виселицы на

плоту, которые пускались по течению реки. Подобные случаи отмечены при подавлении крестьянских войн Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Еще одним широкораспространенным способом наказания было забивание палками. Наказание гибкими прутьями из лозняка – спицрутенами – применялось в России с 1701 по 1863 годы. Называлось это «прогнать сквозь строй». После подавления восстания декабристов многих солдат, участников восстания приговорили к 8-12 тысячам ударов, что означало верную смерть, только куда более мучительную, чем расстрел или повешение.

Двадцатый век, усовершенствование техники создали новые приемы пыток и казней людей. Для умерщвления и издевательства стали применяться электричество, газы, кислоты. Не изменилось только одно:

Жестокость наказания никогда и нигде не способствовала снижению уровня преступности.

Жестокость вызывала ответную жестокость.

Значение книги Брайена Лейна в том, что описание наказания с древности до наших дней вызывает желание запрета пыток и отмены смертной казни.

Появление и расширение такого движения – вот чем отличается наше время от всех остальных периодов развития общества.

Полное запрещение пыток, отмена смертной казни должны стать основной целью человечества в грядущем тысячелетии. Опыт показывает, что отмена смертной казни, замена ее пожизненным заключением, например, спасает жизни невиновным (в случае судебной ошибки) и гораздо более эффективно воздействует на преступников, многие из которых не выдерживают наказания жизнью.

К сожалению, в нашей стране все еще применяются пытки, сохраняется смертная казнь, но очень хочется надеяться, что вскоре этому будет положен конец.

Тогда данная энциклопедия будет использоваться по назначению – как историческое пособие, рассказывающее еще об одной победе человека, победе над самим собой.

Красильников И.Б.

Благодарности

Энциклопедические работы, подобные этой, скорее составляются, нежели пишутся. Энциклопедия – это подборка фактов, эпизодов и суждений, тщательно проверенных, проанализированных и упорядоченных таким образом, чтобы получилась интересная и познавательная книга. Конечно же, многие люди внесли свою лепту в написание этого исследования, и вправду сказано, что один ум – хорошо, а два – лучше. Здесь невозможно отдать должное всем тем, кто помог мне в работе, но я буду ссылаться на них в дальнейшем. В моем распоряжении имелись работы, написанные более ранними исследователями проблемы преступления и наказания. Их книги оказали мне неоценимую помощь в подборе материала, впрочем, как и их ссылки на своих предшественников, и хотя каждая такая ссылка нуждалась в серьезной проверке, я был избавлен от многих часов утомительных поисков. Одно из самых интересных исследований – книга Эрнста Петтифера «Наказание в дни былые» (Punishment of Former Days). Хотя она повествует только о британских методах ведения следствия и отправления правосудия, автор, прослуживший многие годы секретарем суда в Вест-Райдинге (графство Йоркшир), дает яркую и исчерпывающую картину английского судопроизводства. Неоценимую помощь оказала мне трилогия члена зоологического и философского королевских обществ Джорджа Райли Скотта «История телесных наказаний» (History of Corporal Punishment), «Многовековая история пытки» (History of Torture Throughout the Ages) и «История смертной казни» (History of Capital Punishment). Интересно было прочитать на первой странице, что книга предназначалась для продажи только «врачам, юристам, антропологам, психологам, социологам и криминалистам», дабы уберечь предшествующие поколения от случайной встречи с каким-нибудь нынешним садомазохистом. Забавно и то, что автор этих строк, будучи юношей, видел эту книгу на пыльной витрине одного из тех магазинчиков, в которых когда-то продавались грыжевые бандажи и противозачаточные средства. В книге Джона Свейна «Прелести камеры пыток» (Pleasures of the Torture Chamber) я нашел несколько темных ссылок, проверка которых доставила мне истинное удовольствие как исследователю, а «Наказание в прошлые века» (Bygone Punishment) Уильяма Эндрюса может считаться классической в данной области. Эти и другие книги стали для меня источником знания и вдохновения, когда я

писал свое собственное сочинение, которое, надеюсь, также окажется небесполезным для будущих исследователей этой проблемы.

Большинство книг, с которыми я работал, уже давно не переиздаются и могут быть найдены только в библиотеке, поэтому хочу еще раз выразить мою благодарность за неизменную любезность и компетентность сотрудникам читального зала Британского Музея. Я также искренне благодарен моему товарищу Уилфреду Греггу, в чьей несравненной библиотеке, вобравшей в себя множество невыдуманных криминальных историй, я чувствовал себя более чем уютно. После прочтения этой книги читателю станет понятно, что мне пришлось иметь дело не только с далеким и недалеким прошлым, но и с неприглядным настоящим, и моим знанием сегодняшнего состояния дел в том, что касается пыток и бесчеловечного обращения, я во многом обязан докладам Международной амнистии и ООН, не жалеющим усилий на борьбу с этим злом.

Методы истязаний и орудия пыток взяты мною в основном из «готического» исторического периода всевластия инквизиции и охоты на ведьм, а также из чудовищно кровавой истории Древнего Рима и других античных цивилизаций. Значительная часть материала почерпнута мною из собственного архива, однако в тех случаях, когда у меня не оказывалось годной для воспроизведения иллюстрации, мне неизменно помогал Мо Тинджи, чьи впечатляющие графические реконструкции орудий казни и пыток могут сказать больше, чем все мои слова.

И, наконец, но не в последнюю очередь, хотелось бы выразить глубокую благодарность Салли Холлоуэй из «Верджин Паблишинг», оказавшей мне огромную помощь в разработке оригинальной концепции этой книги и чьи энтузиазм и поддержка сделали для меня возможным воплотить эту концепцию в жизнь.

*Брайен Лейн
Лондон, 1993*

Введение

Эта книга – исследование человеческой жестокости, жестокости, зачастую непостижимо чудовищной и творимой не просто одним человеком по отношению к другому, а целыми нациями по отношению к собственным представителям и к представителям других наций. Эту книгу можно рассматривать как обвинение конкретным мучителям рода человеческого, которые систематически вводили в общественную практику причинение боли как средство наказания или принуждения. Всевозможные угнетатели и истязатели всегда и разными путями стремились оправдать применение пыток, иногда представляя их как акт возмездия, а иногда как необходимое средство заставить других изменить их политические или религиозные воззрения. Пытку применяли также для того, чтобы принудить жертву расстаться со своей собственностью, вытянуть из нее необходимые сведения или заставить признаться в совершенных и несовершенных преступлениях.

Применение пыток известно фактически во всех культурах, у всех народов мира и всегда рассматривалось как преступление, убившее претензии человечества на цивилизованность. Отнюдь не будучи пережитком Средних веков, отсветом готического мироощущения и орудием страха, выброшенным на свалку истории изощренной в вопросах морали общественностью, пытка до сих пор используется как легальный инструмент судебного и политического террора более чем в шестидесяти странах мира.

Цель данного исследования, каким бы несомненно скорбным ни казался его предмет, – представить информацию, жизненно необходимую для понимания социальной истории и тайн человеческой природы, ибо за те годы, пока я рылся во всех этих леденящих кровь документах прошлого и настоящего, я с горечью осознал, что наказание и даже пытка являются неотъемлемой частью человеческого существования. Несомненно, найдутся такие, кто предпочел бы оставить все так, как есть, и не ворошить неприглядное прошлое. Более того, найдутся и такие, кто сам, придерживаясь страусовой политики, попытается оспаривать право других безбоязненно и беспристрастно изучать темные закоулки истории. Эти люди воображают, что, отворачиваясь от пугающей и нелицеприятной действительности, они автоматически обретают моральное превосходство над другими. На самом деле все как раз наоборот. Игнорирование этой

проблемы не только не несет перемен к лучшему, но и играет на руку палачам, усматривающим в этом замалчивании одобрение своих методов.

Я уверен, что Питер Бененсон, доблестный основатель «Общества Справедливости», не станет возражать, если я процитирую несколько слов из его предисловия к «Гангрене» – монографии, посвященной легальному применению пыток в Алжире и Кении в конце 50-х годов этого века (Джон Колдер, 1959):

«Эта книга повествует о жестоком обращении с заключенными. Она содержит отрывки, которые могут вызвать у читателя отвращение, приступ тошноты и справедливое негодование. Некоторые из них будут возмущены людьми, которые, как утверждается в книге, подвергают своих соплеменников такому зверскому обращению; других же возмутит тот факт, что подобные утверждения имеют целью, используя печатное слово, очернить государственных деятелей, вынужденных прибегать к неприглядным методам в периоды напряженности в обществе; но более всего будут исполнены негодования те, кто вообще не читал книги, а всецело полагается на чужие, зачастую предвзятые суждения о ней».

Пытка или наказание

«Но эти законы обнародованы для того, чтобы из страха перед ними люди сдерживали свою греховную злобность. Так будут защищены те, кто преисполнен чистыми помыслами; тех же, чья душа подвержена злобе, будет удерживать от нечестивых поступков страх перед наказанием».

Хотя эти принципы были закреплены в Тевтонском писаном своде законов ни много ни мало в VIII веке (*Lex Baiuvariorum*), они остаются неизменными и для современного подхода к проблеме преступления и наказания, а также стали общепринятыми международными стандартами. И на самом деле я вряд ли ошибусь, если скажу, что человеческое поведение определяется по большей мере ожиданием последующего вознаграждения или наказания за тот или иной поступок. Одаривая похвалой послушного ребенка и наказывая непослушного, мы прививаем им должное уважение к общепринятым этическим нормам, и можно быть уверенным в том, что распространение этого принципа на взрослую жизнь обеспечивает социальную стабильность в обществе. В этом случае вознаграждение и возмездие приобретают двоякий практическо-психологический смысл. Законопослушный гражданин, как правило, становится надежным партнером в делах, хорошим супругом, любящим родителем, уважаемым соседом и таким образом получает вознаграждение в материальном и эмоциональном выражении; негодяй вызывает только общественное неодобрение и, в конце концов, потеряв уважение сограждан, теряет и средства к существованию, свободу, а иногда даже жизнь.

Однако ясно, что только в том случае, если преступник несет соизмеримое со своим преступлением наказание, оно может удержать его в дальнейшем от повторного правонарушения. Именно в этом кроется ответ на основной вопрос дискуссии о том, что такое наказание и когда оно становится «бесчеловечным обращением» или «пыткой». Наказание должно всегда соответствовать тяжести совершенного преступления и быть умеренным при наличии смягчающих вину обстоятельств. Относительно недавно, в начале XIX века, в Англии смертная казнь полагалась за 222 вида преступлений. Мужчины, женщины и даже дети, часто жившие в невыносимых условиях, могли быть казнены за незначительное преступление, такое как, например, кража овцы; и тем не менее преступность росла. В дни проведения публичных казней толпа,

собиравшаяся вокруг виселицы, чтобы поглазеть на это зрелище, по иронии судьбы становилась легкой добычей для воров-карманников, которые, будучи пойманы на месте преступления, становились главными действующими лицами следующего жуткого спектакля.

Однако принцип соизмеримости преступления и наказания вообще не применим к тем случаям, когда наказание, будучи особенно бесчеловечным и жестоким, выходит за рамки действующего законодательства или когда боль причиняется на совершенно незаконном основании, например для того, чтобы заставить человека или группу людей отказаться от своих политических или религиозных убеждений, или для того, чтобы принудить жертву сообщить какие-то сведения. Однако понятия «наказание» и «пытка» подвержены широкому толкованию, и толкование это бывает зачастую крайне субъективным. Наказание, которое в менее цивилизованных странах принято считать допустимым и вполне оправданным, в других странах воспринимается как чрезмерно жестокое; лучше всего это видно на примере того, как мы, жители Запада, с ужасом взираем на мусульманские религиозные наказания, предусмотренные шариатом, когда на законном основании вора́м отрубает руки и ноги, а повинных в супружеской измене женщин до смерти забивают камнями. Конечно, эти отличия в оценке меры наказания покажутся не такими разительными, если мы вспомним древние цивилизации. Римляне, например, в ранний период своей истории славились своей изощренностью в изобретении новых, необычных методов наказания и безжалостностью в применении их на практике. Впрочем, лишения, страдания и кровь были для них делом обычным, в особенности для рабов, поэтому с таким зверским упоением граждане Рима следили со скамей Римского амфитеатра за кровавыми гладиаторскими боями. В наше время некоторые районы на юге США, в особенности сельские, отмечены ужасающей бедностью и тяжелыми условиями жизни населения. Преступления, связанные с физическим насилием, совершаются здесь гораздо чаще, чем в других районах страны, и до сих пор еще полностью не искоренен позорный суд Линча. Не удивительно поэтому, что Техас стоит на первом в США месте по количеству совершаемых убийств и далеко опередил другие штаты по количеству приводимых ежегодно в исполнение смертных приговоров, причем не так уж редко приговоренный умирает мучительной смертью (см. электрический стул, газовая камера, смертельная инъекция).

Даже после недолгого размышления становится очевидным, что определение понятия «пытка» – дело очень трудное, поскольку каждый руководствуется при этом своим собственным представлением о ней и

избежать субъективных оценок представляется невозможным. Если бы пытка была достоянием прошлого, можно было бы со спокойной душой предоставить анализ этого понятия историкам, но она продолжает и сейчас оставаться реальной угрозой жизни и здоровью людей во многих странах современного мира. Для того, чтобы оценить масштабы проблемы и способы ее разрешения, следует отличать наказание как инструмент возмездия и устрашения от действий, которые могут быть расценены не иначе, как «пытка» или «жестокое обращение». Только в 1975 г. Организация Объединенных Наций предприняла попытку дать правовое определение понятию «пытка», и это определение вошло в статью I Декларации ООН, направленной против пыток. Соответствующий пункт гласит:

«В соответствии с целями данной Декларации понятие „пытка“ определяется как действие, осуществляемое должностным лицом или по его указанию по отношению к некоему лицу, при котором причиняются боль и жестокие страдания, как физические, так и психические, в целях получения от него или третьего лица информации, признания; наказания его за совершенное деяние; или в целях запугивания его или других лиц».

Эта книга, кроме всего прочего, имеет целью проиллюстрировать то, насколько точным является это определение как в историческом, так и в современном плане.

Психология пытки

Начиная с чудовищных беззаконий, которые чинил император Нерон по отношению к только что появившимся и являвшимся в основе своей пассивными христианам, вплоть до нашего времени, когда нестабильные военные и гражданские режимы продолжают угнетать свои народы по всему миру, оправданием использованию репрессивных методов служило и служит одно – необходимость сохранения существующего положения в обществе – «статус кво» (status quo). Хотя вопрос, кто нуждается в защите и от кого, в большинстве случаев бывает спорным и решается чисто субъективно, сохранение незыблемости существующего порядка является естественной, неотъемлемой, более того, обязательной функцией любого правительства. Общество имеет право и обязано выразить свою тревогу всякий раз, когда использование репрессивных методов воздействия выходит далеко за рамки мер, необходимых для отправления этой функции, и превращается в «бесчеловечное обращение» или «пытку», когда смешиваются понятия «справедливого возмездия» и «мести», когда законные действия правительства, направленные на обеспечение национальной безопасности, подменяются попытками подавления политических свобод или когда религиозный пыл одной конфессии перерастает в действия, направленные против другой.

Нам следует быть особенно тщательными в оценке того, что касается психологических мотивов «диктатора», ибо, несмотря на все его заверения в приверженности абстрактным идеям свободы и справедливости, он в скором времени проявляет себя в неперменном качестве гонителя этих фундаментальных прав человека. Он не действует в одиночку, и совершенно очевидно то, что любой режим, будь это современный африканский или латино-американский режим, возникший в результате военного переворота, или режим религиозного фанатизма XVII века в Англии, навязывает своим политическим, военным, судебным и религиозным властям, а также органам безопасности, в равной степени своекорыстные мотивы в проведении в жизнь тех или иных законов и в санкционировании определенного социального поведения. Например, невероятно, чтобы государственный палач занимался своим ремеслом из чисто человеколюбивых соображений отправления правосудия и восстановления справедливости; в большей мере он – оплачиваемый слуга государства, проводящий в жизнь его законы, которые зачастую не имеют

ничего общего со справедливостью.

Хотя «История телесных наказаний» написана в прошлом веке, ее автор, Джордж Райли Скотт, приводит в этой книге ряд очень интересных аналогий:

«Если кто-то желает приблизиться к правде жизни насколько возможно ближе, ему следует немедленно отказаться от представления о том, что в этом мире существует в чистом виде такое явление, как альтруизм. Благодеяние, совершаемое кем бы то ни было, бывает почти всегда случайным, и в каком-то смысле этот кто бы то ни был попросту не может не совершить его из каких-то прозаических соображений, далеких от соображений всеми восхваляемой, но, в сущности, вынужденной добродетели. Птицы, поедающие личинок, творят благо для крестьянина, но по прошествии времени крестьянин уже не вспоминает об их вспомоществовании во имя Всемогущего. Он возносит хвалы своим пернатым друзьям, но сразу, как только в землю брошены первые зерна, он выставляет на поле чучело, дабы отпугнуть своих недавних союзников, и если случается, что на неприкосновенную территорию залетает какой-нибудь дерзкий воробей-одиночка, крестьянин клянет его на чем свет стоит и тянется за ружьем. Кот убивает мышей, и найдутся такие, кто возьмется утверждать, что милостивый Господь создал этого зверя во благо человека и единственно с целью искоренения мышиноного рода-племени. Однако с не меньшим удовольствием кот умерщвляет канареек и цыплят, а это уже вовсе не нравится птичьему владельцу. Точно так же основной поведенческий мотив подавляющего большинства мужчин и женщин, действующих, как им кажется, из благих намерений, не имеет ничего общего с декларируемыми целями, а любой достигнутый временный успех или не содействует достижению желаемой цели, или вовсе оборачивается своей противоположностью».

История пытки

Естественно, история пытки неотделима от общей истории человеческого рода. Часто утверждается, что по своей природе человек является самым жестоким животным. Как у историка и как у исследователя современной жизни, боюсь, у меня мало причин подвергать это утверждение сомнению. Воистину, собирая материал для этой книги, я убедился в том, что люди редко упускали возможность поизгаляться над своими собратьями.

Все началось с наших первобытных предков, когда у них возникла необходимость защитить свои уязвимые и непрочные социальные группы от соседних воинственных племен, наводя на последних страх. Жестокое обращение с пленниками, взятыми в результате межплеменных столкновений, должно было служить предостережением другим потенциальным врагам. Кроме того, жестокость в отношении чужаков сплачивала племя и связывала его членов узами общей ненависти. Именно по этой причине пленники вряд ли могли рассчитывать на легкую смерть, сначала им предстояло помучиться в назидание как врагам племени, так и его членам, а уже потом умереть. Эти пытки мало чем отличались от пыток, применяемых сегодня: нанесение увечий, пытка огнем, избивание палками и плетью, побивание камнями и т. д.

Внутри данной социальной группы преступники карались, по-видимому, не менее сурово, чем пленники. Их старались наказать так, чтобы совершать подобное впредь им было неповадно, а если же их приговаривали к смерти, то казнили каким-нибудь показательным способом, чтобы неповадно было всем остальным. Казнь совершалась с церемониальными действиями, привлекала толпы народа и превращалась в зрелищное мероприятие, нередко окруженное праздничной атмосферой карнавала. И сегодня в Китае казнь считается зрелищным событием. В августе 1991 года тринадцать узников были подвергнуты публичному суду на главном стадионе города Куньмина, признаны виновными и тут же казнены на глазах 10 000 возбужденных зрителей. А чтобы мы не слишком обольщались на собственный счет и не смотрели свысока на «темных» жителей Востока, напомним, что в том же году телекомпания KQED из Сан-Франциско затеяла судебный процесс за право транслировать в прямом эфире очередную смертную казнь в тюрьме штата Калифорния.

Итак, если казнь призвана служить средством устрашения, то следует организовать это мероприятие так, чтобы его воочию увидели как можно больше людей. Как ни странно, многие из тех, кто ратует сегодня за отмену смертной казни, также выступают за публичную казнь, хотя из совершенно противоположных соображений, мотивируя свою позицию тем, что чем больше людей увидит этот позорный спектакль, тем больше появится у них сторонников. Однако история показывает, что публичные казни на площадях городов, как это ни печально, только возбуждали кровожадность толпы и уж отнюдь не подвигали людей на борьбу за отмену смертной казни (см. «Хронологию смерти»).

Помимо смертной казни древними народами широко практиковалось языческое жертвоприношение, когда самым надежным способом умилостивить разгневанных богов считалось пролитие человеческой крови. Только один пример: человека, приносимого в жертву ацтекскому богу по имени Тецкатлипока, клали на спину вдоль жертвенного алтаря, и после того, как его связывали, верховный жрец одним движением вскрывал ему грудь и вынимал еще пульсировавшее сердце.

В данной связи не часто упоминают индейский обряд посвящения в мужчины, однако его следует также отнести к проявлениям жестокого и бесчеловечного обращения. Наиболее известен подобный обряд в том виде, как его совершают индейцы североамериканского племени манданов. Читатель, возможно, помнит его по фильму «Человек по имени Лошадь», в котором этот обряд приходится пройти белому юноше (его играет Ричард Харрис). В 1841 г. этот обряд был описан известным исследователем обычаев американских индейцев Джорджем Кэтлинном:

«Юноша, проходящий обряд посвящения, должен встать на колени и упереться руками в пол. Человек с обоюдоострым ножом в правой руке берет большим и указательным пальцами левой руки как можно больше плоти плеча, насквозь протыкает ее и проворачивает нож в ране, стараясь сделать это как можно больнее. Затем он вынимает нож и уступает место другому индейцу с пучком заостренных палочек в левой руке, который тут же просовывает палочку в рану. То же они проделывают с другим плечом, с обеими руками ниже плеч и ниже локтей и с обеими ногами ниже колен. Затем с потолка спускаются веревки, которые держат находящиеся на крыше вигвама мужчины; веревки привязываются к палочкам, и тело юноши приподнимают над полом. Пока он висит таким образом в воздухе, рядом стоящие сородичи навешивают на него отныне принадлежащие ему щит, лук, колчан со стрелами и т. д.».

За малым исключением мотивы, методы и оправдание пыток

оставались неизменными на протяжении тысячелетий, хотя кое-где мучители отличались особой жестокостью и изощренностью. Изуверские методы медленного умерщвления получили особенно широкое развитие у древних греков и римлян, и в этой книге читателю еще не раз встретятся ссылки на чрезвычайную изобретательность древних римлян во всем, что касалось казней и пыток.

Приход христианства, казалось бы, возвестил новую эру в отношениях между людьми, однако в действительности приверженцы учения Христа не отказались от извечной иудейской доктрины воздаяния (око за око...) и даже дополнили ее тем, чему успели научиться у своих римских гонителей. Костры, сжигавшие еретиков, стали олицетворением террора христианской церкви, оправдывавшей свои злодеяния строчками из Евангелия от Матфея (Глава 13, стих 41–42):

«Пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и творящих беззаконие. И ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов».

Под творящими беззаконие вскоре стали пониматься, конечно же, все, кто не очень строго придерживался догматов Римско-католической церкви, и, начав с малости, церковь распространила царство религиозной нетерпимости и террора на значительную часть земного шара. В историческом плане этот террор включает в себя крестовые походы (против другой нетерпимой веры – мусульманства), папскую инквизицию, испанскую инквизицию, охоту на ведьм, гонения на альбигойцев, вальденсов^[2], протестантов и рыцарей-тамплиеров (храмовников)^[3].

Протестанты, в свою очередь, не преминули затеять гонения на католиков и квакеров. В Ирландии протестанты и католики столкнулись не на жизнь, а на смерть, и борьба эта продолжается и поныне. Ссылки на религиозные гонения встречаются в этой книге довольно часто, но в качестве иллюстрации немного ниже предлагается статья об одной кампании церковного террора – охоте на ведьм.

С усилением религиозных преследований по части проявления жестокости от церкви не отставали судебные и карательные институты, и по мере расширения Священной Римской империи и распространения в Европе и за ее пределами римских законов, кодифицированных императором Юстинианом, для ускорения расследования судебные власти все больше склонялись к применению пыток, а единожды, почувствовав к ним вкус, предпочитали их другим следственным методам вплоть до XVI, а кое-где и до XVII века. Обычной практикой во времена инквизиции было также перекладывание церковью исполнение вынесенных ею смертных

приговоров на светские власти. Хотя инквизиция, в частности испанская, заслуженно пользовалась дурной славой из-за преследований еретиков и колдунов, справедливости ради следует отметить, что она не часто прибегала к каким-то необычным изощренным способам истязаний. Церковь не имела собственных мастеров заплочных дел и обычно прибегала к оплачиваемым услугам палачей, обслуживавших тюрьмы. Правда, инквизиция располагала собственными тюрьмами, называвшимися «тайными», в которых обвиняемый в ереси мог провести долгие годы в ожидании суда. Однако церковные власти не имели права казнить обвиненных в безбожии и приговоренных к смерти еретиков, сообразуясь с римско-католическим догматом, гласившим «Церковь не может быть запятнана кровью» (*Ecclesia non povit sanguinem*). После того, как церковные власти, прибегнув в той или иной степени к пытке, добивались признания обвиняемым своей вины, после того, как признание доводилось до Великого Инквизитора и Святого Престола, после того, как еретик подвергался аутодафе (*auto-da-fe* – *португ.* – акт веры), то есть суду святой инквизиции, и ему выносился смертный приговор, приведение этого приговора в исполнение (как правило, сожжение на костре) падало на плечи светских властей, которые из боязни быть обвиненными в симпатиях к еретикам не могли уклониться от этой незавидной обязанности.

* * *

По мере распространения пыток в их римском варианте по всей Европе Азия могла похвастаться впечатляющими инструментами жестокости собственного изобретения, хотя китайские, например, приспособления для пыток являлись в той или иной степени разновидностями западных образцов, таких как дыба или испанский сапог. Вот описание кия кьен (*kia quen*, что в переводе значит «башмак»):

«Для ног существует инструмент, называемый кия кьен, состоящий из трех деревянных дощечек, средняя из которых жестко закреплена в поперечном деревянном блоке, а две другие – свободны. Ступни ног жертвы помещаются по обе стороны центральной дощечки и сжимаются боковыми до тех пор, пока не затрещат кости».

Там же широкое распространение имела канга (сродни европейскому позорному столбу), дощатая конструкция, в которой зажимались шея и руки осужденных за мелкие преступления, а также жестокая порка, известная на Западе как *бастинадо* и до сих пор применяемая в некоторых

странах под названием фалака (falaqa). Кроме того, в Китае практиковалась смертная казнь, известная как смерть от тысячи надрезов (подобная казнь была в ходу и в Японии под названием смерть от двадцати одного надреза).

В Индии пытка применялась во все периоды ее истории, и как в других странах Азии; здешние методы истязания мало чем отличались от методов, применявшихся в Европе: бастинадо и другие виды порки, колодки, пытка огнем и водой, пытка раскаленным железом, дыба и т. д. Страшная пытка китте оказалась не чем иным, как гибридом китайской пытки кия кьен и европейских тисков: две деревянные дощечки помещались по обе стороны какого-нибудь чувствительного органа, как правило, уха, пальца, ступни или гениталий, и сжимались до тех пор, пока жертва не теряла сознание от непереносимой боли. Нередко повторная процедура заканчивалась смертью несчастного. Райли Скотт приводит отрывок из «Восточных мемуаров» Джеймса Форбса, опубликованных в 1813 г., в котором рассказывается о любопытном эпизоде, произошедшем в индийском городе Татта:

«Некий индус был сборщиком таможенных пошлин; имел семью, богатство, вес в обществе и положение при дворе. Чувствуя себя в полной безопасности и не ожидая ничего дурного, он был несказанно удивлен, когда в его дом нагрянул визирь с несколькими вооруженными людьми и потребовал у него его кровные денежки, которые хранились в тайнике и которые тот не отдал бы даже под страхом смерти. Чтобы вытянуть признание, сборщика пошлин подвергли разнообразным пыткам, применяя при этом различные приспособления. Одно из них являло собой платформу с туго натянутой на ней сеткой, прикрытой сверху вощеным ситцем. Под сеткой находилась доска, утыканная острыми шипами. Сборщика пошлин, тучного баньяна, заставили снять с себя джаму (муслиновый халат) и лечь на утыканное скрытыми шипами ложе. Длинные острые шипы лесной акации впились в тело жертвы так, что тот не мог пошевелиться, не причинив себе нестерпимой боли. Два дня и две ночи он переносил пытку, так и не раскрыв своей тайны, и его мучители, испугавшись, что он умрет, так и не сообщив им о местонахождении денег, решили прибегнуть к другой пытке. Когда жизнь уже едва теплилась в теле несчастного, его сняли с платформы и положили на пол, после чего вымогатели привели в комнату его единственного малолетнего сына и принесли мешок, в который предварительно поместили дикого кота. Они сунули ребенка в мешок, завязали его и расположились вокруг с бамбуковыми палками в руках, готовые начать избивание кота, чтобы привести его в ярость и заставить убить ребенка. Этого отцовское сердце вынести уже не могло, и он отдал свои сокровища».

Охота на ведьм

Страх перед колдовством, будучи обыкновенной боязнью неизвестного, так же стар, как и само человечество. Уже в самых ранних летописях повествуется о злонамеренных и зловредных ведьмах, вступивших, как считалось, в сговор с дьяволом. Нашим далеким предкам нужно было как-то определиться в пугающем мире, в котором они жили; результатом стало одушевление и обожествление всевозможных необъяснимых явлений природы. Они верили в то, что небом и поднебесным миром управляют боги и духи и что для процветания и суццей безопасности общества необходимо строгое отправление ритуалов благодарения, призванных умилоствить могущественные силы. В конце концов, если не принести жертву солнцу, оно попросту обидится, и наступит утро, когда оно не пожелает взойти в положенное время со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такова примитивная логика наших предков. Казалось неизбежным то, что найдутся люди, обуреваемые жадностью и злобой, которые захотят подчинить себе эти сверхъестественные силы, дабы использовать их в своих корыстных целях. И действительно, во многих изданиях колдовство определяется как «попытка подчинить природные явления (обычно с помощью злых духов) и использовать их в собственных интересах». Жажда познать неизведанное и выгодно использовать это знание вполне объяснима, впрочем, как и страх и недоверие, которые питали люди к тем, кто вступал в союз с темными силами. Со временем установилась степень наказания за то или иное проявление колдовства, хотя следует заметить, что подобная деятельность рассматривалась светскими властями скорее как досадное неудобство, чем преступление; только в тех случаях, когда магия становилась причиной гибели людей или разрушений, она была наказуема смертной казнью, и вплоть до конца XIII столетия колдовство связывалось в сознании людей с народным фольклором и языческими предрассудками.

Только в первом десятилетии XIV века в дело вмешалась церковь, и в Европе начала разворачиваться кампания, направленная на преследование ведьм. Церковный собор, собравшийся в 1310 г. в Трире, наложил запрет на гадание, ворожбу, заклинания и подобные действия, а позже нарушение запрета стало караться отлучением от церкви. Во времена господства церкви во всех сферах общественной жизни, когда ад воспринимался людьми как реальное место, а приверженность вере – как единственный

путь спасения от адского огня, подобное наказание становилось делом нешуточным. С усилением власти церкви соответственно росло ее влияние на общественные институты, и со временем под ее давлением были введены законы, вменявшие в обязанность светским властям карать колдовство. В 1257 г. папа Александр IV разрешил преследование за колдовство, но только в тех случаях, когда колдовство проистекало из ереси. То же подтвердил в 1333 г. папа Иоанн XXII, но в 1484 г. папская булла Иннокентия VIII разрешила инквизиции карать колдунов и ведьм смертной казнью. Три года спустя главные инквизиторы Иннокентия VIII Шпренгер и Инститорис опубликовали первое издание своей печально знаменитой книги «Молот ведьм» («Malleus Maleficarum»), в которой впервые сформулировали процедуру охоты на ведьм, суда над ними и их казни. За этой книгой последовали другие трактаты на ту же тему по мере того, как ведьмомания расползалась по Европе. Теперь инквизиция расширила поле своей деятельности и взялась рьяно искоренять не только еретиков, но и колдунов и ведьм.

В 1532 г. император Карл V лично руководил охотой на ведьм во всей Священной Римской Империи, а в 1585 г. булла папы Сикста V официально определила колдовство и все его формы: такие как гадание, астрология, заклинания, вызывание духов и т. д., которые стали наказуемы смертной казнью в тех случаях, когда колдовские действия несли определенный вред; колдунов и ведьм стали сжигать живьем на кострах. В Германии для облегчения опознания ведьм были составлены списки признаков, присущих, как считалось, слугам дьявола, в которых среди прочего значились такие, как затуманенный взор, рыжие волосы, несоблюдение церковных праздников и избегание мужчин. В добавление к этому подозреваемый подвергался мучительным испытаниям, таким как укальвание или испытание водой.

Английский писатель Вильям Перкинс приводит в своей книге «Размышления по поводу бесовского искусства колдовства» (1608) список «определенных знаков и условий, при наличии коих подозреваемый признается виновным в колдовстве»:

- 1) Если люди, делящие кров с подозреваемым, доносят о том, что тот связан с нечистой силой.
- 2) Если на подозреваемого доносят добровольно, под пыткой или под страхом смерти ведьма или колдун, связанные с ним общими занятиями.
- 3) Если после произнесенного подозреваемым проклятья кто-то умирает или случается несчастье.
- 4) Если ругань и угрозы со стороны подозреваемого несут беды и

несчастья тем, кого он невзлюбил.

5) Если подозреваемый или подозреваемая являются сыном или дочерью, слугой или служанкой, близким другом или подругой, соседом или соседкой уже известного и осужденного колдуна.

6) Если на теле подозреваемого найдены сатанинские знаки (см. «Укалывание»).

7) Если на допросе подозреваемый путается в показаниях и противоречит сам себе.

В 1597 г. король Шотландии Яков VI (впоследствии Яков I Английский), сам будучи одержим почти параноидальным страхом перед колдовством, издал свою «Демонологию», чем внес личный вклад в уже существовавшее великое множество пособий по практической охоте на ведьм и колдунов. В этой книге Яков определяет «Божественный метод узнавания ведьм и колдунов»:

«Пугающее множество в это время и в этой стране мерзких слуг дьявола, ведьм, колдунов, гадалок и прорицателей подвинуло меня, любезный читатель, к написанию этого трактата, и уверяю тебя, что взял я на себя сей труд вовсе не для того, чтобы похвастаться своей ученостью и добродетелью, а единственно для того, чтобы утвердить сомневающиеся сердца в вере в происки дьявола и в необходимости сурового наказания его слуг. Сей трактат имеет целью оспорить мнение двух, достойных всяческого порицания, ученых мужей, один из которых, англичанин по имени Скотт, не постыдился опубликовать книгу, в которой отрицает существование колдовства, повторяя тем самым древнюю ошибку Саддукеев, не веривших в существование духов; другой же, немецкий врачеватель по имени Вейрус, всенародно вступился за весь этот бесовский сброд, отстаивая их право безнаказанно предаваться своим колдовским занятиям и сим выявил себя самого, как приспешника Вельзевула, исповедующего ту же веру, как и те, кого он защищает. Ведьм и колдунов следует предавать смерти в соответствии с законами, данными нам Богом, и в соответствии со светскими законами всех христианских народов. Пощада тех, кого Бог приказывает карать как гнусных отступников от Его слова, – не только противозаконна, но, несомненно, есть еще больший грех для облеченных властью, чем тот, который взял на себя Саул, пощадив Агага. Для определения виновности подозреваемого в колдовстве следует подвергнуть двум испытаниям: первое заключается в том, чтобы найти на его теле сатанинские знаки и убедиться в том, что эти места нечувствительны к боли (см. «Укалывание»); другое есть испытание плаванием. Тайное убийство становится явным, как только убийца по

прошествии некоторого времени после преступления дотрагивается до своей жертвы, и тело убиенного начинает источать кровь, взывающую к небесам об отмщении; тем самым Бог указывает на того, кого следует судить за тайное убийство. Точно так же Бог указывает на тех, кто лишен благочестия и состоит в свите дьявола, ибо, будучи брошенными в воду, они остаются на плаву; тем самым Всемогущий указывает на то, что река не желает принимать в свое лоно людей, с которых сошли воды святого крещения. Не следует верить источаемым ими притворным слезам раскаяния. Бог не позволит им скрыть их чудовищные преступления перед Ним; в особенности это касается женщин, проливающих обильные слезы по любому незначительному поводу, слезы, которые не стоят им никаких усилий и которые я счел бы крокодильими».

Стоит заметить в этой связи, что Шекспир написал своего «Макбета», в котором действие разворачивается на фоне магических таинств и колдовских действий, чтобы сделать приятное королю Якову.

Людовик из Парамо в своей книге «Возникновение и деятельность ведомства Святой Инквизиции» (*De Origine et Progressu Officii Sanctae Inquisitionis*, 1598) говорит, что в период с 1450 по 1598 гг. инквизиция сожгла на кострах по меньшей мере 30 000 человек, осужденных за колдовство. К тому времени церковь уже не могла удерживать в своих руках контроль за подавлением ереси и колдовства, поскольку истерия искоренения всех форм колдовства, подлинного или мнимого, уже овладела широкими слоями населения, творившего самосуд, и не удивительно, что вся эта кампания впоследствии получила название «великой охоты на ведьм».

В конце средних веков политическое инакомыслие подавлялось под предлогом борьбы с ересью и черной магией, но по мере заката феодализма разгул охоты на ведьм достиг своего пика, пошел на убыль и вступил в противоречие с зарождавшимся духом торгового и политического просвещения. Как справедливо заметил Роббинс («Энциклопедия колдовства и демонологии»), «коммерсант не потерпит такого порядка вещей, при котором торговые соглашения разрываются при малейшем намеке на ересь одной из сторон». Он же приводит годы, в которые свершилась последняя казнь по обвинению в колдовстве в той или иной стране:

Нидерланды – 1610, Англия – 1684, Америка – 1692, Шотландия – 1727, Франция – 1745, Германия – 1775, Швейцария – 1782, Польша – 1793, Италия – 1791.

Но есть свидетельства того, что в Англии в начале XVIII столетия

ведьм, тем не менее, все еще продолжали предавать смертной казни. Вот отчет о печальной судьбе некой Эми Таунсенд:

«Нам сообщили из Сент-Олбанса, что в графстве Хертфордшир, как некая Эми Таунсенд, на свое несчастье известная в городе колдунья, зашла десять дней назад в мастерскую часовщика и спросила цену часов. Ученик часовщика грубо ответил, что ей не может быть никакого дела до их цены, потому что часы стоят 40 шиллингов, больше, чем ее жизнь. Свидетели рассказали, как разозленная женщина только ткнула пальцем в сторону грубияна и отправилась восвояси. Однако после ее ухода ученика обуял ужас, ибо он вспомнил о ее репутации ведьмы и на следующий день слег в постель, не переставая обвинять Эми Таунсенд в том, что та навела на него порчу. Дальше – больше. Парень принялся утверждать, что умрет, если не пустит ей кровь. Несчастную женщину силком приволокли в дом ученика, который при ее появлении вскочил с кровати и впился ногтями в ее лицо. При появлении крови ученик тут же выздоровел, а старуху выгнали взащей залечивать раны. По городу поползли слухи о том, что Эми Таунсенд околдовала ученика часовых дел мастера, и было решено наказать ее по заслугам. Колдунью приволокли к реке, протекающей за городскими стенами, привязали к ногам веревки, бросили в воду и принялись волочить от одного берега к другому. Старуха захлебнулась бы, не окажись поблизости нескольких более просвещенных горожан, которые отбили ее и отвели домой. Некоторые присутствовавшие при испытании водой утверждали, что Эми никак не желала тонуть и все время держалась на плаву, из чего следовало, что она ведьма. Разъяренные горожане вытащили большую старуху из постели и отвели к судье, чтобы подвергнуть новому испытанию. Дабы утихомирить страсти, судья поместил ее в камеру, находившуюся в подвале здания суда, где через два часа Эми Таунсенд и умерла. По последним сообщениям из Хертфордшира, перед судом графства предстанут несколько человек, принимавших участие в испытании водой Эми Таунсенд, повлекшем за собой ее смерть».

Пытка, в той или иной форме, всегда была важным подспорьем в деле обнаружения ведьм. Чтобы передать их законному суду, прежде нужно было добиться от обвиняемых признания своей вины, что достигалось при помощи мучительных для испытуемых истязаний, таких как погружение в воду (испытание водой) или укалывание. Учитывая то, что большинство этих несчастных женщин (хотя были и мужчины, и даже дети) не чувствовали за собой никакой вины и не желали признаваться в несовершенных преступлениях, чтобы избежать сожжения на костре, без принуждения здесь явно не обходилось.

Представьте себе слабую женщину со всеми болезнями, присущими ее возрасту, которую выводят на середину комнаты в ее же собственном доме, в окружении сброда, слетевшегося со всей округи, чтобы поглазеть на занятное зрелище; ее сажают на пол, скрецивают и связывают ей ноги таким образом, что весь вес ее тела приходится на седалище. После нескольких часов пребывания в этой позе прекращается кровоснабжение, и процедура превращается в болезненную пытку, сравнимую разве что с сидением на деревянной лошадке. Истязание длится 24 часа, в течение которых несчастная не ест, не пьет и не спит. Не удивительно, что после подобной пытки она не только признается во вменяемых ей в вину преступлениях, но и наговаривает на себя много лишнего.

(«Эссе о колдовстве», Фрэнсис Хатчинсон, 1718)

Помимо этого пытка применялась для того, чтобы заставить подозреваемого в колдовстве назвать своих сообщников, и несомненно то, что пострадало множество невинных людей, чьи имена палачам удалось вытянуть из своих жертв. Создавалось впечатление, что процесс обнаружения все новых ведьм нескончаем; очень существенное соображение, учитывая тот факт, что работа инквизиторов и охотников на ведьм оплачивалась соответственно количеству выявленных ими слуг дьявола.

Ниже приводится признание вины и обвинительное свидетельство некой Джоан Уиллфорд из Фиверсхэма в графстве Кент в сентябре 1645 г.

Она призналась в том, что дьявол явился к ней в облики маленькой собачки и повелел ей отвратить ее сердце от Бога и обратиться к нему. Что она, хотя с большой неохотой, и сделала. Она призналась дьяволу в том, что хотела бы отомстить Томасу Лезерлэнду и его жене Мэри, и тот пообещал ей свою помощь во всем и даже взялся снабжать ее деньгами, принося иногда монету в восемь пенсов, а иногда шиллинг. Она назвала своего дьявола Банни, а некоторое время спустя этот самый Банни вытолкнул из окна Томаса Гардлера, который, к счастью, упал в навозную жижу. Как призналась обвиняемая, прошло уже 20 лет с тех пор, как она отдала душу дьяволу и показала, что ее сообщницами в колдовских делах были Джейн Холт, Элизабет Хэррис и Джоан Арголл. Затем она добавила, что Банни рассказывал ей о том, что Элизабет Хэррис накликала пагубу на лодку Джона Уофкотта, и та затонула, а любезная Джоан Арголл наслала проклятья на головы мистера Мейджера и Джона Мэннингтона, пожелав последнему смерти, после чего тот вскоре скоропостижно скончался. Этот дьявол являлся к ней в облики мыши несколько раз с тех пор, как ее

посадили в тюрьму.

Хотя Америка, как и Англия, находилась в стороне от чудовищных жестокостей, чинимых инквизицией в странах континентальной Европы, вызывает интерес тот факт, что один феномен, наиболее живо иллюстрирующий разгул ведьмomanии, прочно закрепился в сознании последующих поколений как чисто американский. Это – процессы над салемами ведьмами. Новая Англия, в частности Массачусетс, стала основным местом высадки английских переселенцев-пуритан в 30–40 годах XVII века. В последовавшие годы в результате сложившихся социально-политических условий жители малых городов замкнулись в своих мирках и семьях. Параноидальное недоверие друг к другу разрасталось подобно раковой опухоли, и, как описывает это время один современник, «сосед следил за соседом; нормальное общение уступило место сплетням, домыслам и наветам, а твердая вера – темному суеверию». В 1692 г. пороховая бочка взорвалась, и всеобщая озлобленность вылилась в ужасы, каковыми стали судебные процессы над салемами ведьмами. В результате охватившей Новую Англию истерии по доносам соседей и сослуживцев были арестованы и преданы суду сотни ни в чем не повинных людей. В период с 10 июня по 22 сентября 19 человек (13 из них были женщинами) окончили свою жизнь на виселице. Первой жертвой охоты на ведьм стала Бриджит Бишоп. Решение суда о предании ее смертной казни через повешение гласило:

«Джорджу Корвину, джентльмену, главному шерифу графства Эссекс. Бриджит Бишоп, в девичестве Оливер, жена пильщика леса Эдварда Бишопа из Салема, что в графстве Эссекс, предстала перед особым судом, возглавляемым Вильямом Стаутоном, эсквайром, имевшим место в Салеме во второй день текущего месяца июня. Названной колдунье вменяется в вину то, что 19 апреля сего года, а также в дни предшествующие и дни последующие, она совершала магические действия над телами Абигаль Вильямз, Энн Патнэм-младшей, Мерси Льюис, Мэри Уолкотт и Элизабет Хаббард, незамужних женщин из города Салема; причем их тела подверглись истязаниям с нанесением ран и ушибов и после чего названные женщины начали болеть и чахнуть. Подобные действия не согласуются с ныне действующими законами и подлежат пресечению.

Названная Бриджит Бишоп отказалась признать себя виновной и отдала себя на милость Бога и правосудия. Она была приговорена к смертной казни через повешение, как того требует закон. Приговор ждет, дабы быть приведенным в исполнение.

Сим обязываю Вас именем их Величеств короля и королевы Англии и прочее Вильяма и Марии в следующую пятницу, имеющую быть десятым днем текущего месяца июня, между восемью и двенадцатью часами пополудни препроводить названную Бриджит Бишоп, она же Оливер, из тюрьмы их Величеств в Салеме к месту казни и повесить ее за шею до полного испускания духа. Об исполнении незамедлительно доложить секретарю названного суда.

Сей документ является гарантом Ваших полномочий.

Дан за моей собственноручной подписью с приложением печати в Бостоне восьмого дня месяца июня в четвертый год правления наших повелителей Вильяма и Марии, ныне Короля и королевы Англии и прочее, в лето от Рождества Христова 1692-е.

Вильям Стаутон».

Когда истерия пошла на убыль и выявилась невиновность осужденных за колдовство, было опубликовано так называемое «признание ошибок», подписанное присяжными заседателями салемских процессов и датированное четырьмя годами позже описанных событий, 14 января 1696 г.

«Мы, нижеподписавшиеся, будучи призваны в году 1692 состоять в жюри суда города Салема, участвовали в судебных разбирательствах по делу многих, коим вменялось в вину совершение колдовских действий и глумление над телами своих сограждан.

Мы признаем, что были не в состоянии понять происки Князя Тьмы и воспротивиться его козням; мы, исходя из собственного мнения и сведений, предоставленных свидетелями, осудили многих людей на основании, которое при более зрелом размышлении и при наличии дополнительных сведений кажется нам недостаточным, чтобы посягать на чью-либо жизнь (Второзаконие, XVII, 6).

Посему мы осознаем, что по незнанию и невольно стали, как и другие, орудием в руках темных сил и пролили невинную кровь, взяв на душу грех, который наш Господь называет в Святом Писании непрощительным (2 Книга Царств, XXIV, 4).

Сим посланием мы выражаем всем и особо уцелевшим мученикам наше искреннее осознание своей вины и глубокую скорбь по поводу совершенных нами ошибок, повлекших осуждение на смерть невинных. Мы заявляем, что, как это ни прискорбно, мы позволили ввести себя в заблуждение, о чем не перестаем сокрушаться. Смирено мы просим

прощения за наши ошибки у Бога и молимся, чтобы Он не наказал ни нас, ни других за свершенное. Мы молимся, чтобы нас простили уцелевшие мученики, чтобы они поверили в то, что мы действовали в силу доселе невиданного всеобщего заблуждения.

Положа руку на сердце, мы смиренно просим прощения у всех вас, кого мы несправедливо обидели, и заявляем, что впредь ни один из нас, никогда и нигде не совершит подобного. Мы молимся, чтобы эти искренние слова служили во искупление за наши невольные злодеяния, и умоляем Господа, чтобы Он благословил нашу несчастную страну.

Томас Фиск (старшина присяжных)

Вильям Фиск

Джон Бэчелор

Томас Фиск-младший

Джон Дейн

Джозеф Эвелит

Томас Перли-старший

Джон Пибоди

Томас Перкинс

Самюэль Сэйер

Эндрю Эллиотт

Генри Геррик-старший».

Пытка в современном мире

Совершенно очевидно то, что условия военного положения способствуют применению особенно жестоких методов дознания, но в этой связи следует добавить, что то же наблюдение остается в силе, если дело касается беспорядков внутри какой-то страны, когда государству противостоит террористическая активность некоторой части его граждан, направленная зачастую против гражданского населения данной страны.

Подобная ситуация имела место в 1970-х годах в Северной Ирландии и является прекрасным, хорошо документированным примером того, как даже высокоцивилизованная нация может впасть в искушение и применить в борьбе с внутренними врагами бесчеловечное обращение и пытки. С давних пор одним из основных моментов общего права в Англии (и соответственно в Северной Ирландии, являющейся частью Соединенного Королевства) было правило, гласящее, что, в соответствии с судебными нормами и административными предписаниями полиции показания обвиняемого могут рассматриваться как полноценное свидетельство лишь в том случае, если они «не были получены с использованием принуждения и не куплены властями обещанием неких выгод для подследственного». Однако в 1973 г. комиссия Диплока, созданная для разработки документа, который впоследствии стал называться «Североирландским чрезвычайным актом», решила, что этот пункт в судебных нормах «препятствует следствию и отправлению правосудия в случаях, когда дело касается терроризма», и фраза «не были получены с использованием принуждения» была заменена на другую: «не были получены с применением пытки или в результате бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения». Иными словами, принуждение становилось вполне законным следственным методом, коль скоро оно не выходило за рамки допустимого и не могло быть расценено мировым сообществом как пытка. Трудности следствия усугубляло то, что в Северной Ирландии стало почти невозможным найти свидетелей, готовых дать показания против подозреваемых террористов, из чего следовало, что суды над политическими преступниками более чем на три четверти руководствовались в принятии решений единственно признанием самих обвиняемых.

Уже в 1975 г. выявилось, что в условиях чрезвычайного положения власти начали все чаще прибегать к таким методам следствия, которые

выходили за рамки допустимого. В 1976 г. деятельность британского правительства и органов правопорядка Ольстера была подвергнута анализу в Европейской комиссии по правам человека в Страсбурге, которая пришла к следующему выводу: британские власти допускают применение таких методов следствия, которые не могут быть квалифицированы иначе как пытка и бесчеловечное обращение с задержанными. Вот некоторые из этих методов: мешок на голове, многочасовое стояние у стены, пытка монотонным звуком, лишение сна, лишение пищи и воды, пытка холодом и жарой и т. д. Применение подобных методов воздействия задокументировано, а следующий короткий отрывок, взятый из показаний самих задержанных, может наглядно проиллюстрировать следственные методы британских властей.

В Северной Ирландии в день интернирования в 4.30 утра было арестовано 342 человека. В течение двух дней их содержали в особом военном центре, подвергая при этом таким методам воздействия, как избиение, физические нагрузки, лишение сна, лишение пищи, словесные оскорбления, травля собаками, раздевание донага и запугивание. Некоторые из них, сначала 12 человек, а затем еще двое, были переведены в одиночные камеры, где их подвергали физическому и психическому воздействию.

Мешок на голове: «констебль из Королевской полиции Ольстера надел на голову жертвы черный мешок из грубой и плотной хлопчатобумажной ткани. Время от времени горловину мешка пережимали таким образом, что задержанный начинал задыхаться. Во время допроса перед его лицом установили яркие лампы, а затем сняли мешок, который его заставляли носить на голове не снимая в течение почти шести дней».

Стояние у стены: «жертву заставляли стоять в течение шести дней в так называемой „поисковой стойке“, применяемой в качестве наказания солдат в британской армии; поставили так, чтобы, стоя на цыпочках, кончиками пальцев человек упирался в стену. При этом спина должна быть прямой, а голова запрокинутой назад. Если он шевелился или падал, его жестоко избивали».

Шумовое воздействие: «в течение все тех же шести дней жертву подвергали воздействию звука высокой частоты, подобного тому, какой издает свисток паровоза. Уже к концу процедуры, когда несчастному позволили лечь на матрац, свистящий звук заменили шипящим, а позже – какофонией прокручиваемых назад и наложенных друг на друга музыкальных записей».

Лишение сна: «задержанному не давали спать в течение шести дней».

Лишение пищи и воды: «в течение шести дней задержанные получали лишь по глотку воды и по кусочку почти несъедобного сухаря в день».

Пытка холодом и жаром: «с целью получения необходимых сведений заключенных подвергали крайним перепадам минусовых и плюсовых температур».

Нанесение телесных повреждений: зафиксировано 22 различных вида нанесения телесных повреждений.

Несмотря на обязательства, взятые на себя британским правительством и предусматривавшие пресечение самых вопиющих проявлений произвола со стороны местных властей, от полицейских врачей ирландской провинции, а также из других источников продолжали поступать тревожные сообщения о случаях применения физического и психического воздействия на задержанных. Об отдельных фактах насилия стало известно из так называемого доклада Беннета («Доклад комитета по расследованию следственных методов полиции Северной Ирландии», 1979), а также из доклада миссии «Международной амнистии» («Северная Ирландия», 1978). В них подробно сообщалось о давлении, оказываемом полицией Ольстера на подсудимых, как-то: избивание, многочасовое стояние у стены, прижигание сигаретой, выкручивание суставов и угрозы в отношении как самих задержанных, так и в отношении их семей.

Примечательно то, что более чем через 12 лет со времени появления первого доклада «Международной амнистии» по Северной Ирландии эта организация обнародовала в августе 1991 г. еще один доклад, в котором потребовала от британского правительства незамедлительных мер по пресечению произвола местных властей в Ольстере. В докладе утверждалось, что в следственном центре Каслри в Белфасте в ходе следствия некий семнадцатилетний юноша подвергался физическому и психическому воздействию со стороны детективов Королевской полиции Ольстера. Юношу задержали в мае 1991 г., сразу же после ракетного обстрела террористов, во время которого погиб офицер Королевской полиции. По свидетельству задержанного, в процессе следствия его неоднократно оскорбляли, прижигали лицо сигаретой и избивали. Его врач подтвердил в письменных показаниях под присягой, что действительно обнаружил на теле своего пациента следы явного насилия. Из этого, а также из других фактов можно сделать вывод, что предписанные Вестминстером ограничения, призванные защитить подсудимых от произвола полиции, просто-напросто ею игнорировались.

Конечно, факты применения насилия британскими властями в Ольстере нельзя назвать самыми вопиющими проявлениями жестокости по

отношению к подозреваемым террористам и политическим противникам. По сравнению с тем, что творится в других странах, методы ольстерской полиции можно квалифицировать даже как безобидные, но ситуация в Северной Ирландии наглядно демонстрирует сложности, которые стоят на пути искоренения недозволенных методов ведения следствия даже в такой демократической и цивилизованной стране, как Великобритания. Ничуть не смущаясь осуждения своих методов Европейской комиссией по правам человека, британское правительство увеличило срок содержания подозреваемых под стражей без предъявления им обвинения с обычных 24 часов сначала до трех, а затем, в соответствии с Актом по борьбе с терроризмом, до семи суток. Эти шаги, однако, не сопровождались мерами, призванными защитить гражданские права, а также физическое и психическое здоровье подследственных.

К сожалению, это в той или иной мере обычная политика власть предержащих во многих странах мира в деле подавления оппозиции, и применение пыток или прямо санкционируется режимом, или в лучшем случае правительство просто закрывает глаза на произвол своей полиции. В своем подробном докладе «Пытка в восьмидесятых годах» «Международная амнистия» приводит данные о применении пыток не менее чем в 93 странах мира; то есть более трети всех правительств мира не гнушаются осужденным мировым сообществом методов ведения следствия. В этом отношении современный мир мало чем отличается от античного, и пытка по-прежнему служит санкционированным инструментом государства в деле сохранения существующего порядка и редко – орудием отдельных людей или групп для достижения своих целей. Однако одно соображение вселяет надежду на окончательное искоренение пыток из мировой следственной практики, поскольку если невозможно избавить общество от отдельных носителей зла при достаточном давлении со стороны международных организаций, таких как ООН или «Международная амнистия», правительствам придется изменить свое отношение к насилию и отказаться от применения пыток.

Подобное соображение имело следствием появление необходимости в заключении всеобщего соглашения, предусматривающего должное обращение с заключенными и, в особенности, с так называемыми «узниками совести»^[4]. В августе 1955 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла статьи 31–33 «Устава о борьбе с преступностью и обращении с заключенными»:

«*Статья 31.* Телесные наказания, содержание в темной камере и любые другие жестокие, бесчеловечные и унижающие человеческое

достоинство меры пресечения должны быть запрещены в качестве наказаний за дисциплинарные нарушения.

Статья 32. (1) Наказание одиночным заключением или лишением пищи не может налагаться в том случае, если врач не осмотрел заключенного и не удостоверил в письменном виде, что тот в состоянии его выдержать.

(2) То же относится к любому другому виду наказаний, могущему повредить физическому или психическому состоянию заключенного. Ни в коем случае налагаемое наказание не должно противоречить принципам, изложенным в статье 31.

(3) Заключенных, подвергнутых такому наказанию, должен ежедневно осматривать врач и уведомлять администрацию в том случае, если сочтет необходимым в зависимости от психофизического состояния заключенного снятие или изменение меры пресечения.

Статья 33. Наручники, кандалы и смирительная рубашка ни в коем случае не могут применяться в качестве наказания. Более того, наручники и кандалы не могут быть использованы в качестве меры ограничения свободы тела. Другие меры пресечения могут применяться в следующих случаях:

а) в качестве предосторожности на случай побега во время транспортировки и при условии, что их снимут, если заключенный должен предстать перед лицом, облеченным судебной или административной властью;

б) по распоряжению врача;

в) по распоряжению администрации, если другие меры не дают желаемых результатов, а также если заключенный способен нанести себе или другим какие бы то ни было телесные повреждения или причинить материальный ущерб; в таких случаях администрация обязана согласовать свои действия с врачом и немедленно доложить о случившемся в вышестоящую инстанцию».

Шокирует тот факт, что в середине XX столетия приходится говорить о наручниках и кандалах, инструментах пресечения, используемых человечеством никак не меньше двух тысячелетий и имеющих до сих пор большое хождение во всех странах мира.

В декабре 1975 г. Генеральная ассамблея ООН приняла декларацию, осуждающую пытки, а также любое жестокое, бесчеловечное и унижающее человеческое достоинство обращение:

Статья 1. (1) В соответствии с целями данной Декларации понятие «пытка» определяется как действие, осуществляемое должностным лицом

или по его указанию по отношению к некому лицу, при котором причиняются боль и жестокие страдания, как физические, так и психические, в целях получения от него или третьего лица информации, признания; наказание его за совершенное преступление или в целях запугивания его или других лиц. Это определение не включает в себя те случаи, когда боль и страдания имеют причиной законные меры пресечения, согласующиеся с общими нормами обращения с заключенными.

(2) пытка является особенно жестокое, бесчеловечное, а также унижающее человеческое достоинство обращение или наказание.

Статья 2. Любое применение пытки, а также случаи жестокого, бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, являются преступлением против человечности и должны быть осуждены, как противоречащие духу Устава ООН и попирающие права и основные свободы человека, провозглашенные во Всеобщей декларации прав человека.

Статья 3. Ни одно государство не должно допускать или терпеть применение пыток или случаи какого-либо другого жестокого, бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения или наказания. Чрезвычайные обстоятельства, как-то: состояние войны, угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или какие-либо социальные потрясения, не могут служить оправданием применению пыток или какому-либо другому жестокому, бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Статья 4. Каждое государство в соответствии с положениями данной декларации должно принимать в рамках своей юрисдикции действенные меры по предотвращению применения пыток, а также другого жестокого, бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения или наказания.

Статья 5. Обучение персонала сил охраны правопорядка, а также государственных служащих, которые в силу своих служебных обязанностей имеют дело с лицами, лишенными свободы, должно обеспечивать полное осознание ими невозможности применения пыток, а также жестокого, бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения и наказания. Этот запрет должен быть включен во все правила и инструкции для тех государственных служащих, которые в силу своих служебных обязанностей могут соприкасаться с лицами, лишенными свободы.

Статья 6. Каждое государство должно осуществлять постоянный контроль за следственными методами органов охраны правопорядка с

целью немедленного пресечения применения пыток или других форм жестокого, бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, а также обеспечивать надлежащее содержание лиц, лишенных свободы на его территории, и должное с ними обращение.

Статья 7. Каждое государство должно предусмотреть в своем уголовном праве наказание за применение пытки, определенной в статье 1. Это же положение относится к действиям, могущим рассматриваться как соучастие в пытке, подстрекательство к ней или попытка ее применения.

Статья 8. Любое лицо, утверждающее, что его подвергли пытке или жестокому, бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию по распоряжению некоего должностного лица, имеет право подать жалобу в соответствующие органы данного государства и рассчитывать на беспристрастное рассмотрение своего дела.

Статья 9. Всякий раз, когда возникает подозрение в применении пытки, определенной в статье 1, соответствующие государственные органы обязаны немедленно начать беспристрастное расследование по данному факту даже в том случае, если официальной жалобы не поступало.

Статья 10. Если расследование, предусмотренное статьями 8 и 9, устанавливает факт применения пытки, определенной в статье 1, предполагаемый преступник или преступники подвергаются в соответствии с уголовным законодательством данной страны преследованию судебным порядком. Если в результате расследования подтверждается факт жестокого, бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, дело предполагаемого преступника или преступников также передается для рассмотрения в уголовный суд.

Статья 11. В том случае, если доказан факт применения пытки, а также использования должностным лицом или по его распоряжению других форм жестокого, бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, пострадавший вправе требовать возмещения морального и физического ущерба в соответствии с законодательством данного государства.

Статья 12. Любое заявление, сделанное под пыткой или в результате жестокого, бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, не может быть обращено против данного лица или других лиц и служить в качестве доказательства в каком бы то ни было судебном разбирательстве.

Эта декларация воплотила в себе многие идеи и принципы, уже затронутые в этом предисловии, такие как, например, недопустимость

оправдания применения пыток состоянием войны или гражданскими беспорядками. Самым невероятным кажется то, что декларация была ратифицирована многими государствами-членами ООН, которые известны сейчас как злостные нарушители ее принципов, чуть ли не ежедневно прибегающие к применению пыток; хуже того, некоторые страны, включая те, в которых практикуется самое неприкрытое нарушение прав человека, время от времени делают односторонние заявления, осуждающие насилие. Одно из двух: или в мире развелось слишком много двуличных правительств (во что не так трудно поверить, учитывая предыдущий исторический опыт человечества), или власть предрежащие во многих странах настолько свыклись с дурным обращением с заключенными в своих тюрьмах, что перестали замечать то, что творится у них под носом, и искренне считают себя непричастными к применению пыток.

Кто они, сегодняшние палачи? Согласно докладу «Международной амнистии»^[5], озаглавленному «Пытка в восьмидесятых годах», это 66 стран мира в различных частях света.

Не стоит включать в это предисловие детальную информацию по каждой стране, чтобы избежать ненужных повторений, но методы самых злостных нарушителей прав человека стоят того, чтобы быть упомянутыми здесь хотя бы вкратце:

Албания: нанесение побоев кулаками и ногами; воздействие электрическим током. Применяются в отношении политических заключенных.

Ангола: нанесение жестоких побоев кулаками или палками; порка при помощи ремня или кнута; воздействие электрическим током на половые органы. Применяются в отношении политических заключенных.

Аргентина: нанесение побоев кулаками, дубинками или прикладами винтовок; воздействие электрическим током при помощи приспособления, применяемого для гона крупного рогатого скота; погружение в воду с мешком на голове (когда узника вынимают из воды, намокшая ткань прилипает к лицу и препятствует дыханию); прижигание сигаретой; длительное стояние в неудобной позе; погружение в ледяную воду; лишение сна и пищи. Применяются в отношении как политических, так и прочих заключенных.

Афганистан: нанесение побоев; воздействие электрическим током через провода, подсоединенные к армейскому телефону; лишение сна и пищи. Регулярно применяются государственной сыскной полицией ХАД в отношении политических заключенных.

Бахрейн: нанесение побоев; прижигание сигаретой. Применяются

органами безопасности в отношении политических заключенных.

Бангладеш: систематическое избиение, имеющее результатом сломанные конечности; воздействие электрическим током; прижигание сигаретой; лишение пищи; изнасилование. Применяются армией в отношении как политических, так и прочих заключенных.

Боливия: систематическое избиение дубинками и прикладами винтовок; порка кнутом; избиение ногами; воздействие электрическим током на уши, грудные соски и половые органы с использованием приспособления для гона скота (зачастую перед пыткой жертву привязывают к металлической кровати или заставляют погрузить ноги в воду); подвешивание за кисти рук или ступни; пытка, известная под названием «чанко» (chanco): узника заставляют лечь на два расставленных стула так, что он касается их только затылком и пятками ног, если тот падает, его избивают; угроза нанесением увечий; изнасилование; ложная казнь, травмирующая психику заключенного. Применяются главным образом неофициальными полувоенными формированиями в отношении пленных.

Бразилия: нанесение побоев; воздействие электрическим током; так называемая «жердочка для попугая» (rau de arara), когда под колени узнику просовывают металлический стержень, привязывают руки к лодыжкам и подвешивают головой вниз. Применяются главным образом в отношении подозреваемых в совершении уголовных преступлений с целью добиться признания.

Габон: нанесение жестоких побоев кулаками или палками; воздействие электрическим током; воздухонепроницаемый мешок на голове; полное погружение в воду. Применяются в отношении политических заключенных.

Гана: избиение политических заключенных кулаками и прикладами винтовок.

Гайана: нанесение побоев; лишение сна и пищи. Применяются в отношении как политических, так и прочих заключенных.

Гаити: нанесение побоев палками; подвешивание на «жердочке для попугая» (см. *Бразилия*), называемой здесь «Джек» (Jack).

Гватемала: прижигание сигаретой; кастрация и нанесение других увечий; «капуча» (саруча) – наполненный ядовитым газом воздухонепроницаемый мешок на голове жертвы. Применяются в отношении противников режима.

Гвинея: нанесение побоев прикладами винтовок и дубинками; воздействие электрическим током на голову, конечности или половые

органы. Широко применяются в отношении как политических, так и прочих заключенных.

Гондурас: нанесение побоев; воздействие электрическим током; содержание в малом закрытом пространстве, где узник не в состоянии ни встать ни сесть.

Джибути: нанесение побоев; подвешивание на «жердочке для попугая» (см. *Бразилия*), сопровождаемое избиением; насильственное глотание мыльной воды. Применяются в отношении как политических, так и прочих заключенных.

Египет: нанесение побоев палками; порка кнутом или резиновым шлангом; прижигание сигаретой; подвешивание за ступни и кисти рук; угроза физическим насилием и изнасилованием близких заключенного.

Заир: воздействие электрическим током на конечности и половые органы; использование ослабляющих медицинских препаратов; лишение пищи и воды. Применяются в отношении политических заключенных.

Замбия: нанесение тяжелых побоев; воздействие электрическим током; изощренная пытка (один заключенный сообщил, что в его задний проход и мочеиспускательный канал вставлялись всевозможные предметы). Применяются в отношении политических заключенных.

Зимбабве: нанесение побоев кулаками и ногами; воздействие электрическим током; нанесение увечий (между пальцами рук жертвы вставляются карандаши, затем кисти рук сжимаются до хруста костей). Применяются в отношении противников правительства.

Индия: жестокое избиение, часто имеющее результатом переломы конечностей; воздействие электрическим током; подвешивание вниз головой за ноги. Широко применяются в отношении всех классов заключенных.

Индонезия: нанесение побоев, в частности – по голове; воздействие электрическим током; одиночное заключение; лишение пищи; введение под ногти зажженных спичек; оскорбление религиозного чувства, например – содержание с лицами противоположного пола или запрет на отправление молебна. Применяются в отношении противников правительства.

Ирак: нанесение побоев кулаками и дубинками; избиение ногами; порка; многократное нанесение палочных ударов по пяткам («фалака»); воздействие электрическим током; ложная казнь; сексуальные злоупотребления. Применяются в отношении политических заключенных.

Иран: публичная порка, применяемая в отношении всех классов заключенных, в частности за злоупотребление алкоголем; отрубание пальцев и рук за воровство; побивание камнями за сексуальные

преступления.

Израиль: нанесение жестоких побоев; содержание под лучами палящего солнца; содержание в холодном помещении; ледяной душ; лишение сна и пищи. Применяются органами безопасности в отношении подозреваемых в терроризме.

Италия: нанесение жестоких побоев; воздействие электрическим током; прижигание сигаретой; обливание ледяной водой; препятствующий дыханию мешок на голове; зажатие половых органов. Применяются эпизодически в отношении политических заключенных.

Камерун: нанесение побоев; «фалака», то есть нанесение палочных ударов по пяткам жертвы; воздействие электрическим током.

Кения: избиение, включая нанесение побоев в область гениталий; воздействие электрическим током; содержание голым в камере, залитой холодной водой; содержание в полной темноте; угрозы смертью.

Китай: нанесение побоев; препятствующая нормальному дыханию противогазная маска на лице; пытка холодом. Китайское правительство практикует также публичные казни (см. выше).

Колумбия: систематическое избиение; воздействие электрическим током; длительное стояние в неудобной позе; погружение головы узника в грязную воду; использование наркотических препаратов; длительное содержание в холодном помещении или под лучами палящего солнца; пытка с использованием насекомых; подвешивание за кисти рук, связанных за спиной (пытка сродни дыбе, в средние века называвшейся сквассацией).

Коморские острова: систематическое избиение политических заключенных кулаками или дубинками.

Конго: нанесение побоев дубинками, прикладами винтовок или приводными ремнями; воздействие электрическим током на наиболее чувствительные части тела, при этом жертва привязана к металлической кровати или стоит в воде. Применяются в отношении политических заключенных.

Корея: нанесение побоев; воздействие электрическим током; подвешивание на дубинке, продетой под колени жертвы, кисти рук и ступни которой связаны вместе (азиатский вариант пытки на «жердочке для попугая», именуемый здесь «жареный цыпленок»); вывих конечностей при помощи деревянной палки; наливание воды в ноздри жертвы, подвешенной вниз головой. Применяются в отношении как политических, так и прочих заключенных.

Лесото: нанесение жестоких побоев (верхняя часть тела жертвы накрывается одеялом, затем на грудь и руки кладется крышка грузового

автомобиля и полузадохнувшуюся жертву подвергают избиению). Применяются в отношении политических заключенных.

Ливия: нанесение побоев кулаками и ногами; воздействие электрическим током на половые органы; порка с использованием телефонного кабеля; «фалака»; угрозы физическим или сексуальным насилием; пытка, применяемая, очевидно, только в этом регионе: на оголенный живот жертвы помещается накрытый перевернутой чашкой жук. Применяются в отношении политических заключенных.

Мавритания: нанесение жестоких побоев (жертва подвешена за ноги вниз головой); прижигание головней; в соответствии с исламскими законами шариата – публичное отрубание рук за воровство и публичная порка за мелкие правонарушения.

Мали: нанесение побоев палками и дубинками (иногда во время экзекуции жертва подвешена вниз головой); воздействие электрическим током; прижигание сигаретой; порка; длительное содержание под прямыми солнечными лучами. Применяются в отношении политических заключенных полицией, жандармерией и армией.

Марокко: нанесение побоев; воздействие электрическим током; прижигание сигаретой; долговременное подвешивание в болезненной позе; «фалака». Применяются в отношении политических заключенных.

Мексика: нанесение жестоких побоев; воздействие электрическим током; прижигание сигаретой; сексуальные злоупотребления. Применяются в отношении политических заключенных.

Мозамбик: публичная порка (преступник может быть приговорен к 90 ударам плетью, хотя одновременно наносится 30 ударов с недельным промежутком между экзекуциями). Применяются главным образом в отношении политических заключенных.

Намбия: нанесение побоев; воздействие электрическим током; препятствующий нормальному дыханию мешок на голове; лишение пищи. Применяются главным образом южно-африканскими органами безопасности в отношении политических заключенных.

Пакистан: нанесение жестоких побоев; прижигание сигаретой; воздействие электрическим током; «фалака»; лишение сна; угрозы смертью; пытка, во время которой ноги жертвы, привязанной к деревянной скамье, придавливаются к ней при помощи деревянного вращающегося вала. Применяются в отношении как политических, так и прочих заключенных.

Парагвай: нанесение жестоких побоев; воздействие электрическим током посредством приспособления для гона крупного рогатого скота;

погружение головы заключенного в бак с экскрементами; «фалака»; содержание в болезненной позе, как-то: стоящим в деревянном ящике (guardia), в положении плода в утробе матери (feto) или будучи завернутым в пластик и помещенным в металлический цилиндр (secadera); подвешивание за ноги.

Перу: нанесение жестоких побоев; воздействие электрическим током; препятствующий дыханию мешок на голове; обливание ледяной водой; лишение пищи; прижигание сигаретой; погружение зашитой в мешок жертвы в воду; дыба (руки жертвы схвачены за спиной наручниками и ее приподнимают к потолку при помощи ворота и веревки); частичное удушение посредством мокрых тряпок или пластиковых мешков. Применяются в отношении всех классов заключенных.

Польша: нанесение побоев, включая так называемую «оздоровительную прогулку», во время которой заключенного прогоняют между двумя рядами вооруженных дубинками полицейских. Применяются главным образом в отношении политических заключенных и в особенности членов запрещенного профсоюза «Солидарность».

Руанда: нанесение побоев; «фалака»; воздействие электрическим током; введение под ногти иголок; содержание в темной камере (cachot noir). Применяются в отношении политических заключенных.

Румыния: нанесение жестоких побоев при помощи резиновых дубинок и избивание заключенных ногами. Применяются в отношении политических заключенных.

Сальвадор: нанесение побоев; прижигание сигаретой или серной кислотой; ложная казнь; использование наркотических препаратов; изнасилование. Применяются охранкой в отношении лиц, находящихся в оппозиции к режиму.

Саудовская Аравия: нанесение побоев; «фалака» (во время экзекуции ноги жертвы привязаны к спинке стула); в соответствии с исламскими законами шариата воровство наказывается отрубанием правой руки, а мелкие правонарушения – публичной поркой (до 300 ударов плетью). Применяются в отношении всех классов заключенных.

Сирия: нанесение жестоких побоев; порка; обливание кипятком и ледяной водой; вырывание ногтей; воздействие электрическим током, в особенности на половые органы; болезненное введение в задний проход различных предметов, таких как, например, бутылочные горлышки или палки; пытка с использованием приспособления, называемого «ковром-самолетом» (Bisat al Rih), представляющего собой кусок дерева, вырезанного в форме человеческого силуэта, к которому привязывают

жертву, подвергают избиению и воздействию электрического тока; пытка с использованием приспособления, называемого «черный раб» (al-'Abdal Aswad), на которое усаживают жертву и автоматически вводят в задний проход горячий металлический стержень. Применяются органами безопасности в отношении противников правительства.

Сомали: нанесение побоев; воздействие электрическим током; содержание в темной камере; сексуальные злоупотребления; угроза смертью и ложная казнь. Применяются в отношении политических заключенных.

Суринам: нанесение жестоких побоев; лишение сна, пищи и воды; нанесение увечий; угроза смертью.

Тайвань: нанесение побоев; воздействие электрическим током; лишение сна; угроза смертью.

Тунис: нанесение жестоких побоев с помощью палок, железных брусков и кусков резинового шланга; подвешивание на «жердочке для попугая» (см. *Бразилия*); прижигание сигаретой. Применяются в отношении политических заключенных.

Турция: нанесение жестоких побоев; «фалака» (применяется в этой стране с давних пор); воздействие электрическим током; подвешивание за руки или за ноги. Применяются в отношении политических заключенных.

Уганда: нанесение побоев при помощи палок, прикладов винтовок, молотков и железных брусков; порка с использованием провода и колючей проволоки; прижигание половых органов; сексуальные злоупотребления; повреждение конечностей посредством холодного и огнестрельного оружия; лишение пищи и воды. Применяются главным образом в отношении противников режима.

Уругвай: нанесение жестоких побоев; воздействие электрическим током; содержание с мешком на голове (до одного месяца); погружение головы заключенного в бак с экскрементами; подвешивание за запястья, колени или лодыжки. Применяются в отношении политических заключенных.

Филиппины: нанесение жестоких побоев; воздействие электрическим током; прижигание сигаретой; изнасилование. Применяются военными в отношении политических заключенных.

Чад: нанесение жестоких побоев; публичная порка. Применяются в отношении политических заключенных.

Чили: нанесение побоев; воздействие электрическим током на губы, половые органы и суставы жертвы, привязанной к металлической кровати («электрический гриль»); «жердочка для попугая» (см. *Бразилия*); лишение

сна; использование наркотических препаратов; нанесение удара по обоим ушам одновременно (так называемый «телефон»). Применяются в отношении политических заключенных.

Шри Ланка: нанесение побоев; введение под ногти иголок; введение сухих перечных стручков в задний проход; подвешивание вниз головой. Применяются в отношении тамильских экстремистов.

Эфиопия: нанесение палочных ударов по пяткам («фалака»), при этом жертва подвешена на «жердочке для попугая» (см. *Бразилия*); воздействие электрическим током; подвешивание тяжелых предметов к яичкам; сексуальные злоупотребления; обливание кипящим маслом или водой. Применяются в отношении политических заключенных. Известно, что в 1977–1978 гг. подверглись пыткам десятки тысяч заключенных.

ЮАР: нанесение побоев при помощи палок, кулаков и других предметов; воздействие электрическим током; подвешивание на шесте, продевом между схваченными наручниками руками и связанными ногами; воздействие холодом; мешок на голове; длительное стояние с тяжелым грузом на голове; угрозы смертью как самим заключенным, так и их близким. Применяются органами безопасности к политическим заключенным.

Виды пыток

Мы уже видели в начале этого предисловия, что применение пыток в качестве наказания и принуждения так же старо, как мир, и практиковалось во все времена и у всех народов, населявших земной шар. Я не слишком ошибусь, если возьмусь утверждать, что способы причинения физической и психологической боли ближнему вряд ли сколько-нибудь изменились за прошедшие тысячелетия. Конечно, палачи никогда не упускали возможность воспользоваться плодами технического прогресса, и в результате пытка и казнь стали более изощренными, но очевидно то, что наши предки успели изобрести все, могущее служить целям истязания себе подобных, хотя качество и действенность орудий заметно выросли. Например, грубо обработанный кремниевый топор, использовавшийся для обезглавливания, уступил место такому же топору, но стальному.

Некоторые новые изобретения в этой области, такие как пытка электрическим током или электрический стул, появились только после того, как человечество познакомилось с электричеством, а растущее понимание возможностей воздействия на психику человека всевозможных медицинских препаратов открыло широкие перспективы применения их для психологического воздействия на мозг человека. Однако эффект медикаментозного лишения сенсорного восприятия психологически мало чем отличается от воздействия на человека одиночного заключения в темном и вонючем каземате.

Итак, мотивы и методы истязания не меняются с годами, и в связи с тем, что эти методы по сути своей очень просты и всеобщы, трудно ограничивать применение каких бы то ни было из них определенной местностью, хотя закапывание жертвы по шею в песок гораздо более осуществимо в Марокко, чем в Манчестере, а вот такие орудия, как дубины для нанесения побоев или плети для порки, применялись повсеместно, во все времена и всеми народами.

Заключение

Перед лицом удручающих свидетельств непрекращающегося применения пыток во всем мире и учитывая тот факт, что мотивы и методы палачей не претерпели существенных изменений за прошедшие столетия, чрезвычайно сложно смотреть в будущее с оптимизмом, поскольку очевидно, что без сдерживающего влияния таких международных организаций, как «Международная амнистия» и ООН, ситуация с применением пыток могла бы быть гораздо хуже.

Из содержания этой книги читателю станет ясно, что наряду со ссылками на применение пыток в современном мире, эта работа трактует предмет в историческом и социальном планах, поскольку только имея представление об ужасных последствиях религиозных гонений в Европе прошедших веков, мы можем лучше понять корни религиозной нетерпимости в современном мире, в котором фанатики-фундаменталисты как христианского, так и исламского вероисповеданий, продолжают разжигать огонь ненависти. Мы непременно должны осознать тот факт, что войны открывают путь узаконенному насилию и что проявления такового прекратятся с наступлением всеобщего мира. Хочется верить в то, что применение насилия постепенно перестанет быть неизбежной функцией государства по мере роста международного взаимопонимания, терпимости и укрепления демократии во всем мире. В конце концов, мы должны осознать, что национальные законы, дающие государству право отнимать жизнь у своих граждан, являются крайне несовершенными орудиями правосудия, а институт смертной казни – варварским отголоском прошлых веков, который мы не вправе больше терпеть.

Взяв на себя смелость нарисовать картину человеческой жестокости, я вовсе не ставил себе целью вселить в души читателей страх и отчаяние; скорее всего, эта книга есть предостережение против успокоенности и благодущия. Плети, цепи, кандалы, костры инквизиции и топоры палачей все еще с нами, и нам потребуются бдительность и мужество, чтобы покончить с насилием и жестокостью на нашей планете.

Аболиционистское^[6] движение в Великобритании

*И вот рассвет, и бьют часы,
Палач – наготове,
Бог шею дал нам не затем,
Чтоб кончить жизнь в петле.*

Альфред Хаусман.

«Шропширский парень»^[7]

Ранний период

Ранний период борьбы за отмену смертной казни начался в Италии с опубликования в 1764 г. книги Чезаре Беккариа «Эссе о преступлении и наказании». В ней Беккариа проводит мысль о том, что поскольку человек не является собственным творением, то никто кроме Господа не вправе отнять у него жизнь. Он делает, правда, две существенные оговорки: смертная казнь может быть разрешена лишь в том случае, если законное правительство рискует быть свергнуто в результате переворота или высшая мера наказания остается единственным действенным способом удержать народ от преступных помыслов и деяний. Впрочем, эти же два пункта являлись основой требований, выдвигавшихся и сторонниками сохранения смертной казни, как до, так и после Беккариа.

В Англии эти радикальные идеи нашли распространение стараниями Иеремии Бентама и сэра Самюэля Ромилли. Бентам^[8] (1748–1832) воспользовался ими для подтверждения своих преждевременных, чисто политических теорий «вольнодумства», однако и он вынужден был признать, что смертная казнь производит на широкую публику гораздо более сильное и стойкое впечатление, чем какой бы то ни было другой вид наказания, и что она вполне оправдана в качестве возмездия за убийство. Правда, он оговорился, что как судьи, так и свидетели не застрахованы от ошибок, и коль скоро голова несправедливо осужденного слетела с плеч, никто не сможет восстановить ее на прежнем месте в случае, если обнаружится его невиновность. Кроме того, вместе с осужденным на эшафоте умирает надежда на его перевоспитание и возможность использования его производительного труда на благо общества.

Общественное движение за искоренение смертной казни, или по меньшей мере за отказ от масштабного ее применения, по-настоящему развернулось в 1808 г., когда сэр Самюэль Ромилли внес в парламенте предложение об исключении некоторых из более чем 200 преступлений, наказуемых смертной казнью, из принятых ранее законодательных актов (см. «Преступления, наказуемые смертной казнью»). Дальнейшее сохранение в законодательстве пунктов, предусматривавших наказание смертной казнью за мелкие преступления, даже не принимая во внимание гуманитарный аспект проблемы, грозило затруднениями для эффективного отправления правосудия, поскольку было замечено, что люди, у которых украли, скажем, овцу, предпочитали не возбуждать судебного дела в тех случаях, когда оно могло кончиться для злодея смертью на эшафоте, и не делали это для того, чтобы не отягощать лишний раз свою совесть. Присяжные заседатели избегали выносить смертные приговоры по той же причине, а судьи и соответствующие должностные лица все чаще и под любым предлогом затягивали приведение таковых в исполнение. Некоторые закоренелые каторжники даже откровенничали во всеуслышанье, что предпочли бы, чтобы их приговорили к смерти, чем горбатиться на благо отторгшего их общества.

Это сокращение драконовского списка преступлений, наказуемых смертной казнью, стало чрезвычайно популярным в среде сторонников ее отмены, а некоторые общества и отдельные просвещенные люди уже заговорили о полном искоренении смертной казни, в любой форме и за любые преступления.

Среди них особенно заметной фигурой являлся Вильям Аллен, химик, член Королевского научного общества и член Общества Карла Линнея. Его врожденное чувство справедливости подкрепляло квакерское вероисповедание, и уже в 1809 г. он основал общество, призванное содействовать реформе исправительной системы в королевстве. Носило оно несколько громоздкое название – «Общество за распространение знания о наказании смертью и за улучшение исправительной системы». Ему помогали: его брат по квакерской вере Питер Бедфорд и друг Бентама и Ромилли Бэзил Монтегю. Интересным побочным результатом их совместной деятельности явилась публикация в 1809 г. книги Монтегю «Суждения некоторых авторов по вопросу о наказании смертью», представлявшей собой антологию прошлых и современных Монтегю мнений по этому вопросу.

Новое, более солидное общество было основано в 1828 г. и названо «Обществом за распространение информации по вопросу о высшей мере

наказания». Вильям Аллен стал председателем лондонского отделения, а кроме прочих в него вошли такие заметные фигуры, как реформатор тюрем сэр Томас Фауэлл Бакстон, немало способствовавший также отмене рабства в британских колониях, преподобный Дэниел Вильсон (впоследствии – епископ Калькутты) и лорд Саффилд. Общество содействовало делу отмены смертной казни публикацией памфлетов под общим названием «Наказание смертью», а также проявило себя в качестве влиятельной закулисной группы в парламенте.

В 1846 г. ему наследовало новое общество, именовавшееся «Обществом за отмену смертной казни», которое выгодно отличалось от предыдущего тем, что в него влилась молодая радикальная кровь в лице Томаса Беггса и еще одного квакера Альфреда Даймонда, ставшего его секретарем. Новое общество немедленно взялось давить на парламент и правительство, в частности на министра внутренних дел. В 1865 г. Даймонд опубликовал очень важную книгу, оказавшую большое влияние на весь аболиционистский процесс. Это был сборник эпизодов, носивший название «Суд над законом или личные воспоминания о наказании смертью и противниках такового»^[9]. Даймонд вспоминает, как они допекали министра внутренних дел:

«Лондонская депутация охотилась на него, как на оленя. Они вели наблюдения за служебным входом в министерство подобно таможенникам, выслеживающим контрабандистов; они гнали его с криками „лови, держи“ по парламентской улице, если он выбежал из министерства, а когда он, уже уверовав в спасение, проскальзывал в здание парламента через дверь для членов такового, в вестибюле его перехватывали и крутили пуговицы его пиджака поджидавшие его там другие члены депутации».

Однако активный крестовый поход уже начинал завоевывать симпатии широкой публики, требовавшей начать «парламентские слушания по вопросу о смертной казни» (Таймс, 22 ноября 1856 г.).

Кампания выплеснулась за пределы лондонских интеллектуальных салонов на улицы, а евангельский призыв «учить, проповедывать и обращать» стал девизом реформаторов.

Среди «новых евангелистов» естественным образом оказался Альфред Даймонд, секретарь «Общества за отмену смертной казни» (с 1854 по 1857 гг.). Перед его членами выступали великий оратор и государственный деятель Джон Брайт и Чарлз Гилпин, тот самый, который в 1849 г. убедил Чарльза Диккенса высказаться против публичных казней, (писатель считал полную отмену смертной казни делом безнадежным).

В 1866 г. группа лондонских квакеров основала «Ассоциацию Говарда», названную так по имени филантропа и реформатора исправительных учреждений Джона Говарда, жившего в XVIII веке. Ассоциация, предводительствуемая Вильямом Таллаком, бывшим вождем «Общества за отмену смертной казни», взяла на себя функции этого общества и кроме того поставила перед собой более достижимые цели, такие как, например, совершенствование методов перевоспитания преступников и улучшения всей системы наказания. Некоторое время «Общество за отмену смертной казни» продолжало под предводительством Томаса Беггса худо-бедно бороться за существование, но даже в несколько обновленном виде организация последовательных и непримиримых поборников полной отмены смертной казни явно проигрывала если не войну, то по меньшей мере – сражение. В 1866 г. Королевская комиссия, занимавшаяся проблемой наказания смертью, все-таки пошла на отмену публичной смертной казни, но такого удара «Общество за отмену смертной казни» вынести уже не смогло и тут же распалось, предоставив Ассоциации Говарда право представлять взгляды всех аболиционистов.

Весь XIX век отмечен изобилием пропаганды, по большей части плакатной и памфлетной, и немалую долю ее составляли издания по вопросу об отмене смертной казни. Они различались по направленности и стилю, а многие, например, книга Чарлза Гилпина «Зрелище великой добродетели»^[10], написаны в характерных для предыдущих двух столетий традициях сатиры.

Колониальный чиновник Эдвард Гиббон Уэйкфилд был осужден в 1826 г. за то, что посмел похитить богатую наследницу и обвенчаться с ней. Трехлетнее пребывание за решеткой обогатило его яркими личными впечатлениями, а также знанием преступного мира и состояния дел в тюрьмах королевства. Это знание пригодилось ему в его последующей деятельности, направленной на реформирование пенитенциарной системы. Обнаружив в себе литературный талант, Уэйкфилд подверг убийственной критике английский уголовный кодекс в серии неистовых памфлетов, оказавших огромное влияние на последующие поколения реформаторов. Его язвительное перо высмеивало с одинаковой беспощадностью как законников, так и служителей культа. С презрением писал он о «приличных людях» из обеспеченных классов, – покупавших для себя места поближе, дабы лучше видеть происходившее на эшафоте, и смаковавших газетные «репортажи с виселицы» за завтраком.

Современником Уэйкфилда был Джордж Джекоб Хоулиоук, автор

«Публичных поучений палача»^[11], написанных им под впечатлением казни Франца Мюллера, на которой ему довелось присутствовать. Конечно, он преувеличивал, когда утверждал на титульном листе этого памфлета, что «Таймс» и даже Большое жюри в Манчестере ловят каждое его слово, однако очевидно то, что Хоулиоук действительно был чрезвычайно популярен как полемист и памфлетист, а его статьи, бичевавшие зло публичных казней, всегда носили сенсационный характер.

Из немногих изданий, поддерживавших дело отмены смертной казни, наиболее последовательной была газета «Панч». Уже в первом ее номере проявилась открытая неприязнь к «проклятому древу, корни которого питают слезы» (имеется в виду виселица). Дуглас Джерролд, писатель и актер, написал не меньше прекрасных реформистских статей для газеты, чем один из ее основателей Генри Мэйхью, уже успевший прославиться ранее своим обширным исследованием «Лондонский работный люд и лондонская беднота»^[12] и состоявший членом «Общества за отмену смертной казни». 13 ноября 1849 г. «Панч» опубликовала карикатуру Джона Лича на публичную казнь братьев Мэннингов, под которой стояла подпись «Великолепный назидательный урок в тюрьме „Хорсмонджер Лэйн“», а ниже помещалось стихотворение под названием «Повешенье в назидание или праздник негодяя»:

Все пивнушки светились огнями, и у стоек толпился народ.
Взрывы смеха, нестройное пение, шум веселья неслись со всех
сторон.
В пьяном, шальном угаре мы провели эту ночь,
И, черт возьми, как мы проклинали приближавшееся утро.

Но к 1850 г. даже воинственный дух газеты «Панч» начал угасать ввиду того, что в ней утратили влияние такие люди, как Джерролд и Мэйхью.

«Эклектическое обозрение» было другим солидным изданием, которое частенько публиковало статьи членов «Общества за отмену смертной казни». Именно этот журнал в свое время в самых резких словах выразил возмущение по поводу «дезертирства» Чарльза Диккенса из лагеря противников смертной казни, после чего последовала ожесточенная публичная перепалка между писателем и журналом по вопросу о публичных и закрытых казнях. Журнал «Эклектическое обозрение» твердо стоял на том, что казни за закрытыми дверями приведут ко всевозможным

злоупотреблениям со стороны тюремной администрации, творимым во имя справедливости.

О публичных казнях

Именно публичная казнь вызывала возмущенные протесты и требования ее отмены. Иногда они исходили от таких авторитетных людей, как эссеист и писатель Уильям Мэйкпис Теккерей, которого до того напугало зрелище публичного повешенья Франсуа Курвуазье в июле 1846 г., что он разразился пространной статьей, опубликованной в «Журнале Фрэйзера» и озаглавленной «Как я лицезрел казнь человека через повешение». В то время «Журнал Фрэйзера» стоял на платформе противников смертной казни, но в 1864 г., напуганный растущей волной консерватизма, он изменил свою позицию, и на его страницах стали появляться статьи ортодоксальных противников отмены, среди которых особенно выделялся видный юрист Джеймс Фитцджеральд. К тому времени из всех изданий наиболее последовательным оставался только журнал «Спектэйтор», хотя занял он осторожную позицию и выступал только против «варварства публичной казни», но не против смертной казни как таковой. В 1864 г., всего за два года до того, как закрытая казнь была официально рекомендована Королевской комиссией, ранее колебавшийся «Спектэйтор» сделал свой выбор в пользу полузакрытой казни, которую, по его мнению, должно было проводить в специально приспособленном для этой цели помещении в Ньюгейтской тюрьме и на которой, кроме обычных палача, врача и священника, должна была присутствовать группа свидетелей, скреплявших своей подписью факт умерщвления такого-то лица и отсутствия злоупотреблений, т. е. издевательств со стороны тюремщиков («Спектэйтор», 27 февраля 1864 г.)

В журнале «Гуд Уорде», в статье, озаглавленной «О публичной казни», Генри Роджерс объясняет причину того, почему он выступает за закрытую казнь. Ее введение, по его мнению, будет способствовать снижению преступности, поскольку человека, казненного в четырех стенах, уже нельзя будет превратить в героя, павшего жертвой несправедливости, что зачастую происходило с казненными принародно. Атмосфера тайны, окутывающая закрытую казнь, продолжал Роджерс, утвердит концепцию возмездия и напугает потенциальных преступников гораздо больше, чем зрелище публичной казни. Иными словами, в таком виде смертная казнь, как мера наказания, Роджерса вполне устраивала, и он оказался неготовым,

когда ее сохранение было поставлено под угрозу общественной реакцией на публичные казни. «Час грядет, – убеждал он, – когда в Англии будут отменены как публичная, так и смертная казнь вообще, но час этот еще не наступил».

Мы уже видели, как присутствие Теккерея при казни Курвуазье заставило писателя высказаться против подобных зрелищ. В той же толпе в тот июльский день 1846 г. находился еще один великий английский писатель. То, что он увидел, заставило Чарльза Диккенса написать несколько пространных писем в свою газету «Дэйли Ньюс». Вот одно из них:

«Я сам присутствовал при казни Курвуазье. Я специально прибыл к месту казни в полночь и таким образом мог воочию наблюдать то, как возводили виселицу, как стекался народ, забивший к утру всю площадь, как вешали несчастного, как перерезали веревку и уносили тело в тюрьму. С полуночи до последнего момента я не увидел вокруг ни одного лица, исполненного жалости или печали, приличествовавших драматичности происшедшего, ни ужаса, ни отвращения, только выражение безграничных глупости, грубости, кровожадности и тысячи других человеческих пороков. Никогда бы не подумал, что когда-нибудь мне доведется оказаться среди такого количества себе подобных, объятых столь низменными страстями».

(«Дэйли Ньюс», 28 февраля 1847 г.)

Так великий исследователь социальных явлений ввязался в одну из ожесточеннейших дискуссий своего времени, и ничто не говорит за то, что дискуссия эта велась в сдержанных выражениях. Диккенс дал ясно понять, что ему отвратителен институт смертной казни, но, добавлял он, не менее отвратительны ему убийство и преступники, которые их совершают. В 1849 г., к тому времени, когда вершился суд над братьями Мэннингами и три года спустя после казни Курвуазье, Диккенс пришел к нелегкому компромиссному решению и сосредоточил свои усилия на борьбе за реформирование института смертной казни, а это означало только отмену публичной смертной казни. 15 ноября в беседе с Чарльзом Гилпином он высказал мнение о том, что смертная казнь в Англии не будет отменена вообще, и посоветовал поборникам ее отмены сконцентрироваться на ближайшей задаче, а именно: на отмене публичной казни через повешение. В своем письме в «Таймс» от 19 ноября 1849 г. Диккенс вынес на суд общественности свое собственное представление о том, как должна

вершиться смертная казнь:

«Как только убийце вынесен смертный приговор, его следует держать в полном неведении относительно часа приведения приговора в исполнение. Я бы полностью исключил доступ к нему всевозможных любопытных посетителей и держал бы его в полной изоляции от внешнего мира. Не следует допускать опубликования в печати его высказываний и описания его преступных деяний, дабы оградить благонравных читателей от подобной мерзости. В стенах тюрьмы казнь его должно вершить со всей торжественностью, вселяющей ужас в его мерзкую душу. В этой связи я бы посоветовал мистеру Колкрафту (см. «Колкрафт, Вильям»), палачу, воздерживаться от его непременных в таких случаях, но неподобающих моменту, шуток, сквернословия и брэнди. Я бы назначал жюри свидетелей, состоящее из 24 человек, представляющих все сословия, которые присутствовали бы при приведении приговора в исполнение. При казни должны присутствовать также начальник тюрьмы, священник, тюремный врач и конвоиры. Все они обязаны подписать официальный документ (форма должна быть единой), который удостоверял бы, что в такой-то день, в такой-то час, в такой-то тюрьме, за такое-то преступление перед их глазами был повешен такой-то преступник. Кроме того, начальником тюрьмы должны быть подписаны еще два документа, один из которых удостоверял бы то, что повешен был именно тот человек, а не какой-нибудь другой, и второй, удостоверяющий факт предания тела казненного земле».

За такое явное отступничество Диккенс стал мишенью для нападок и поношения со стороны непримиримых сторонников отмены, а на одном из митингов его обвинили в том, что он сам «одержим склонностью к убийству». Правда или нет, но прошло десять лет, прежде чем Диккенс прошел в своих убеждениях полный круг и оказался в лагере сторонников сохранения смертной казни.

В 1854 г. французский писатель и революционер Виктор Гюго, потрясенный казнью убийцы по имени Тапнер на острове Гернси, внес свою лепту в общую критику «кровожадного английского правосудия», но поскольку в тот момент в Англии преобладали антифранцузские настроения, голос его не был услышан.

Двумя годами позже активному стороннику отмены Вильяму Эварту не удалась его попытка поднять вопрос об отмене смертной казни в палате общин английского парламента, хотя палата лордов уже назначила особый

комитет по смертной казни, который настоятельно рекомендовал проводить казни «только в пределах тюрьмы или в каком другом месте, обеспечивающем необходимую тайну процедуры». Эта рекомендация была принята в обеих палатах в штыки и так и осталась только на бумаге.

3 мая 1864 г. Эварт вторично потребовал от правительства заняться вопросом реформирования института смертной казни. Удивительно, но правительство тут же отреагировало на это требование созданием Королевской комиссии, которой вменялось в задачу изучение системы наказаний и, в частности, того самого института смертной казни.

На следующий год в парламент был внесен для обсуждения билль Джона Гибберта, предусматривавший казнь приговоренных к смерти в стенах тюрем, но как оказалось, это было преждевременным, поскольку прежде палате общин требовалось заручиться докладом Королевской комиссии. Этот долгожданный доклад появился, наконец, в январе 1866 г., а уже восемь недель спустя Гибберт повторно внес свой билль для обсуждения в парламенте. По иронии судьбы самое сильное сопротивление он встретил со стороны завзятых аболиционистов. Они утверждали, и, может быть, справедливо, что принятие закона о закрытой казни будет препятствовать полной отмене таковой; кроме того, именно неприкрытая жестокость публичной смертной казни настроит, в конце концов, общественное мнение против смертной казни вообще. Джону Гибберту пришлось снова забрать свой законопроект.

Новый законопроект, вобравший в себя все основные рекомендации Королевской комиссии, появился на свет в марте 1866 г. С трудом пройдя через обе палаты парламента, после третьего чтения «Проект поправки к закону о смертной казни», как он назывался, был спрятан под сукно министром внутренних дел Спенсером Уолполом.

Следующий год стал свидетелем еще одной попытки провести законопроект через парламент, и, как следовало ожидать, самыми яркими его противниками выступили поборники полной отмены смертной казни. С завидным постоянством парламент продолжал противодействовать его обсуждению, и, как и его предшественники, этот билль был также отклонен.

Когда в мае 1867 г. Гаторн Гарди, последовательный сторонник закрытой смертной казни и активный член упраздненной Королевской комиссии, занял пост министра внутренних дел вместо ушедшего в отставку Уолпола, это событие стало сигналом для очередного внесения злополучного билля, предусматривавшего закрытую смертную казнь, для обсуждения в парламент. Высказываясь в поддержку законопроекта, Гарди

дал понять со всей ясностью, что в обозримом будущем отмены смертной казни не предвидится, особенно ввиду только что закончившихся яростных дебатов вокруг недавно отклоненной парламентом поправки к закону об убийстве. И как прежде, самое яростное сопротивление законопроекту оказали непримиримые сторонники полной отмены смертной казни. Стивен Гэйзли, барристер высшего ранга и радикал, сокрушался, что Колкрафт, палач, и прежде исполнял свои общественные обязанности крайне небрежно; что же от него можно ждать, когда он будет работать за закрытыми дверями? Другой довод, как бы нелепо он ни звучал, был следующим: если казнь будет проводиться без публики, для богатых негодяев станет возможным откупиться или купить себе замену и таким образом уйти от наказания. Контрдоводом этому утверждению прозвучали слова сэра Джорджа Бойера, поддерживавшего законопроект. Бойер заявил, что и сейчас за 1000 фунтов стерлингов убийца может купить себе жизнь и избежать смертной казни, будь она публичной или закрытой.

Ожесточенный спор возник после выступления Чарльза Гилпина, заявившего, что «если казнь через повешение будет общепризнано вещью нечистой и невозможной, английский народ больше не потерпит ее». Чарльз Ньюдигейт, нападая как на аболиционистов, так и на сторонников закрытой казни, представил коллегам петицию, подписанную 3000 жителей Бирмингема, которые считали, что в своем всепрощении министр внутренних дел зашел и так слишком далеко. Гилпин внес поправку к законопроекту, гласившую, что «по мнению этой палаты вместо того, чтобы вершить смертную казнь в стенах тюрьмы, необходимо отменить ее вообще».

Прорыв

Философ и основатель Утилитаристского общества^[13] Джон Стюарт Милль (в сороковые годы – откровенный аболиционист) выразил свое несогласие с поправкой Гилпина, и в обстановке шума и взаимных пререканий, неподобающих джентльменам, но и сейчас характерных для парламентских дебатов, поправка была поставлена на голосование. 127-ю голосами против 23 поправку отклонили; аболиционистская идея потерпела поражение. Однако основная мысль билля, предусматривавшего закрытую смертную казнь, получила поддержку парламентариев, и билль был принят.

29 мая 1868 г., за три дня до того, как билль получил королевскую

санкцию, на виселице встретил свою смерть Майкл Баррет, фений^[14], готовивший взрыв в Клеркенвелле. Как оказалось, эта казнь стала последней в Англии публичной казнью. Характерная для Колкрафта неуклюжесть вызвала насмешки толпы, которая подгоняла его криками: «Ну, давай же, висельщик! Взгляни в лицо человека, которого ты только что убил!»

Статьи нового закона предусматривали, чтобы казнь проводилась в той тюрьме, в которой преступник содержался в момент вынесения приговора. Ответственность за исполнение возлагалась на шерифа. При приведении приговора в исполнение должны были присутствовать: палач, тюремный надзиратель, тюремный врач и священник. Право присутствовать при процедуре распространялось на местных и других судей (по разрешению шерифа), на родственников приговоренного и на «некоторых других лиц». Тот факт, что этими «другими лицами» оказались, кроме всех прочих, газетные репортеры, стал постоянным источником крайнего раздражения для неунивавшихся аболиционистов. Их общее мнение выразил в своих мемуарах Фредерик Хилл:

«Однако возбуждающий звериные чувства эффект от смертной казни уменьшился, но не исчез. Дешевые газетенки разносят репортажи о последней сцене боли и позора по всем далям и весям, и эти репортажи с упоением читаются теми, кто охоч до кровавых зрелищ»^[15].

В правила проведения смертной казни вскоре были внесены новые предписания, предусматривавшие обязательный после казни осмотр тела врачом, а также наличие сделанного в 24 часа заключения коронера^[16] о смерти приговоренного.

Утром 13 августа 1868 года на эшафот взошел Томас Уэлл. Последние конвульсии молодого Уэлла не сопровождались криками возбужденной толпы. Это была первая победа в столетней борьбе, закончившейся, в конце концов, полной отменой смертной казни. В своей статье о казни Уэлла газета «Морнинг Эдвертайзер» предупреждала:

«Когда мы обращаемся... к сообщениям о том, с каким спокойным самообладанием преступник встретил свою смерть, мы не можем не думать о том, что вчерашняя казнь стала для него актом милосердия. Но это вовсе не означает, что мы примирились со смертной казнью как таковой, даже если она вершится наиболее гуманными методами».

Отмена смертной казни

Несмотря на непрекращавшиеся требования наиболее просвещенной части общества об отмене смертной казни, потребовалось почти 100 лет, чтобы мечта аболиционистов осуществилась. В 1965 г. парламент принял закон об отмене высшей меры наказания. Этот закон предусматривал «упразднение смертной казни за все обычные» преступления, но законодательство сохранило наказание смертной казнью за такое преступление, как государственная измена, и некоторые военные преступления.

Бастинадо

На Востоке, особенно в Китае и в меньшей мере в Японии, широко распространена порка, называемая бастинадо. Порка осуществляется при помощи легких бамбуковых палочек, а удары наносятся обычно по ягодицам, в редких случаях по пяткам (в Турции – всегда). Не сила удара причиняет нестерпимую боль, а количество этих ударов. Сотни легких постукиваний в течение нескольких часов оборачиваются нестерпимыми мучениями для истязаемого, и бывали случаи, когда подобная порка заканчивалась смертью узника.

Ниже приводится рассказ очевидца, присутствовавшего при порке бастинадо, рассказ, который я отношу ко второй половине прошлого века:

«Толпа отхлынула назад, и один человек из группы, стоявшей перед креслом судьи, театрально воздел руки к небу и испустил глубокий вздох. Прежде, чем мы успели понять, что происходит, несколько пар услужливых рук помогли ему снять штаны, а когда это было исполнено, ко всеобщему удовольствию, он лег на пол лицом вниз. Затем вперед выступил один из свиты судьи, в руках он держал бамбуковую палочку или скорее дощечку, отщепленную от этого славящегося своей твердостью растения. Дощечка была в три фута длиной, в два дюйма шириной и в полдюйма толщиной. Сев на корточки перед лежащим на полу человеком и держа дощечку совершенно горизонтально, он принялся наносить легкие частые удары по ягодицам жертвы. Сначала все происходившее выглядело скорее фарсом, поскольку удары были легкими, и тот, кому они доставались, был даже безучастным. Но по мере того, как удары продолжали сыпаться с монотонным постоянством, мне на ум пришла старая пытка, когда капли воды, с таким же постоянством капавшие на обриту голову жертвы, доводили ее до безумия. После нескольких минут легкого постукивания из груди жертвы исторгался глубокий стон. Я подошел ближе и увидел, что то место, куда сыпались удары, стало синим. Затем оно налилось кровью, и если вначале он лежал спокойно сам, то теперь его удерживали несколько человек. Толпа глазела на происходившее с широкими улыбками на лицах, время от времени испуская удивленное „Хай-йа!“, когда жертва начинала извиваться и кричать от боли. А тем временем дождь ударов продолжал сыпаться, причем по силе удары оставались такими же, какими были вначале. Наконец, судья проронил какое-то слово, и пытка была остановлена. Узника подняли с пола, провели через двор и прислонили к

стене. По известным причинам он еще „долго не сможет пользоваться стулом“».

Берри, Джеймс

Несмотря на свое призвание, которому немногие бы позавидовали, палач Берри, по отзывам, был добрым и мягким человеком, который, по иронии судьбы, наилучшим образом проявил свои добродетели именно на эшафоте. Все время своего пребывания в должности государственного палача Берри старался отточить свое искусство так, чтобы осуществлять казнь с наибольшей скоростью и эффективностью и чтобы она приносила как можно меньше страданий осужденному.

Джеймс Берри родился 8 февраля 1852 г. в Хекмондуайке, графстве Йоркшир, учился в школе Ри Грин, недалеко от Литама, после окончания которой работал литографером. В 1874 г. Берри поступил в городскую полицию Бредфорда. Именно тогда, совершенно случайно, в доме друга он повстречался с бывшим тогда государственным палачом Вильямом Марвудом. Марвуд произвел на Берри сильное впечатление, и без какого-либо воздействия со стороны палача Берри вдруг загорелся желанием самому овладеть этой «профессией». Не медля, он обратился с письмом к шерифам Лондона и Эдинбурга и 21 марта 1884 г. получил письмо от чиновника эдинбургского магистрата, приглашавшее его исполнять обязанности палача в Колтонской тюрьме, где 31 марта должна была состояться казнь двоих осужденных, известных как «горбриджские убийцы». Очевидно, Берри показал себя с лучшей стороны. По его собственным словам: «Тюремщики, врачи и даже газетчики признавали, что казнь была проведена насколько возможно гуманно и что бедняги вряд ли могли что-либо почувствовать. Осмотрев тела, врачи дали мне наилучшие рекомендации, отметив искусство, с каким я привел приговор в исполнение».

Итак, Джеймс Берри стал палачом и оставался им до 1892 г., когда, видимо преследуемый призраками своих бывших «клиентов», присоединился к движению за отмену смертной казни, заявив: «Мой опыт убеждает меня в том, что мы никогда не станем цивилизованной нацией, пока в тюрьмах летят головы». Он не воспользовался своим прошлым, чтобы заработать себе на жизнь, хотя иногда «ради развлечения» выступал с лекцией, названной им «Тюрьмы и заключенные», рассказывая о своей деятельности в качестве палача. Дебют Берри как аболициониста состоялся в вестминстерском «Аквариуме» 19 марта 1892 г. На афише его имя значилось вместе с именами нескольких американских ясновидцев, группы

трюкачей-велосипедистов и квартетом «Сидония». В цену билета на представление был включен добавочный шиллинг, чтобы «мистер Берри мог получить средства на ведение своей кампании против смертной казни». Начав несколько чопорно и наставнически, через несколько минут, вспомнив о том, что ему придется выступать здесь еще 11 раз, а потом разъезжать по стране, он взял свой, неподражаемый тон, и речи его зазвучали более убедительно. Кроме того, осуждая институт смертной казни, он стал более точен в выражениях и непримирим, например: «Теперь, когда я умыл руки и навсегда развязался с этим делом, могу сказать, что будь моя воля, я бы заставил шерифов самим казнить осужденных», и добавил: «Многие из них до сих пор должны мне деньги».

В другой раз, выступая перед менее интеллектуальной аудиторией, Берри позволил себе отпустить несколько своих искрометных шуток. Вот его любимая: «Итак, на часик мы вывешиваем тело для просушки, а шериф и его полицейские уходят помочиться. Когда они возвращаются, мы кладем тело в негашеную известь и ждем воскрешения оногo». Все закончилось совершенно неожиданно. Вечером, когда Берри выступал с лекцией на ливерпульском ипподроме, взорвался оксиацетиленовый цилиндр, который он везде носил с собой для снабжения светом своей волшебной лампы для показа слайдов. Никто не пострадал, но взрыв уничтожил его коллекцию диапозитивов. После этого Берри сменил несколько занятий, побывав даже хозяином гостиницы, и умер в 1913 г. (См. «Повешение», где описываются методы, использовавшиеся Дж. Берри).

«Вот один анекдот, который я для себя называю „историей с больным зубом“. Когда в 1887 г. я плыл на пароходе из Ирландии, одним из моих попутчиков оказался ирландец, который ужасно страдал от морской болезни, к которой вскоре добавилась еще и зубная боль. Он надоел всем пассажирам, включая тех, кто не страдал морской болезнью и желал насладиться путешествием; стюарды от него шарахались. Как мне кажется, один из них посоветовал ему обратиться ко мне, поскольку он явился в мою каюту, умоляя излечить его. Я признался, что мог бы мгновенно избавить его и от зубной боли, и от морской болезни, но уверил его, что вряд ли ему понравится мое лечение.

Однако он был настойчив, и тогда я сунул ему свою визитную карточку.

Он оказался очень чувствительным человеком, а шок, который он испытал при виде карточки, избавил его от зубной боли, а меня от его присутствия до конца путешествия. Текст на карточке был напечатан черным цветом, ветка папоротника – зеленым, а рамка была золотая.

Теперь у меня другая карточка, попроще».

«Я вовсе не стыжусь своей профессии, потому что считаю, что если человек заслуживает казни (а он ее заслуживает, убив другого человека), значит, кто-то должен быть палачом, а занятие это считается таким же достойным, как и другие. На казнь через повешение я смотрю с профессиональной точки зрения. Когда я только что занялся этим делом, я обращался к шерифу графства всякий раз, когда убийцу приговаривали к смерти. Сейчас я не считаю нужным искать применения своему искусству в Англии потому, что меня здесь все знают, но время от времени я посылаю простую визитную карточку в Ирландию, когда там собираются кого-то казнить».

(Оба отрывка взяты из автобиографии Джеймса Берри «Как я был палачом»^[17]).

Браунригг, Элизабет

Прожив семь лет в Гринвиче, Джеймс Браунригг переехал в Лондон и снял дом на Флит-стрит. Кроме того, в Айлингтоне у него осталась квартира, которой он пользовался от случая к случаю. Его жена Элизабет к тому времени родила ему 16 детей и, подрабатывая повитухой, помогала мужу-водопроводчику прокормить семью. Она пользовалась уважением сограждан, что подтверждается тем, что попечитель прихода Сент-Данстан назначил ее на должность повивальной бабки для женщин из работного дома. К удовлетворению начальства, обязанности свои она выполняла исправно и нареканий не имела.

Мэри Митчелл, воспитанница приходского сиротского приюта, поступила к ней ученицей в 1765 г. В том же году в том же качестве у миссис Браунригг появилась другая сирота – Мэри Джоунс. Чтобы читатель не подумал, что миссис Браунригг являла собой воплощение доброты и альтруизма, следует сказать, что в то время каждый, кто брал в ученики ребенка из приюта или работного дома, получал в качестве компенсации 5 фунтов стерлингов (те, кто читал «Оливера Твиста» Диккенса, наверно, помнят об этом), и поскольку миссис Браунригг обычно принимала роды и держала рожениц у себя дома, девочки оказались для нее большим подспорьем. Кроме того, они выполняли обязанности домашней прислуги, нанять которую миссис Браунригг позволить себе не могла. Сначала она обращалась с девочками-сиротами вполне сносно, но вскоре дала полную волю своей свирепой жестокости. Однажды, положив Мэри Джоунс на два стула, она высекла ее так, что та не могла встать на ноги и пролежала без движения несколько часов. Подобные воспитательные процедуры стали повторяться все чаще и чаще, кроме того, чтобы привести девочку в чувство, миссис Браунригг после порки обливала ее холодной водой или окунала голову в ведро. Дверь в комнату, в которой жили девочки, выходила в коридор, ведущий к входной двери, и однажды, после очередной порки, вся покрытая синяками и кровоподтеками, Мэри Джоунс решила избавиться от издевательств и бежать.

Обнаружив, что ключ от входной двери остается в замочной скважине, когда семья отходит ко сну, ранним утром девочка осторожно открыла дверь и выскользнула на улицу. Оказавшись на свободе и расспрашивая прохожих, она добралась до больницы для подкидышей, в которой когда-то росла сама. Здесь ее выслушали, подивились на следы избиений, которые

осмотревший девочку врач признал очень серьезными, после чего мистер Пламбтри, адвокат больницы, написал письмо Джеймсу Браунриггу, угрожая тому судебным преследованием, если он не объяснит должным образом, откуда у девочки появились следы побоев.

Ответа на это письмо не последовало, и больничное начальство, посчитав, что будет неразумным прибегать к общему праву, переправил девочку в Лондонский королевский суд. Другая же девочка, Мэри Митчелл, продержалась у миссис Браунригг целый год, в течение которого с ней обращались не лучше, чем с Мэри Джоунс. Решив, наконец, последовать примеру своей товарки и бежать, она оказалась не столь удачливой. На улице она наткнулась на младшего сына миссис Браунригг, который заставил ее вернуться в дом. На этот раз ее страдания усугубила ее неудавшаяся попытка обрести свободу, и последовало еще более жестокое наказание.

А тем временем попечители прихода Уайтфрайерз передали миссис Браунригг еще одну девочку по имени Мэри Клиффорд, и прошло немного времени, прежде чем она познакомилась с плетью хозяйки, однако ей повезло еще меньше, чем другим сиротам. Часто ее голую подвешивали за руки к крюку на потолке и избивали кнутом или прутом до потери речи. Несчастной девочке не позволили спать в постели, а бросили ей матрац в подвале для хранения угля, где было чрезвычайно холодно. Однако по прошествии времени миссис Браунригг вместо матраца дала ей мешок и охапку соломы. Находясь в этом отчаянном положении, Мэри Клиффорд получала только хлеб и воду, а спасением от холода ей служила собственная одежда.

Однажды девочка, почти умирая от голода, залезла в кухонный шкаф в поисках пищи, таким образом пытаясь хоть как-то поддержать в себе жизнь, но шкаф оказался пустым. Наказание не заставило себя ждать. За такую наглость миссис Браунригг раздела ее догола и в течение целого дня, прерываясь только для отдыха, избивала ручкой кнута. Когда девочка покрылась синяками и истекала кровью, хозяйка позволила ей умыться в бочке с ледяной водой, но и теперь продолжала бить ее по плечам, которые уже кровоточили от предыдущих ударов. Все это время Мэри Митчелл, другая сирота-ученица, должна была присутствовать при избиении, по-видимому, для острастки.

Во все время этой невыносимой экзекуции на Мэри Клиффорд был надет ошейник с цепью, конец которой миссис Браунригг держала в руке. После дня нечеловеческих страданий девочку, связав ей руки и не сняв ошейника, бросили в подвал, где та промучилась еще и ночь.

В результате вмешательства тетки Мэри Клиффорд, которой Браунригги не позволили повидаться с племянницей, и после того, как соседи засвидетельствовали тот факт, что из дома Браунриггов постоянно слышны детские крики, приходские власти приняли, наконец-таки, меры. Возмездие явилось в лице мистера Гранди, попечителя прихода Сент-Данстан, который препроводил Джеймса Браунригга (к этому времени миссис Браунригг и ее сын успели скрыться, прихватив из дома некоторые ценные вещи) к олдермену Кроссби. Тот выдвинул Браунриггу обвинение и приказал поместить Мэри Клиффорд в больницу Святого Варфоломея, где та через несколько дней и скончалась.

После осмотра тела судебным следователем, ведущим дела о насильственной смерти, против Джеймса и Элизабет Браунригг, а также против их сына Джона было выдвинуто обвинение в преднамеренном убийстве.

А тем временем миссис Браунригг и ее сын, купив, чтобы не быть узнанными, в лавке старьевщика какие-то лохмотья, скрывались в Лондоне, меняя места проживания, пока, в конце концов, не оказались в Вандзворте, где сняли комнату у мистера Данбара, владельца свечной лавки.

Торговец свечами, просматривая газету за 15 августа, случайно наткнулся глазами на объявление о розыске, в котором давалось словесное описание преступников. После прочтения газеты у лавочника не осталось никаких сомнений на тот счет, что именно его жильцы и были убийцами. Он позвал констебля, и мать с сыном срочно препроводили в Лондон. 2 сентября 1767 г. в Олд-Бейли мать, отец и сын предстали перед судом. После одиннадцатичасового судебного разбирательства Элизабет Браунригг, к восторгу толпы, собравшейся у здания суда, была признана виновной и приговорена к смертной казни. Ее муж и сын были оправданы от обвинения в убийстве, но приговорены к 6 месяцам тюремного заключения за соучастие в убийстве.

После того, как миссис Браунригг приговорили к смертной казни, к ней в камеру наведалься священник, которому та призналась, что осознает всю чудовищность своего преступления и считает приговор справедливым. Как говорят, ее прощание с семьей утром перед казнью было очень трогательным. Сын упал перед ней на колени, а мать обняла его голову и прижала к животу. Тут же стоял на коленях плакавший мистер Браунригг.

На пути ее следования к месту казни стояли люди, которые в самых нелестных выражениях высказывали свое отношение к ней и содеянному ею.

После того, как миссис Браунригг была повешена, в соответствии с

законом, тело ее передали Ассоциации хирургов для вскрытия. После анатомирования ее скелет был выставлен в помещении Ассоциации.

Бродекины (см. «Испанский сапог»)

В XVII столетии в Шотландии широко применялся еще один вариант «испанского сапога», который назывался бродекины. Короткие деревянные дощечки крепко привязывались шнурами по обе стороны каждой из ног жертвы. Затем, как водится, между ногой и дощечкой вставлялся клин и при помощи молота загонялся поглубже. Шнурки глубоко врезались в плоть, а дощечки крушили кости жертвы.

Бронзовый телец

*Перилай изжарился в быке,
Им сотворенном.
И тем доказал,
На что способен его злой гений.*

Овидий

Об этом изощренном методе казни мы узнаем только из писаний древних классиков – римского поэта Овидия (жил с 43 г. до н. э. по 17 г. н. э.) и греческого сатирика Лукиана (жил со 120 г. по 190 г. н. э.). К несчастью, как Овидий, так и Лукиан писали вымышленные истории, поэтому, прочитав «Правдивую историю» Лукиана, читатель может усомниться в реальности существования бронзового тельца, однако, как инструмент пытки, он не более фантастичен, чем другие приспособления, применявшиеся для этих целей и имеющие доказательства того, что некогда они действительно существовали.

Злого гения, сотворившего бронзового тельца, звали Перилаем. Его творение было отлито в бронзе в натуральную величину, имело полость внутри и закрывалось снаружи дверцей. Жертву запирали в тельце, разводили внизу костер и с упоением слушали, как несчастный кричит от боли, заживо зажариваясь в этом адском творении. Дьявольский гений Перилая воплотился вдобавок в том, что в ноздрях тельца тот установил систему трубок, которые превращали крики жертвы в подобие мелодии смерти. Изобретатель так возгордился своим творением, что доставил бронзового тельца к единственному человеку, которого считал не менее, если не более, злобным себя самого. Этим человеком был тиран Фаларис. По каким-то известным только ему причинам тирану не понравились как Перилай, так и его адская машина, и Фаларис решил удовлетворить собственные садистские наклонности за счет своего гостя. Вот как пишет об этом Лукиан:

«Итак, Перилай, – сказал тиран, – если ты так уверен в своем творении, покажи нам его в деле, заберись вовнутрь и изобрази своими криками мелодию предсмертных стонов того, кого мы будем пытать». Перилай повинился, и как только он оказался внутри, Фаларис запер за ним дверцу и приказал разжечь костер. «Можешь считать это единственно

возможной и заслуженной наградой за такое произведение искусства. Кроме того, у тебя появилась возможность пропеть нам чарующие звуки песни, тобою сочиненной». Несчастный злодей зашелся в крике, однако Фаларис, дабы сохранить тельца в первозданном чистом виде, приказал вынуть еще живого Перилая, сбросить его со скалы и оставить тело на съедение хищникам^[18].

Брэнк, или Уздечка для сварливых жен

Более эффективные в деле перевоспитания сварливых женщин, чем даже дакинг-стул, эти неперенные атрибуты деревенской жизни старой Англии были в большом ходу в период с семнадцатого по первую половину девятнадцатого столетия. Хотя существовало множество разновидностей брэнка, классический вариант представлял собой конструкцию из железных полос, надевавшуюся на голову нарушительницы и закрывавшуюся при помощи небольшого замка. На внутренней стороне железной полосы, находившейся у лица, была прикреплена железная пластинка, которая, как только брэнк надевали на голову, оказывалась во рту страдальницы, прижимая язык к нижнему небу и лишая ее возможности говорить. В более изощренных вариантах брэнка такая пластинка имела острые края или шипы, которые ранили язык и ротовую полость жертвы. Чтобы унижение было полным, женщину прогоняли по улицам (при этом толпа кидала в нее грязью) и привязывали к деревенскому столбу, использовавшемуся для наказания поркой.

Из многих уцелевших до нашего времени брэнков один находится в Конглтоне (графство Чешир) и именно о нем местный краевед написал следующие строчки: «В прежние времена он всегда находился у городского тюремщика, и тому приходилось нередко его доставать. В старинных домах у камина был вделан в стену крюк, и в том случае, если жена давала волю своему языку, муж посылал за городским тюремщиком, который приносил с собой брэнк. Брэнк надевали на жену, цепью прикрепляли его к крюку у камина и держали жену так до тех пор, пока она не обещала впредь держать язык за зубами».

По народному преданию, в последний раз брэнк использовали публично в 1824 г., когда некая Энн Ранком обругала церковного старосту за то, что он, во исполнение своих служебных обязанностей, следил за тем, чтобы во время воскресной церковной службы были закрыты все питейные заведения. Ее привели к мэру Конглтона, который сообщил ей следующее:

– Вот единогласное решение мэра и судей. На нарушительницу общественного порядка здесь же и сейчас же надевается городской брэнк, и судебный клерк ведет ее по всем улицам города для примера другим женщинам.

В Шотландии брэнк появился еще в 1567 г. (Эдинбург), за несколько десятилетий до того, как его начали использовать к югу от шотландской

границы. Только в 1623 г. суд в Мэклсфилде впервые приговорил женщину к этому виду наказания. Подобно многим старым видам наказания, брэнк исчез из употребления незаметно, однако утверждали, что еще в 1856 г. это приспособление использовалось в Болтон-ле-Муре, Ланкашир.

Военные наказания

В этой книге часто встречается упоминание об особой изощренности наказаний, изобретенных древними римлянами для любых случаев жизни, будь то гражданские правонарушения, военные преступления или необходимость уничтожения некоторых меньшинств, таких как, например, первые христиане.

Гражданское право, созданное римлянами, стало предметом зависти всего мира. Впервые оно было кодифицировано в 450 г. до н. э. и достигло своего совершенства при византийском императоре Юстиниане I в начале VI века н. э. С неудержимым ростом Римской империи римское право распространилось тогда по всему цивилизованному миру, а кодекс Юстиниана (Codex Justinianus) лег в основу правовой системы всех государств, образовавшихся впоследствии на обломках империи. Тому же способствовало впоследствии расширение влияния римско-католической церкви^[19].

Всегда и во всех цивилизациях гражданские и военные законы существенно отличались друг от друга. И действительно, для британского солдата во время I Мировой войны оставление боевого поста означало одно – расстрел. И само преступление, и методы наказания – неизвестные гражданскому праву.

В 1725 году на личные средства автора была опубликована небольшая книга «Римские военные наказания» (Roman Military Punishments); она была написана историком Джоном Бивером и иллюстрирована Уильямом Хогартом. Бивер взял за основу военные законы республиканского Рима и показал, как во времена Империи они выродились в жестокость и своеволие. Хогарт нарисовал иллюстрации к 13 главам, каждая из которых описывала определенный метод наказания.

Децимация (decimation) – этот метод использовался для наказания массовых преступлений. Казнили, как правило, обезглавливанием каждого десятого легионера, других же кормили ячменем вместо пшеницы.

Лишение военного пояса – наказание за те же проступки, которые влекли за собой позорное увольнение.

Лишение прав гражданства и продажа в рабство — полагалось за уклонение от военной службы.

Ломание ног – применялось в основном в отношении рабов и осуществлялось при помощи дубинки.

Обезглавливание – для римлян обезглавливание было самой почетной смертью, хотя обычно ему предшествовала порка (castigatio).

Позорное увольнение – как и в большинстве современных армий мира, нарушение приказа и неподчинение командиру наказывалось «позорным увольнением».

Разжалование – преступнику ломали копье и заставляли идти в хвосте колонны, вместе с грузовыми повозками и пленными.

Распятие на кресте – самый обычный для римлян метод казни, однако в военном праве его применяли исключительно для наказания дезертиров. Бивер описывает еще два вида наказания: преципацию (precipitation), или сбрасывание с большой высоты, и растерзание дикими зверями.

Расчленение – нечто подобное четвертованию заживо. Ноги преступника привязывали к верхушкам наклоненных деревьев и когда отпускали, те разрывали жертву надвое.

Ссылка – иногда из города или области, но в особых случаях за пределы Италии.

Фустигацио (fustigatio) – избиение дубинками или палками в отличие от кастигацио (castigatio) – избиения плетьюми.

Фустициум адмоницио (fustium admonitio) – менее суровое, чем фустигацио, избиение дубинками. Применялось за халатное отношение к обязанностям и за невыполнение приказа.

Ячмень вместо пшеницы – за серьезные преступления, такие, например, как трусость, воровство у товарищей или жестокое обращение с ними, преступника приравнивали к вьючному животному и кормили ячменем вместо пшеницы.

Воскрешение

Воскрешение из мертвых

Каким ненадежным зачастую оказывался метод смертной казни через повешение (см. «Ошибки палачей»), показывает то, что иногда трупы оживали на столе во время вскрытия. Более подробно об этом рассказывается в статье «Воскрешение после казни», однако случившееся с Вильямом Дьюэлом заслуживает того, чтобы быть упомянутым здесь особо, поскольку именно в здании Ассоциации хирургов он замечательно воскрес после казни прямо под скальпелем хирурга.

Вильям Дьюэл был осужден на смерть за ограбление и убийство Сары Гриффин в Эктоне. Будучи повешенным 24 ноября 1740 года в Тайберне, он оказался на столе для вскрытий в Ассоциации хирургов. После того, как его раздели и положили на стол, один из ассистентов, обмывавших тело для вскрытия, обнаружил в трупе признаки жизни. Хирург взял у него несколько унций крови, а через некоторое время казненный мог уже сам сидеть на стуле, и к вечеру его отправили назад в Ньюгейтскую тюрьму. Смертный приговор был заменен на каторгу («Ньюгейтский календарь»).

Воскрешение после казни

Следующий текст взят из «Книги курьезов» (Book of Oddities).

Преступления прошлого дают историку пищу для размышлений, писателю-романисту – бесконечные сюжеты, а поэту – темы для воспевания. Многочисленные случаи возвращения к жизни после казни составляют замечательную главу в криминальной литературе. Из следующих отрывков становится ясным, что палачи прошлого делали свою работу зачастую из рук вон плохо.

Полуповешенный Смит

Сначала следует рассказать об уроженце Ист-Райдинга, что в графстве Йоркшир, чья богатая событиями жизнь дала ему право называться «полуповешенным Смитом», обеспечила ему достойное место в книге «Знаменитые судебные процессы» («Remarkable trials») и главу в

«Знаменитостях Йоркширских пустошей» («Celebrities of the Yorkshire Wolds»).

Джон Смит (какое редкое сочетание имени и фамилии!) родился в Молтоне в семье крестьянина. По достижении зрелости он некоторое время работал по найму, поступил матросом на торговое судно, затем волонтером на военный корабль, а в 1702 г. участвовал в морском сражении у г. Виго в Испании, в котором королевский флот под командованием Рука разбил объединенный франко-испанский флот.

После этого замечательного события он покинул военный флот, поступил добровольцем в армию, попал в гвардейский полк, но связался с плохой компанией, дезертировал и начал свою карьеру грабителя. Его вскоре поймали, и в декабре 1705 г. он предстал перед судом по обвинению в четырех преступлениях. Он был признан виновным в двух из них и приговорен к смертной казни. Казнь назначили на 24-е число того же месяца. В назначенный день его перевели в Тайберн, где после сотворения им молитвы повесили обычным порядком. Он проболтался в петле уже четверть часа, когда раздался крик:

– Отсрочка, отсрочка.

И действительно, приведение приговора в исполнение было отсрочено. Преступника скоренько вынули из петли и отнесли в ближайший дом. После кровопускания повешенный ожил. Его попросили описать, что он ощущал, когда болтался на веревке; его ответ был следующим: «Когда меня вздернули, я сначала ощущал только сильную боль; в моей душе все смешалось, а сама она ринулась вверх; я увидел вспышку яркого света и потерял сознание и ощущение боли. Когда меня принесли в дом, и я начал приходить в себя, когда моя душа возвратилась на прежнее место, а кровь потекла по жилам, я испытал такую непереносимую боль, что пожелал, чтобы те, кто меня вынул из петли, сами оказались в ней».

После того, как ему чудом удалось избежать могилы, его помиловали, и с тех пор все стали называть его «полуповешенным Смитом». Однако вместо того, чтобы исправиться и начать честную жизнь, Смит занялся прежними делишками, был снова пойман и предстал перед судом в Олд-Бейли по обвинению в краже со взломом. Однако ввиду некоторых неясностей в деле жюри присяжных законодателей вынесло особый приговор, следствием которого стало предоставление решения вопроса на усмотрение 12 судей. Те решили его в пользу Смита. Дважды избежав наказания, он попался на том же в третий раз, однако обвинитель умер за день до начала процесса, и таким образом «полуповешенный Смит» трижды обхитрил виселицу.

Джон Бартендэйл

Еще один знаменитый уроженец Йоркшира Джон Бартендэйл, волынщик, предстал перед судом в Йорке по обвинению в грабеже и был приговорен к смертной казни. 27 марта 1634 г. его повесили на виселице, сооруженной у микельгейтской заставы в Йорке, за которой начиналось чистое поле. Бедный странствующий музыкант болтался на виселице три четверти часа, когда его срезали и похоронили рядом с ней. Слуги правосудия выполняли свои обязанности небрежно и в том, что касалось повешения, и в том, что касалось погребения тела. Рассказывают, что земля обладает целительными свойствами, и что некоторые врачи прописывают своим слабым здоровьем пациентам земляные ванны и, говорят, эффект бывает поразительным. В целительности земляных ванн убедился на собственном опыте несчастный волынщик.

Вскоре после того как его тело похоронили, мимо проезжал некто Вавасур из Хейзелвуда и обратил внимание на шевелившуюся у виселицы землю. Он и его слуга спешились и откопали Бартендэйла. Он оказался жив, открыл глаза и, сев, спросил, как он тут оказался. Подогнали телегу и, накрыв волынщика попоной, отвезли в тюрьму Йорк-Касл. Состоялся еще один суд. Его преподобие С. Бэринг-Гулд, специально интересовавшийся этим случаем, замечает:

«Возникла правовая задачка, которая сводилась к вопросу о том, можно ли повесить человека вторично, после того, как шериф подписал документ о том, что такой-то был действительно повешен и умер на виселице. Мистер Вавасур не проявил особого желания снабжать суд недостающим звеном, которое помогло бы установить идентичность нынешнего заключенного с волынщиком, которого повесили за грабеж и должным образом погребли. Он предложил суду отложить исполнение приговора; симпатии публики были на стороне Бартендэйла, да и судья попался не слишком суровый. Так или иначе, волынщика помиловали и отпустили на свободу, причем судья заметил, что в человеческое правосудие вмешался сам Всевышний, и что сам он не расположен становиться на пути Провидения, да пускай продлятся дни волынщика на земле».

После своего чудесного спасения Бартендэйл начал зарабатывать на жизнь профессией конюха и когда его просили рассказать о его казни, он говорил, что когда его вздернули, у него перед глазами вспыхнул огонь и тут же погас.

Энн Грин

Доктор Плот, один из самых усердных собирателей древностей своего времени, профессор химии Оксфордского университета и хранитель музея Эшмолиэн, описывает в своих работах несколько случаев воскрешения женщин после казни через повешение и замечает, что женщины более живучи, чем мужчины. В своей «Естественной истории Оксфордшира» (1677 г.) он рассказывает следующий невероятный случай:

«В 1650 г. Энн Грин, служанку сэра Томаса Рида, обвинили в убийстве своего новорожденного ребенка и признали виновной. Она была повешена в Касл-ярде в Оксфорде, однако когда открыли гроб, несмотря на то, что веревка все еще туго стягивала ее горло, все заметили, как поднималась ее грудь; некий Мэйсон, портной, из соображения милосердия ударил ее ногой в грудь; другой по имени Оурэм, солдат, ударил туда же прикладом своего мушкета. Однако, когда просвещенный сэр Вильям Петти, предок нынешнего маркиза Лансдаунского, профессор анатомии Оксфордского университета, доктор Вильям и доктор Кларк, в то время президент Колледжа Магдалины и вице-канцлер Университета, приготовили тело для вскрытия, они услышали тихий хрип в ее горле и, забыв о своем первоначальном намерении, попытались сделать все возможное, чтобы оживить ее. Они вскрыли ей вену, положили в теплую постель, ввели ей какие-то лекарства и преуспели в этом до того, что через 14 часов она заговорила, а на следующий день говорила как ни в чем не бывало. Пока она выздоравливала, слуги закона, ответственные за приведение приговора в исполнение, попытались забрать ее и довершить дело, но благодаря вмешательству достойных докторов, некоторых их друзей и губернатора Сити^[20] полковника Келси, к ней была приставлена охрана, дабы пресечь повторные попытки законников изъять ее, в то время как полковник хлопотал о помиловании. Сомнение вызывал сам факт вины Энн Грин. Тысячи людей приходили, чтобы взглянуть на нее и многие утверждали, что во всем этом, несомненно, проглядывался перст Божий, свидетельствовавший о ее невиновности. Спустя некоторое время доктор Петти, увидев, как оживленно она болтала с окружающими, и опасаясь, что те начнут расспрашивать ее о ее видениях и ощущениях в течение того периода, когда ее считали мертвой (что они уже не преминули сделать, а Энн Грин рассказала им о том, что была на чудесном зеленом лугу, по которому протекала тихая речка, и что все вокруг нее было серебряным и золотым), приказал всем покинуть комнату, в которой остались только

доктора, присутствовавшие при оживлении. Она рассказала им, что не помнит, как ее вели из тюрьмы и прочитала ли она перед казнью молитву, как вешали и ощущала ли она боль. Она помнила только, что пришла в себя будто после долгого сна.

Наконец, она полностью поправилась и, возблагодарив Бога и людей, помогавших ей обрести вторую жизнь и освободивших ее от дальнейшего наказания, она уехала в деревню, недалеко от Стипл-Бартона, к друзьям, где, некоторое время спустя, вышла замуж, родила троих детей и умерла не ранее, как в 1659 г.».

Доктор Плот рассказывает далее еще об одной преступнице, служанке миссис Коуп из Оксфорда. Ее казнили в 1658 г., и она провисела на виселице необычно долгий промежуток времени (наученные предыдущим опытом шерифы желали быть полностью уверенными в ее смерти). Когда веревку перерезали, ее тело упало на землю с такой силой, что будь на ее месте кто-нибудь даже неповешенный, он бы разбился насмерть. И тем не менее она воскресла, однако на этот раз слуги закона довели дело до конца на следующий день.

Доктор Плот упоминает в этой связи еще одно имя – Марджори Мосоул из Арли в Стаффордшире, однако не приводит никаких подробностей.

Уолтер Уинкберн

Два случая воскрешения преступников после повешения, по достоверным источникам, произошли в городе Лестере. Генри из Найтона, каноник Лестерского аббатства, рассказывает в «Хронике за 1363 г.»:

«Некий Уолтер Уинкберн был повешен по обвинению брата Джона Дингли из ордена рыцарей-госпитальеров и, будучи срезанным с виселицы, начал оживать в телеге, в которой его везли на кладбище Святого погребения в Лестере. На кладбище он ожил полностью, его приютил священник церкви Святого погребения и защитил от повторного повешения. Этого человека помиловал король Эдуард, что удостоверяла выданная ему в Лестерском аббатстве грамота...»

Из свидетельств современников, хранящихся в архивах этого же города и приведенных в книге Томпсона «История Лестера», явствует, что в июне 1313 г. Мэтью из Эндерби, вор, был схвачен, заключен в королевскую тюрьму города Лестера, а затем приговорен сэром Джоном Дигби и сэром Джоном Донгервиллем, судьями Его Величества, к смерти через

повешение. Однако после приведения приговора в исполнение, когда казненного доставили в больницу церкви святого Джона для погребения, тот ожил и впоследствии был отправлен в ссылку.

Патрик Редмонд

С деталями этой истории можно познакомиться, прочитав статью в «Джентльмен Мэгэзин» от февраля 1767 г. Там рассказывается следующее: «В Корке, Ирландия, некий Патрик Редмонд, за грабеж на большой дороге приговоренный к смерти через повешение, был надлежащим образом казнен и провисел 28 минут. После того, как толпа с разрешения вынула тело из петли и отнесла его в отведенное место, означенный Патрик Редмонд был возвращен к жизни каким-то местным эскулапом, который сделал ему надрез дыхательного горла. После казни к тому времени прошло 6 часов. Впоследствии преступника помиловали. В той же статье имеется свидетельство о том, как в тот же вечер Редмонд имел смелость посетить театр».

Утверждают, что человек по имени Вильям Броди, повешенный в Эдинбурге в октябре 1788 г. за ограбление акцизной конторы, заранее позаботился о том, чтобы его подобным же образом смогли вернуть к жизни после казни. Но его замысел не удался, так как ему пришлось падать с большей высоты, чем та, о которой он договорился с палачом.

Вскрытие

Еще в 1540 г., в правление короля Генриха VIII, в силу вступил закон, предписывавший передавать хирургам для вскрытия и исследования четыре тела казненных преступников ежегодно. Впоследствии эта привилегия была подтверждена королем Эдвардом VI.

В 1752 г. в силу вступил еще один закон, названный «Законом, направленным против ужасающего преступления убийства» и известный в народе как «Murder Act» («Закон против убийства»). Кроме прочего в нем говорилось следующее: «Поскольку ужасающее преступление убийства стало совершаться ныне чаще, чем в былые времена, а в особенности в столице королевства и ее окрестностях, и поскольку злодеяние это противоречит известным человеческим законам и духу британского народа, считаем нужным усилить кару за совершение этого гнусного преступления, а само наказание смертью за смерть отныне метить печатью вечного позора».

Этот закон, в поддержку которого выступил среди прочих знаменитый романист и судья Генри Филдинг, предусматривал вскрытие всех без исключения казненных преступников. Творцы закона уповали на то, что такая посмертная перспектива вселит страх в сердца потенциальных преступников и отвратит их от совершения «гнусного преступления убийства».

Нереалистичность подобного подхода доказывает тот факт, что многие приговоренные к смерти преступники загодя продавали свои тела врачам, чтобы обеспечить свои семьи.

Основные статьи закона звучали следующим образом:

1. Приговор должно выносить в открытом суде сразу после признания обвиняемого виновным в совершении убийства. В приговоре должно быть четко оговорено время казни и передачи тела для вскрытия («Печать позора»).

2. Приговор надлежит приводить в исполнение через два дня после его вынесения. Если же день казни падает на воскресенье, то казнь переносится на следующий за ним понедельник.

3. Все время между вынесением приговора и приведением его в исполнение убийцу надлежит содержать в одиночной камере и не допускать к нему никого без особого на то разрешения судьи или шерифа. Содержать его следует только на хлебе и воде, исключая святое причастие

или лекарства, предписанные тюремным врачом.

4. После казни тело преступника должно передать хирургам для вскрытия.

5. Судья по своему усмотрению имеет право приказать вывесить тело казненного преступника в цепях. Однако этот закон твердо устанавливает, что ни в коем случае тело не подлежит погребению до вскрытия. Должностные лица, нарушившие это предписание, подлежат немедленному увольнению с наложением штрафа в размере 20 фунтов стерлингов. Любой, кто пытается спасти приговоренного в тюрьме, по пути к месту казни или во время казни, – виновен в совершении тягчайшего преступления и заслуживает смертной казни без права воспользоваться «неподсудностью духовенства светскому суду»; тот же, кто попытается выкрасть тело преступника после казни, должен быть отправлен на каторгу сроком на 7 лет.

6. Преступник, приговоренный к смертной казни, лишается всей своей движимой собственности и земли.

В журнале «Лондон мэгэзин» рассказывается о первом преступнике, приговоренном к смертной казни в соответствии с новым законом. Им оказался некий Томас Уилфорд, который «скамью подсудимых покинул, рыдая и оплакивая свою злосчастную судьбу».

Это вскрытие было произведено в здании Ассоциации хирургов, примыкавшем к зданию суда Олд-Бейли. Вскрытие производилось в присутствии группы студентов-медиков и нескольких любопытных зрителей. Тело лорда Ферерза в здание Ассоциации хирургов привезли в его же собственном экипаже, запряженном шестеркой лошадей. После того, как было произведено посмертное вскрытие, тело было выставлено для всеобщего обозрения на втором этаже. Пеннант говорит в «Лондон мэгэзин» о здании Ассоциации хирургов, как о красивом здании, украшенном ионическими пилястрами, и с широким пролетом лестницы, ведущей на второй этаж. На первом этаже имеется дверь, через которую вносят в здание трупы казненных преступников. Здесь находятся несколько залов для вскрытия с местами для публики. В 1855 г. еще живы были те, кто присутствовал на вскрытии, производимом в здании Ассоциации хирургов и на которых «ужасное зрелище, да еще в присутствии трупов знаменитых преступников, развешанных по стенам, произвело гнетущее впечатление, которое для некоторых из них стало причиной тошноты и обморока, для других же – нервного расстройства» («Ньюгейтские хроники». Артур Гриффитс, 1883 г.).

Одним из самых знаменитых экспонатов, украшавших ниши в здании

Ассоциации хирургов, был скелет истязательницы и убийцы Элизабет Браунригг (см. «Элизабет Браунригг»).

«Закон против убийств» не был упразднен до 1832 г.

Выпускание внутренностей

Этот вид казни редко применялся сам по себе, чаще всего в комплексе с другими видами, например, при казни через повешение или при четвертовании. Однако существует, по крайней мере, одно упоминание о том, что выпускание внутренностей применялось как самостоятельная казнь. Это – описание смерти святого Эразма (иногда его называют святым Эльмом). Эразм был епископом Формии в Кампании и в 303 г. умер мученической смертью после того, как ему вскрыли живот и намотали кишки на корабельную лебедку. Эта сцена изображена на миниатюре в «Часослове», изданной в конце XV века и хранящейся ныне в Британском музее.

Высшая мера наказания

С движением за отмену смертной казни в Англии можно познакомиться по статье «Движение за отмену смертной казни в Великобритании», поэтому не стоит здесь повторяться. Более того, аболиционистские взгляды автора этой книги хорошо известны, и дальнейшие комментарии по этому вопросу могут показаться излишними.

Наиболее часто приводимый и единственно требующий к себе серьезного научного отношения аргумент в пользу высшей меры наказания – это утверждение о том, что смертная казнь содействует сдерживанию преступных наклонностей человека, другими словами, убивая законным порядком одного преступника, государство как бы предостерегает других потенциальных преступников от совершения той же ошибки. Хотя это звучит правдоподобно, однако это утверждение применимо к тем случаям, когда преступник в момент совершения преступления знает, на что идет и чем это может для него закончиться. В большинстве случаев преступления, наказуемые смертной казнью, совершаются почти неосознанно, и преступнику некогда думать о ждущем его возмездии, тем более что он всегда надеется избежать наказания, уповая на то, что ему удастся скрыться. В особенности это касается убийств, которые чаще всего становятся результатом злой перебранки и совершаются в состоянии аффекта. Таким образом, отмена смертной казни вовсе не несет всеобщей анархии и кровопролития. В заключении отчета комитета ООН, изучавшего этот вопрос в 1962 г., говорится: «Вся имеющаяся у нас информация по этой проблеме подтверждает, что отмена смертной казни никогда не вызывала увеличения количества преступлений, ранее наказуемых смертью».

Серьезным обвинением человечеству служит его неспособность справиться с проблемой преступности другими методами, поскольку более чем 100 стран сегодняшнего мира сохраняют смертную казнь в своем законодательстве, также ссылаясь на то, что высшая мера наказания удерживает потенциальных преступников от совершения преступлений, наказуемых смертью. Конечно, это не единственная причина того, почему многие правительства так трогательно привязаны к этому институту. Для одних смертная казнь является удобным законным средством подавления оппозиции, для других – инструментом террора против инакомыслия.

Приведенная ниже таблица наглядно демонстрирует, как разделился

мир на страны, сохраняющие смертную казнь, и на страны, в которых она в той или иной форме отменена.

Страны, сохраняющие высшую меру наказания в своем законодательстве и регулярно приводящие смертные приговоры в исполнение:

Страны, отменившие смертную казнь за все обычные преступления, кроме «особых», совершаемых во время войны, за которые преступник несет наказание по законам военного времени^[21].

Страны, сохраняющие в законодательстве высшую меру наказания, но в которых за последние 10 лет не казнен ни один человек^[22].

Газовая камера

Подобно электрическому стулу и смертельной инъекции газовая камера – сугубо американский инструмент узаконенного убийства.

Она представляет собой небольшую герметичную комнату со смотровым окном, в которой стоит стул, а под ним находится ванна, наполненная кислотой. Жертву привязывают ремнями к стулу и при помощи механизма, управляемого извне, капают в ванну несколько капель натриевого цианида (NaCN). В результате химической реакции выделяется смертельный газ – водородный цианид (HCN).

Чтобы умереть почти мгновенно и почти безболезненно, приговоренному к смерти следует как можно быстрее и глубже вдохнуть смертоносный газ, как только он начинает поступать в камеру. Если у преступника срабатывает инстинкт самосохранения и он пытается сдержать дыхание или вдыхает недостаточно глубоко, то ему предстоит умирать долгой и мучительной смертью. У него появляются страшные головные боли, тошнота, его начинает рвать, он задыхается, однако все кончается неизбежной смертью. Врач устанавливает факт смерти с помощью наушников, соединенных со стетоскопом, который установлен на груди преступника.

Невада, 1924 г

Первым штатом, в котором начали казнить приговоренных к смерти в газовых камерах, был штат Невада. До 1921 года преступникам предлагали выбирать смерть или на виселице или у стенки (расстрел).

И то и другое было ненадежно. Другие штаты один за другим начинали применять для этих целей электрический стул, однако в Неваде доктор Аллен Мак-Лин Гамильтон, токсиколог, разработал и предложил новый метод казни – смертельный газ. Законодатели штата сразу смекнули, что Невада окажется лидером общенациональных поисков быстрого и безболезненного узаконенного убийства. В 1921 г. летальный газ стал официальным инструментом смертельной казни в штате Невада. 27 августа того же года было совершено преступление, которое три года спустя привело в газовую камеру ее первую жертву.

В тот год разгорелась усобица между двумя соперничавшими китайскими гангстерскими кланами. Ее жертвой стал пожилой гангстер

Том Куонг Ки, а его убийцу звали Джи Джон.

7 февраля 1924 г., за день до казни Джи Джона, газовую камеру испытали еще раз, поместив в нее двух кошек. Обе кошки погибли через несколько секунд после приведения системы в действие. На следующее утро свое место в газовой камере занял уже Джи Джон. Его привязали ремнями к стулу и привели систему в действие. В те дни еще не была отработана методика аккуратного установления факта смерти, поэтому химическая реакция продолжалась 6 минут. В первые секунды Джи Джон отчаянно боролся со смертью, но тут же его тело обмякло. Для верности его труп находился в камере еще полчаса, пока вентилятор выгонял из нее ядовитый газ. Когда его вынули из кресла, Джи Джон был совершенно мертв.

К 1960 году еще десять штатов начали применять летальный газ для казни осужденных на смерть.

Камера 2455. В ожидании смерти

Самой колоритной и знаменитой жертвой газовой камеры был Кэрил Чессмэн, проведший 11 лет в тюрьме Сан-Квентин, ожидая казни. Он обвинялся в изнасиловании, хотя сам яростно отрицал факт такового.

В 1948 г., через год после того, как Чессмэн вышел из тюрьмы, где отбывал срок за кражу, его обвинили в серии ограблений и изнасилований. Неудачно проведя собственную защиту, Кэрил Чессмэн был признан виновным, приговорен к смертной казни и провел более десяти лет в тюрьме, сражаясь за собственную жизнь и сочиняя автобиографические книги, становившиеся сразу бестселлерами и приносящие ему деньги, необходимые для продолжения юридических баталий. («Камера 2455. В ожидании смерти» была успешно экранизирована.)

Насколько героической была его борьба за жизнь, настолько иронической была его смерть. 2 мая 1960 г., в 10.03 утра капли цианида упали наконец в ванну с кислотой, находившейся под стулом, к которому был пристегнут ремнями Кэрил Чессмэн. Именно в этот момент судья Гудмэн приказал приостановить казнь. Тюремное начальство утверждало потом, что было уже поздно что-либо предпринять в момент получения приказа. Чессмэн был обречен. Однако в одном можно быть уверенным: если бы казнь остановили и Чессмэн остался жив, он бы смог рассказать миру о том, каково умирать в газовой камере и действительно ли все было так, как он описывал это в своей книге «Смерть от воды и огня» («Death by

Ordeal»):

«Ты вдыхаешь смертоносные испарения, у тебя кружится голова. Ты делаешь попытку разорвать сковывающие руки и ноги ремни, но темнота обступает тебя. Ты вдыхаешь, выдыхаешь; у тебя раскалывается голова и разламывается грудь, но боль – это ничто; ты ее почти не ощущаешь. Ты соскальзываешь в бессознание, ты умираешь, твоя голова откидывается назад. Одно только страшное мгновение – ты свободен; опускается черный занавес. Ты мертв».

Галифакская машина

Предположительно галифакская машина появилась в Галифаксе в правление короля Эдуарда III (1312–1377)^[23]. В соответствии с приходской книгой записи смертей с марта 1541 г. по апрель 1650 г. эта машина отправила на тот свет 49 преступников. Из нескольких достойных доверия описаний галифакской машины самыми живописными являются описания Пеннанта и Холинсхеда:

«Дева» (как ее иногда называли) находилась во владениях графа Уоррена, включавших в себя Хардвикский лес и 18 городов и деревень в его окрестностях. Время, когда она впервые появилась в этих краях, – неизвестно. Возможно, лорд Уоррен, обеспокоенный набегами на его охотничьи угодья и не полагаясь на закон, учредил ее в своих владениях сам, а возможно, что сделал он это для защиты начинавших развиваться шерстяных мануфактур Галифакса. Последнее – более вероятно, поскольку в окрестностях города шныряли банды разбойников, нападавшие на шерстяные склады и наносившие огромный урон еще не окрепшей промышленности Галифакса. Скорее всего для защиты промышленности и торговли и устрашения грабителей появился следующий закон:

Если преступник схвачен в Хардвикском лесу и его окрестностях с ворованным товаром стоимостью более 13 с половиной пенсов, через три дня после его поимки он предстанет перед судом города Галифакса, и если суд признает его виновным в краже, его следует предать казни через обезглавливание с помощью машины.

Преступника судили справедливо; как только его ловили, его доставляли к бейлифу^[24] Галифакса, который распорядился в течение трех базарных дней держать его в колодках на рынке с ворованным товаром на спине или, если тот украл, например, корову, ее привязывали рядом с ним. Такая мера имела двоякую пользу. Во-первых, она служила назиданием другим, а во-вторых, бейлиф мог заручиться дополнительными свидетельствами против обвиняемого. Затем бейлиф призывал к себе четырех фригольдеров^[25] из каждого из городов, находившихся в окрестностях леса и учреждал жюри присяжных заседателей. В суде преступник и потерпевшие оказывались лицом к лицу; сюда же приносили украденный товар или приводили украденную корову. И если вора признавали виновным, то направляли в тюрьму, где он проводил неделю,

готовя себя к казни. По истечении семи дней его приводили к машине и обезглавливали.

Следует заметить, что если преступнику удавалось бежать и он оказывался за пределами Хардвикского леса, власть бейлифа на него уже не распространялась. Но если его ловили в черте леса, то без промедления приводили в исполнение прежний приговор. Эту машину широко использовали во времена королевы Елизаветы, хотя более ранних сведений о ней нет. За время ее правления машина обезглавила 25 преступников и по меньшей мере 12 в период с 1623 по 1650 годы. После этого машину не использовали. Сейчас она уничтожена, однако я видел подобную ей в подвале дома Парламента в Эдинбурге. (См. «Дева»)

(Пеннант)

В былые времена в городе Галифаксе был такой закон или скорей обычай, что если кто-то совершил преступление и взят с поличным или признался в совершении кражи и если четыре констебля оценивали стоимость украденного в 13 с половиной пенсов, то в один из ближайших базарных дней (обычно они падали на вторники, четверги и субботы) ему прилюдно отрубали голову. Машина, с помощью которой производилась казнь, имела деревянную прямоугольную колоду, которая двигалась вверх и вниз в пазах между двух брусков длиной 5 ярдов, установленных вертикально. В нижней части колоды находился нож, прикрепленный к ней болтами. Колоду поднимали до самого верха и закрепляли в таком положении с помощью деревянного штифта. К штифту был привязан конец длинной веревки, другой конец которой кидали в толпу. Когда преступник, исповедавшись, клал голову на плаху, каждый присутствовавший мог взять конец веревки и выдернуть штифт. Колода с ножом падала вниз с такой силой, что если бы шея преступника была такой же толстой, как у быка, его голова все равно бы оказалась отрубленной одним ударом («Английские хроники», Рафаэль Холинсхэд).

Вильям Кэмден приводит в своей «Британии» (Britannia, 1722) еще одну любопытную деталь:

Если украдены были бык, или лошадь, или корова, то животное приводили к месту казни и привязывали к нему свободный конец веревки; когда наступало время совершить казнь, по сигналу бейлифа (или его помощника) животное стегали кнутом, оно шло вперед, выдергивало штифт, и казнь свершалась.

Гальванизм

В 8.30 утра 18 января 1803 г. на виселице умер Джордж Фостер, утопивший свою жену и ребенка в Паддингтонском канале.

Как только тело его сняли с виселицы, то тут же переправили в дом профессора Альдини, где тот подверг его гальваническому воздействию. Это явление было открыто дядей Альдини, итальянцем Луиджи Гальвани, который заметил, что конечности лягушек, отделенные от тела при прикосновении двух различных металлов, казалось, возвращались к жизни.

Сначала Альдини подверг гальваническому воздействию лицо мертвеца. Челюсть Фостера задвигалась, соответствующие мускулы лица сократились, а один глаз приоткрылся. При воздействии на конечности рука сжималась в кулак, а ноги начинали двигаться. Мистер Пасс, член Ассоциации хирургов, присутствовавший при таинстве, был до того напуган увиденным, что вскоре по возвращении домой скончался. Другие присутствовавшие поверили, что являются свидетелями воскрешения из мертвых. Однако это, конечно, было невозможно, тем более что несколько друзей Фостера находились в момент казни под эшафотом и помогли ему отправиться в мир иной без особых мучений («Ньюгейтский календарь»).

На самом же деле утверждение Гальвани о том, что лягушечьи лапки оживали под воздействием внутреннего, «животного электричества», было неверным. Так как в этом случае две металлические пластины выступали здесь в качестве простейшей электрической батареи, и ток, действуя на нервы и мускулы, «воскрешал» лягушечьи лапки.

Гаррота

Удушение жертвы (не через повешение) имеет долгую историю и обычно производилось при помощи куска веревки (удавки) или, как в древнем Китае, при помощи тетивы. Приговоренного привязывали к столбу, обвивали вокруг шеи веревку и удушали его, с силой потянув концы веревки.

Милостью короля Фердинанда II (1814–1833) в Испании и в испанских колониях Латинской Америки была введена в употребление гаррота – механическое приспособление для удушения. Гаррота заменила несовершенно и ненадежную казнь через повешение. Она представляла собой столб с просверленными в нем двумя отверстиями. Веревкой охватывали шею жертвы, пропускали ее концы в отверстия и завязывали узлом с другой стороны столба. Затем палач вставлял между веревкой и столбом палку и начинал крутить ее, таким образом удушая жертву. Позже машину усовершенствовали, снабдив ее стулом, на который усаживали жертву и зажимали ее руки и ноги ремнями. Веревку заменили железным ошейником, который надевался свободно через голову осужденного и сдавливал его шею, когда палач тянул находившийся за стулом рычаг. В своих «Испанских записках» (Gatherings from Spain, 1847) Ричард Форд описывает казнь грабителя по имени Хосе де Рохас:

«Он был одет в желтую робу грубого сукна, цвет которой означал преступление убийства и всегда ассоциировался с Иудой Искариотом на испанских живописных полотнах. Он медленно брел к месту своей казни, поддерживаемый с двух сторон тюремщиками, часто останавливался, чтобы поцеловать распятое в руках сопровождавшего его монаха, явно стараясь хоть на немного продлить свое существование. Когда он прибыл к эшафоту и упал перед ним на колени, помощники палача закрыли его своими голубыми мантиями; исповедь не должна быть увидена, только услышана. Сопровождаемый монахом, он взошел на эшафот...

Тем временем палач, молодой человек, одетый в черное, был занят приготовлениями к казни. Инструмент смерти был прост. Преступника сажали на грубо сколоченный стул спиной к столбу, к которому крепился железный ошейник. При помощи мощного винта ошейник прижимался к столбу и удушал жертву.

Палач привязал ноги преступника к стулу, да так крепко, что они отекали и почернели. Не напрасная предосторожность, если учесть, что отец

нынешнего палача погиб во время казни сопротивлявшегося смерти преступника. Монах, сопровождавший преступника на эшафот, более был занят тем, что закрывал лицо от лучей палящего солнца, чем исполнением своих духовных обязанностей. Грабитель сидел на стуле с мукой на лице и скрежетал зубами. Когда все было готово, палач взялся обеими руками за ручку винта, собрался с силами и резкими движениями закрутил его. Помощник набросил черный платок на лицо осужденного. Сжатые в кулаки руки и судорожные движения груди; только по этим признакам можно было судить о том, что душа покинула грешное тело. Спустя некоторое время палач осторожно заглянул под черный платок, сделал еще один оборот винта, сорвал платок с лица жертвы, аккуратно сложил его, сунул в карман и зажег сигару...

Лицо мертвеца было слегка искажено, рот открыт, а глаза закатились. Около эшафота уже стояли черные похоронные носилки с распятием на крыше и небольшой столик с блюдом, в которое зрители бросали монеты, оплачивая труды монаха, который отпевал преступника...

Тело оставалось на эшафоте до полудня, когда его кинули на телегу для мусора и в сопровождении регонего (публичного глашатая) повезли к квадратной платформе, установленной на одной из площадей города и именуемой La Mesa del Rey (королевский стол), где тела казненных четвертовали или резали на более мелкие куски.

„Хорошенькое блюдо на королевский стол!“ Со скучающим видом палач и его сподручные разрубили труп Рохаса на части, игнорируя, впрочем как и испанские анатомы, особенности строения человеческого тела».

Гильотина

Истоки

Принято ошибочно думать, что гильотина – это чисто галльское изобретение, появившееся на свет благодаря Французской революции. В действительности подобные машины использовались еще 5 столетий до того, как доктор Жозеф Игнас Гийотен создал свою *machine a decoller* (машину для обезглавливания) и любезно подарил ее в 1792 г. Национальному собранию.

Могут ли ирландцы или англичане претендовать на право первоизобретателей гильотины? Этот вопрос остается открытым и сегодня, и каждая из гипотез имеет своих сторонников. Конечно возможно, что машина для обезглавливания впервые появилась на свет раньше (для облегчения труда палача), чем до подобного усовершенствования додумались ирландцы или англичане, однако достоверных сведений о таковой пока не обнаружено. Вот короткая хронология:

1266 – Неаполь, Италия – обезглавливание Конрада Швабского (не подтверждено).

1300 – Цитау, Германия – 5 мужчин обезглавлены с помощью механического приспособления (не подтверждено).

1307 – 1 апреля, Мертон, Ирландия. В своих «Английских хрониках» («Chronicles of England») Рафаэль Холинсхэд повествует о казни Меркода Баллага. Текст сопровождается гравюрой на дереве, на которой мы безошибочно узнаем гильотину.

Правление Эдуарда III (1312–1377), Галифакс, Англия. Появление на свет «галифакской машины».

1486. Италия. Широкое применение «манайи». Описана в 1730 г. отцом Жаном-Батистом Лаба:

«Это – рама от четырех до пяти футов высотой и шириной в 15 дюймов. Она состоит из двух железных стоек сечением три на три дюйма с пазами на одной из сторон. Стойки соединены тремя поперечинами, одна – вверху, вторая – в середине и третья – внизу. Именно на эту третью поперечину преступник кладет голову. В пазах стоек двигается вверх и вниз тяжелый нож шириной 10 и высотой 6 дюймов. Верхняя его часть утяжелена грузом от 60 до 80 фунтов весом. Этот нож поднимают до верхней перекладки, к которой его крепят с помощью веревки. По

сигналу начальника стражи палач просто-напросто перерезает веревку, нож падает на шею осужденного и начисто отсекает его голову».

Гильотина Гийотена

В одном можно быть совершенно уверенным: не доктор Гийотен изобрел машину, которая по сей день носит его имя. Тогда какую все-таки роль сыграл доктор во всем этом деле?

В 1788 г. Жозеф Игнас Гийотен состоял профессором анатомии парижского факультета медицины и уже тогда собирался заняться политикой. На следующий год он проявил личный интерес к дебатам по поводу нового уголовного кодекса, которые начались в Учредительном собрании 9 октября. Гийотен представил собранию на рассмотрение свой проект, включавший в себя 6 статей, где рекомендовал использовать для смертной казни механическое приспособление. Хотя члены собрания выражали свой восторг по поводу его проекта, однако обсуждение его было отложено на неопределенное время.

1 декабря 1789 г. ему пришлось напомнить политикам суть своих предложений, которая сводилась к следующим пунктам:

1. Преступления одного порядка должны наказываться одинаково и независимо от ранга или социального положения обвиняемого.

2. Там, где закон требует наказания смертной казнью, способ ее должен быть одним и тем же за все преступления, предусматривающие высокую меру наказания, а именно обезглавливание посредством специальной машины.

3. Поскольку преступления совершаются отдельными людьми, наказание не должно затрагивать семью обвиняемого и им должны оставаться открытыми любые профессии и государственные должности.

4. Гражданин не должен страдать за преступление, совершенное его родственником. Тот, кто поставит ему это в вину, должен быть наказан сам и приговор следует вывесить на двери его дома.

5. Собственность приговоренного конфискации не подлежит.

6. Останки казненного преступника следует передать семье для погребения. В записи о его смерти не должно быть никакого упоминания о ее характере.

На этот раз Гийотен делал упор на эффективность механического обезглавливания по сравнению с ужасными методами, практиковавшимися ранее. Его гуманизму рукоплескала и публика, и пресса. Однако на этот раз

Учредительное собрание отнеслось к его предложениям с прохладцей и приняла только первую из 6 статей проекта. После этого вопрос был снят с повестки дня и счастливо забыт до 21 января 1790 г., когда им вплотную занялся аббат Папэн. На этот раз после долгих дебатов собрание приняло еще три статьи из шести (но не вторую). Только в июне 1791 г. дебаты о высшей мере наказания разгорелись с новой силой, и 3-го числа этого месяца собрание одобрило казнь через обезглавливание, впрочем, не упомянув никоим образом о машине, а 25 сентября статья, предусматривавшая казнь через обезглавливание, была внесена во французский уголовный кодекс. Это событие вызвало возмущение общественности (сам Гийотен уже давно потерял к этой проблеме всякий интерес), и 20 марта 1792 г. был принят декрет, предусматривавший казнь через обезглавливание посредством специальной машины.

Первой официальной *жертвой* гильотины стал человек по имени Николя-Жак Пеллетьер, обвиненный в грабеже. После долгих уговоров министр юстиции санкционировал применение гильотины, и в апреле 1792 г. при большом стечении народа Пеллетьеру отрубили голову.

Машина для обезглавливания, которую стали применять по всей Франции, была разработана доктором Антуаном Луи, семидесятилетним секретарем Хирургической академии. Первый экземпляр изготовил государственный плотник, эшафотных дел мастер месье Гидон. В соответствии с приложенной к проекту спецификацией машина состояла ^[26] из двух параллельных дубовых стоек десяти футов высотой, соединенных сверху поперечной балкой, а внизу закрепленных на тяжелой подставке при помощи распорок. Стойки отстояли друг от друга на 1 фут и имели продольные пазы от верха до низа, в которых скользил нож (или *couperet*). В верхней части ножа были просверлены отверстия, так, чтобы можно было привязать к ножу дополнительный груз. К раме, в которой находился нож, крепилась крепкая веревка, с помощью которой нож поднимался до верхней поперечины и закреплялся там, если веревку привязывали к основанию стойки. Между стойками внизу находилась деревянная плаха с вырезанным в ней углублением для шеи, которая удерживалась в нужном положении с помощью захвата. Жертву привязывали к наклонному скользящему столику и подкатывали его к плахе так, чтобы шея находилась непосредственно под ножом. Палачу требовалось лишь ослабить веревку и нож падал на шею преступника... Как утверждал доктор Луи, жертва не могла почувствовать «ничего, кроме ветерка на шее».

Через год после того, как гильотина убила свою первую жертву, на ней был обезглавлен Людовик XVI, король Франции, и гильотина превратилась

в символ Французской революции и революционного террора. Под ее ножом встретили смерть столько представителей знати и «врагов революции», что она получила прозвище «народного мстителя». Когда после падения Робеспьера в стране был восстановлен закон, гильотину не списали, и по совету доктора Гийотена она осталась официальным французским орудием казни преступников.

Публичные казни проводились вплоть до 1939 г., когда в последний раз прилюдно был гильотинирован убийца-маньяк Эжен Вайдманн. Использование гильотины, как орудия казни сошло на нет в 60-е и 70-е годы, однако только в 1980 г. под давлением Европейского парламента Франция последовала примеру других стран и отменила смертную казнь. По сообщению английской газеты «Индепендент» от 13 июня 1989 г., последняя дубовая гильотина высотой 14 футов была продана с молотка в парижском аукционном доме Друо за 270 000 франков (25 000 фунтов стерлингов). Купил ее некий немецкий коллекционер.

Говорящая голова

То, что произошло 25 июня 1905 г. в Орлеане, началось как заурядная казнь обычного бандита, но затем превратилось в самый захватывающий эпизод из истории французской гильотины. Смерть Арни Лангвилля и все, случившееся после нее, нашло отражение в газетной заметке тех времен:

«День еще только начинался, и все вокруг было залито тем бледным мертвенным светом, в котором фигуры людей кажутся бесплотными призраками. То здесь, то там из-за ограждений на Ру-де-Бель-Эйр, едва державшихся, несмотря на тройной ряд солдат и многочисленные жандармские кордоны, раздавались крики толпившихся зевак. Внезапно на Ру-Верте стало заметно некоторое оживление; в сопровождении жандармов показался закрытый тюремный фургон, в котором находился приговоренный к смертной казни преступник Лангвилль. Было 3.30 утра.

Печальная процессия, наконец, прибыла на место. Фургон остановился рядом с гильотиной. Из повозки показался тюремный капеллан. Следом за ним со связанными за спиной руками и поддерживаемый помощниками палача, шел сам Лангвилль.

Убийца подрагивал от утренней прохлады. Но, казалось, он не замечал этого и до самого конца сохранял присущее ему самообладание. Более того, невзирая на свое теперешнее положение, он выкрикивал всяческие оскорбления толпе зевак.

Помощник палача взял смертника за руку и толкнул к гильотине. Казалось, все тело противилось этому, однако он быстро лег на плаху. Прошло еще несколько секунд, затем молодой Дейблер – более решительный и твердый на руку, чем его печально известный отец, – подошел к машине. „Господин Парижа“ включил механизм, сверкнуло лезвие, раздался глухой стук, в небо ударила струя крови, и отрубленная голова упала в корзину. Обезглавленный труп отбросило вправо, и он рухнул в грубо сколоченный гроб, наполненный опилками.

Как только голова Лангвилля упала в корзину, доктор Бюрэ с разрешения общественного надзирателя поднял ее, желая провести самый удивительный эксперимент. Держа в руках отрубленную голову и глядя в абсолютно безжизненное лицо бандита, доктор воззвал: „Лангвилль! Лангвилль!“

Медленно, но чрезвычайно явственно для всех окружающих веки мертвеца приоткрылись, и стало заметно, что его глаза все еще полны жизни. Он посмотрел в лицо доктора долгим взглядом, и затем его веки сомкнулись. „Лангвилль!“ – во второй раз воззвал Бюрэ. И вновь веки мертвеца открылись, и голова, отделенная от тела, послала свой прощальный взгляд. Когда же покойного окликнули третий раз, его веки остались неподвижны, а кое-кто даже утверждал, что они сомкнулись еще сильнее».

Если верить сообщению газеты, весь эксперимент длился секунд тридцать. Но находившиеся рядом с гильотиной медики настаивают, что проблески жизни в отрубленной голове наблюдались не более десяти секунд.

Впрочем, все это находится в области уже чисто академических споров, потому что с того июньского дня 1905 г. на памятное событие в Орлеане обрушилось множество критических стрел, и теперь многие вообще считают эту публикацию обычной «газетной уткой».

Глазные чашечки

Информацией об этой ужасной пытке, изобретенной в Иране, еще когда эта страна называлась Персией, я обязан неизвестному автору «Знаменитых преступлений прошлого и настоящего» (Famous Crimes Past and Present).

У них есть изощренный и дьявольски жестокий вид пытки. К полоске кожи прикреплены две чашечки, и когда это приспособление надевают на голову пленника, чашечки плотно прилегают к его глазам. Чашечки имеют прикрепленные к их дну трубочки, в которые льют едкую кислоту. Кислота медленно и неумолимо разъедает глаза несчастного, и если пытка продолжается достаточно долго, человек умирает в страшных мучениях.

Гонения на квакеров

В 1647 г. в Англии Джордж Фокс начал проповедовать принципы, которые в последующее десятилетие привели к учреждению «Общества друзей». По словам Фокса, «судья Беннет из Дарби впервые назвал их квакерами (1650 г.), потому что он призывал свою паству трепетать пред словом Божьим» (to quake – трястись и трепетать). Секта не имела постоянных священников и определенного кредо, кроме «всеобщего всепрощения». Однако когда квакеры начали завоевывать симпатии все более широких слоев населения, официальная церковь, почувствовав в них для себя угрозу, принялась целенаправленно их преследовать. В результате многие члены «Общества друзей» оказались брошены в тюрьмы, их имущество конфисковали, и хотя никто из них не был убит, многих подвергли всевозможным пыткам. Эти преследования имели результатом решение вождей секты переселиться в Америку. Здесь их встретили совсем не любезно, и когда квакеры высадились в Бостоне (Массачусетс), они стали объектом жестоких преследований со стороны пуритан Новой Англии. Обычным их уделом была порка, а многих продали прямо с корабля в рабство на плантации. О варварстве и жестокости, с которыми пуритане третировали этих кротких людей, можно судить по описанию порки квакера Вильяма Бренда:

«Надзиратель надел на его шею и ноги кандалы и держал в них 16 часов за то, что тот отказался работать; и все это время несчастный не получал еды, а спина его была истерзана предыдущей поркой. Однако кровожадного надзирателя одна порка не удовлетворила, он решил взять жизнь этого человека, запоров его до смерти. На следующее утро надзиратель хотел заставить его работать, а когда тот не смог подняться, он нанес ему двадцать ударов по спине пропитанной дегтем веревкой, при этом вложив в удары всю свою силу. Веревка расплелась, и тогда надзиратель принес новую. Он поволок несчастного вниз по лестнице, охваченный злобой и яростью и затем нанес жертве еще четыре десятка и семнадцать ударов. На губах его выступила пена, а глаза блестели сумасшедшим огнем. И все это потому, что несчастный не мог на него работать из-за слабости тела. В общей сложности несчастный получил 117 ударов пропитанной дегтем веревки, так, что спина его была черной, с нее свисали куски кожи и сгустки крови, и нельзя было увидеть отдельного рубца; вся спина была одной сплошной раной». («Новая Англия в глазах

Господа», Джордж Бишоп, 1703)[\[27\]](#)

Гридирон (Решетка для пытки огнем)

Этот вид пытки часто упоминается в житиях святых – реальных и выдуманных, однако нет никаких свидетельств того, что гридирон дожил до средних веков и имел хотя бы малое хождение в Европе. Обычно он описывается как обыкновенная металлическая решетка 6 футов в длину и двух с половиной – в ширину, установленная горизонтально на ножках, чтобы иметь возможность развести под ней костер.

Зажаривание живьем

Другой метод пытки – жаривание живьем на вертеле, к которому прибегали гонители ранних христиан, поливавшие кроме того половые органы жертвы уксусом и посыпавшие их солью, как это описано в «Книге мучеников» (Book of Martyrs) Фокса^[28].

Груша

Хотя нельзя согласиться с одним историком, утверждавшим, что «испанцы всегда славились пристрастием к изобретательству и использованию особо жестоких методов пытки», именно в Испании появилась первая «груша во рту», распространившаяся затем по всей Европе.

Она делалась из железа и по форме напоминала цветок, лепестки которого раскрывались при помощи специального крутящегося винта. Когда грушу помещали в рот жертвы и крутили винт, рот раскрывался неестественно широко, при этом рвались губы и ломались зубы, кроме того, отдельные экземпляры имели внутри шипы, впивавшиеся в язык и горло жертвы.

Дакинг-стул

Дакинг-стул – особое приспособление, используемое в Англии для наказания сварливых женщин. Веселые выдумщики англичане привязывают нечто вроде кресла на конце двух расположенных параллельно брусков, длиной примерно 12–15 футов. Кресло закреплено свободно, и когда бруски устанавливаются центрами на поперечине, оно сохраняет горизонтальное положение при любом наклоне брусков. Все это сооружение помещают как можно ближе к реке, поднимают как можно выше восседавшую в кресле женщину и окунают ее в холодную воду. Количество погружений зависит от длины ее языка и темперамента. Как правило, после нескольких таких погружений успокаиваются самые несдержанные на язык жены.

*(«Путешествие в Англию», Мессори, 1700 г.
[\[29\]](#))*

История дакинг-стула простирается по меньшей мере во времена завоевания Англии норманнами, когда те прихватили его с собой из материковой Европы и переправили через пролив. Чуть позже он стал, наряду с позорным столбом и колодками, одним из самых действенных инструментов наказания, находившихся в арсенале манориальных судов.

Из самых ранних источников можно почерпнуть сведения о том, что дакинг-стул использовался, в основном, для наказания сварливых и скандальных женщин. Аппарат снискал всеобщую любовь и популярность, и редкая деревня не обзавелась той или иной его разновидностью для наказания водными процедурами злоязычных женщин, когда в этом возникала необходимость. Многие из этих аппаратов благополучно дожили до наших дней, и их можно увидеть в местных музеях старой доброй Англии.

Дакинг-стул в Ковентри получил официальный статус в книге манориального права в 1597 г.: «Если в этом городе есть те, кто нарушает тишину и порядок, беспокоит соседей, портит жизнь домочадцам, отрывает от дел Всемогущего и сеет раздоры в королевстве, для исправления и

наказания таких вводится в действие закон, коим предписано, что с этого дня любая сварливая жена, досаждающая соседям и другим людям, может быть по приказу олдермена или мэра подвергнута купанию на стуле, если не заплатит за освобождение от наказания 11 шиллингов и 11 пенсов, кои будут использованы на нужды бедняков этого города».

В судебной книге г. Уэйкфилда есть запись о наказании купанием на дакинг-стуле, датируемая 1671 годом: «Ввиду того, что Джейн, жена Вильяма Дарретта из Селби, сапожника, предстала перед судом по обвинению в нарушении тишины и порядка посредством брани, а также нарушении покоя соседей и его величества, постановляю купать вышеназванную Джейн Дарретт за вышеупомянутое преступление три раза. Эта запись служит для констебля Себли подтверждением его полномочий».

В своей книге «Люди с Беверли-стрит» Дж. Р. Уитти упоминает вскользь о дакинг-стуле:

«Вон у того пруда стоит, мой друг,
Машина, называемая дакинг-стул,
Рука закона движет ею,
И жить в деревне веселей.
Когда крикливые жены заводят спор
Или бранятся на мужей,
Когда весь дом стоит вверх дном
И нет покоя никому вокруг...
„Ну хватит! – ты кричишь. —
Ты заслужила сесть на стул
И охладить свой гнев и пыл“».

Существовало множество разновидностей дакинг-стула; самый простейший из них представлял собой не более чем обыкновенный стул с привязанной к спинке веревкой и опускаемый в воду со столба с перекладиной посредством шкива. Другие, более сложные, работали по принципу качелей.

Существуют отдельные сведения о том, что не всегда почти безобидное купание оканчивалось для нарушительниц покоя благополучно. Иногда они попросту захлебывались, а иногда умирали от переохлаждения или воспаления легких. В 1731 году мэр Ноттингема распорядился подвергнуть наказанию на стуле женщину, и веселившаяся толпа так долго

окунала ее в воду, что несчастная умерла; и для мэра, и для дакинг-стула дело кончилось скверно: первый предстал перед судом, а второй попросту сломали. Реформатор тюрем Джон Говард («Состояние тюрем в Англии и Уэльсе», 1777–1780 гг.)^[30] писал, что дакинг-стул все еще использовался в ливерпульской исправительной тюрьме:

«На него сажали каждую вновь прибывшую в тюрьму женщину-бродяжку (не мужчину, заметьте), раздевали и, оставив в одной фланелевой сорочке, окунали в воду три раза. О таком использовании стула, осмелюсь заметить, законодатели не подумали, когда в последнем законе предписали купание из соображений заботы о здоровье заключенных. Разве подозревали они, что их забота обернется для несчастных женщин жестокой и опасной пыткой».

Дакинг-стул находился в употреблении как инструмент наказания и в большей мере как забава для обывателей до начала XIX столетия. Хотя невозможно с точностью установить, когда совершилось последнее купание на стуле, сохранились записи о его использовании в Плимуте (1808 г.) и в Леминстере (1809 г.). В последнем случае женщину по имени Дженни Пайпс, водрузив на стул, сначала провезли по городу, а затем окунали три раза в воду с Тенуотерского моста.

Хлебное крещение

Дакинг-стул широко использовался в Германии XVI века для наказания булочников, продававших недовешенный хлеб. Для этой цели иногда сооружались довольно сложные клетки, одну из которых и сейчас можно увидеть в криминальном музее города Ротенбурга. За каждые 16,66 грамма недовеса булочника окунали в воду один раз. В том же Ротенбурге обычным делом было наказание детей, воровавших фрукты с деревьев. Их сажали в корзину и несколько раз окунали в бассейн фонтана, находившегося на центральной площади города.

Дева

По словам историка Пеннанта, дева появилась в Шотландии стараниями регента Мортонна, который подсмотрел ее устройство в Галифаксе (см. «Галифакская машина»). По внешнему виду она похожа на мольберт художника. Это сооружение высотой в 10 футов имеет внизу, на высоте 4 футов, перекладину, на которую преступник кладет голову. В пазах вертикальных стоек движется острый нож, утяжеленный свинцовыми грузами, который закрепляется вверху при помощи деревянного штыря. К штырю привязан конец веревки, которую палач просто-напросто перерубает, когда вершится казнь. Нож падает с высоты пяти футов и с одного раза начисто отрубает голову преступника, что не так часто удается сделать палачу при помощи топора.

Джеймс Дуглас, четвертый граф Мортон, был регентом Шотландии при короле Якове VI с 1572 по 1580 гг. Будучи протестантом, Мортон составил заговор, имевший целью свергнуть королеву Марию, принял активное участие в убийстве ее фаворита, итальянского музыканта Давида Риццио, и был замешан в смерти лорда Дарили, супруга Марии. Его кипучая деятельность закончилась, когда несколько шотландских пэров задумали лишить его регенства. Мортону пришлось укрыться в замке Стерлинг, где находился молодой король. Так или иначе, его захватили, обвинили в убийстве лорда Дарили и по иронии судьбы казнили с помощью той самой девы, которую он ввел в употребление в Шотландии.

Сэр Вальтер Скотт писал в своей «Истории Шотландии» (1830):

«Он встретил свою смерть с такой же неустрашимостью, какую часто выказывал на поле брани; но самое интересное то, что его лишили головы с помощью гильотины, которую он сам, будучи у власти, ввел в Шотландии после поездки в Галифакс».

Деревянный конь

Первый вариант конструкции

По Свейну, этот инструмент пытки использовался инквизицией, когда ее щупальца дотянулись до Нидерландов, которые в то время были испанским владением. Этот инструмент описан Эрнестом Эремундом Фризием в его «Истории волнений в Нидерландах» (History of Low Contry Disturbances).

Там есть деревянная скамья, которую называют «деревянным конем». Она похожа на корыто, достаточно глубокое, чтобы туда мог лечь человек. Поперек корыта, в середине, установлена перекладина; на нее кладут спиной человека так, что он не проваливается вовнутрь. Затем его руки, бедра и икры перетягивают шнурами, которые закрепляются концами на винты, расположенные по краям корыта, и затягивают винты так, что шнуры врезаются в тело. Кроме того, палач накидывает на лицо кусок тонкой ткани и начинает лить на него воду тонкой, как нитка, струей. Мокрая ткань опускается в горло жертвы и перекрывает дыхание, то же происходит и с ноздрями. Жертва начинает задыхаться, и палач вынимает ткань из ее горла.

Удивительно, что эта комбинация дыбы и пытки водой называлась «деревянным конем», и если бы не авторитет Свейна, как исследователя, можно было посчитать, что в название вкралась ошибка.

Второй вариант конструкции

Это военное наказание осуществлялось при помощи приспособления, более похожего на коня, и имело распространение в Англии и ее американских колониях. Тело коня делалось из досок, сбитых так, что оно становилось похожим на двухскатную крышу. Эту конструкцию ставили на ножки на высоте 6 футов над землей и в довершение приделывали имитацию лошадиной головы и хвоста. Жертве связывали руки и сажали ее верхом на «коня». Кроме того, к ее лодыжкам привязывали тяжелые мешки с песком. И в таком мучительном положении преступник должен был находиться многие часы, испытывая такие боли, что, в конце концов, это наказание в Англии было отменено.

Подобный инструмент наказания был известен под названием

«испанского ослика» и представлял собой одну вертикально установленную доску на крестовом основании. Преступника раздевали догола, сажали на «ослика» и привязывали к ногам грузы. Бывали случаи, когда «ослик» буквально разрезал свою жертву надвое.

Джеффри, Джордж

Джордж Джеффри был главным судьей королевской скамьи при Якове II Английском и носил прозвище Кровавый Джеффри за его безумную жестокость при вынесении приговоров участникам восстания Монмута, пытавшимся свергнуть Якова с престола в 1685 г. «Кровавые суды», как их тогда называли, приговорили сотни человек к казни через повешение, а сотни других – к каторге, которая тоже означала верную, хотя и медленную смерть.

Как и можно было ожидать от такой яркой аболиционистки, каковой являлась миссис Виолетта Ван Дер Эльст («На виселице» *On the Gallows*), ее отношение к судье Джеффри было отнюдь не благожелательным.

Мы знаем о злобности и жестокости судей прошлого. Известно, что судья Джеффри был очень хорош собою и временами доброжелателен, но не ходил по земле человек с более черной душой. Он стал судьей во время Монмутского восстания. Хочу привести здесь слова Майклджона из его «Истории»:

«После монмутского мятежа в городах постоянно кипела в котлах смола, в которую окунали для пущей сохранности головы и конечности казненных мятежников, а потом распределяли их по западным графствам, где годами, несмотря на бури, ворон и лис, они пугали одиноких крестьян, возвращающихся в сумерках с поля домой» (См. «Повешение на цепях»).

Маколи пишет:

«Крестьянин, который соглашался варить отрубленные члены в смоле, возвращался к своему плугу. Но каинова печать лежала на нем всю оставшуюся жизнь. В деревне его называли страшным именем Вильям Кипятильщик».

Часто вешали совершенно невинных людей. Например, вот что произошло с Чарльзом Линделлом. Он показывал, что не выходил из своей лавки, и действительно его там арестовали. Он никогда и никаким образом не помогал людям Монмута; в ту ночь, когда, по материалам следствия, он находился в стане Монмута, на самом деле он сидел дома со своей матерью и невестой. Все это он и сказал судье Джеффри. Тот выслушал обвиняемого со своей неизменной доброжелательной улыбкой и, казалось, даже симпатизировал ему, но затем лицо его свела злобная гримаса, и узник, подумавший было, что имеет дело с добрым судьей, понял свою ошибку. Его судил сам дьявол. Судья Джеффри сообщил Линделлу, что тот будет

повешен за ложь, которую он здесь наплел, несмотря на то, что Божьим именем поклялся говорить правду. Линделл был одним из сотен, кого «судья-висельщик» приговорил к смертной казни. Казалось, что судье доставляет огромное удовольствие издеваться над несчастными людьми, которые были по большей части невиновны в преступлениях, которые им приписывались. Судья Джеффри страдал от почечных камней, но разве возможно предположить, что его болезнь была единственной причиной его дьявольской злобности. От него не ушел никто и в правление Якова II, Джеффри раздавал смертные приговоры всем, кого ему приходилось судить. Когда он судил в Олд-Бейли Тита Оутса за клятвопреступление, он приговорил его к позорному столбу в Пэлис-ярде. Затем Оутса должны были вести вокруг Вестминстер-Холла с табличкой, на которой были перечислены все его преступления; затем снова позорный столб, теперь уже перед королевской биржей; после этого Оутса, привязанного к повозке, должны были сечь от Олдгейта до Ньюгейта, а спустя два дня – от Ньюгейта до Тайберна. Когда он стоял у позорного столба, люди забросали его грязью, облили помоями и чуть было не разорвали на куски. Первая порка, при большом скоплении народа, была очень жестокой. Он долго переносил боль, но всему есть предел, и его крики страшно было слышать. Хотя он то и дело терял сознание, его продолжали безжалостно сечь. Когда его отвязали, он уже не стоял на ногах и, казалось, умер.

Два дня спустя его снова вывели к толпе, собравшейся у Ньюгейта, и поскольку на ногах он стоять не мог, его поволокли в Тайберн на салазках, где высекли еще раз, хотя он находился в бессознательном состоянии. Затем его вернули в Ньюгейт и продержали закованного в кандалы в темном сыром каземате несколько месяцев. Один из видевших экзекуцию Оутса говорил:

«Он получил в общей сложности две тысячи ударов плетью; если бы они его повесили, это было бы милосердием, если бы они содрали с него живого кожу, может быть, он страдал бы меньше».

Когда Яков II бежал из Британии, судье Джеффри пришлось скрываться под видом моряка, однако его узнали, и он оказался в Лондонском Тауэре. Он умер там, как полагали, от почечной болезни. Никогда еще смерть не уносила такого жестокого и хладнокровного негодяя.

Джуга (см. «Брэнк»)

Еще более популярным в Шотландии инструментом наказания сварливых женщин была джуга – железный ошейник с цепью, конец которой закреплялся на кресте на базарной площади или на столбе для порки. Скандалистке надевали ошейник, крепили цепь к столбу и оставляли на потеху толпе, которая закидывала несчастную всем, что попадалось под руку. Времена были жестокие, и, случалось, в нее летели даже камни, и многие женщины, чьим единственным преступлением было неумение сдерживать свой острый язык, получали серьезные увечья, таким образом понеся наказание, несоизмеримое с их проступком.

Диле

О диле, тевтонской гильотине раннего средневековья, сохранились отрывочные сведения, но несомненно то, что она действительно существовала. Иногда диле называли «хобель» или «долабра» и есть сведения, что одна такая машина для обезглавливания была установлена в былые времена в старом нюрнбергском дворце. Помимо этих сведений в нашем распоряжении имеются только художественные воспроизведения диле, которые дают противоречивое представление об этой машине и заставляют предположить, что существовало две ее разновидности.

Одна из гравюр, хранящихся в архиве Фельдхауз в Вильгельмсхафене, изображает полуавтоматическую машину, для приведения которой в действие палачу требовалось ударить тяжелой колотушкой по ножу.

Второй рисунок изображает более привычный нам тип гильотины, приводимой в действие при помощи каната и шкива, тяжелый нож которой падает с большой высоты на шею осужденного. Этот рисунок порождает некоторые сомнения относительно правдивости изображенной на нем сцены, поскольку неперенным символическим атрибутом Матфея, ставшего одним из 12 апостолов вместо Иуды, всегда являлся двулезвенный топор, отсекший ему голову. Здесь же мы видим обезглавливание святого Матфея посредством механического приспособления.

Существование диле подвергает сомнению Элистер Кершоу (в своей «Истории гильотины»): «Вызывает серьезные сомнения утверждение в том, что немцы также внесли свою лепту в создание механических приспособлений для обезглавливания, поскольку никакой достоверной информации о диле, такой, какую нам дают, например, о „галифакской машине“ Кэмден и Холинзхед (см. «Галифакская машина»), не существует».

Док смерти

Для английских пиратов и совершивших преступление моряков закон уготовил, в полном соответствии с их ремеслом, водяной конец их жизненного пути. Док смерти располагался на берегу Темзы у Ист-Уэппинга, и стало традицией подвешивать пиратов на цепях и топить их именно здесь. Впрочем, иногда из милости их сначала казнили на виселице. Историк Джон Стоу пишет в своей книге «Обзор лондонской жизни» («Survey of London», 1603) о том, что «этот док стал традиционным местом казни пиратов и морских бродяг. Их подвешивали на цепях, спускали вниз во время отлива и оставляли там на время трех приливов, накрывавших их с головой». Эту казнь впервые применили в правление Генриха VI, когда двоих барочников^[31] обвинили в «убийстве трех мужчин и ребенка на борту фламандского судна». «Они висели на цепях, и вода омыла их приливами, а отливы унесли их жизни».

В трагикомедии елизаветинских времен «Приключения на суше и на море» (Fortune by Land and See, Heywood and Rowley) есть одна сцена, действие которой разворачивается в «доке смерти», где два пирата Персер и Клинтон готовятся умереть под волнами и оплакивают свою судьбу:

«Ну а теперь садится солнце и ночь грядет,
А по водным просторам, где недавно мы царили,
Ветер несет корабли торговых людей
В открытом море, как в устье реки,
Как в гавани, им там теперь не страшно и привольно.
А красавица Темза, королева прежних вод,
Любимая всеми моряками мира,
Омоет и обласкает наши мертвые тела,
А ее чистые волны смоят с нас позор,
Но оставят нам нашу славу».

В 1844 г. Чарлз Найт писал в своей книге «Лондон»: «Еще живы те, кто помнит, как напротив Блэкуолла болтались на цепях, сотрясаемых порывами ветра, тела пиратов-висельников».

Самым знаменитым клиентом Дока смерти был знаменитый шотландский капер капитан Вильям Кидд. В 1696 г. консорциум

лондонских купцов снарядил для Кидда тридцатипушечный корабль, чтобы тот уничтожил пиратов, рыскавших в Индийском океане, однако через два года поползли слухи о том, что Кидд занялся пиратством сам. Его арестовали, когда он сошел на берег в Бостонской гавани. Его судили в Лондоне, признали виновным и повесили в Доке смерти. «Ньюгейтский календарь» писал по этому поводу:

«Его казнили вместе с его товарищем (Дарби Маллинзом) в Доке смерти 23-го дня месяца мая 1701 г. Когда его повесили в первый раз, веревка оборвалась. Немедленно его повесили вторично».

Подвиги, приписываемые капитану Кидду, – сплошная выдумка; возможно даже, что он был, как утверждал на суде, совершенно невиновен.

Драконт^[32]

Законодательство Драконта – первая в истории Древней Греции попытка привести в систему существовавшие законы; родилось во время «тридцать девятой олимпиады»^[33]. Существует мнение, что приверженность Драконта суровым мерам пресечения объясняется отчасти политической ситуацией, имевшей место в Афинах в те годы. Кроме того, обнаруживается некоторое противоречие между первоначально записанными «драконовскими законами» и строгостью, с какой они применялись. Любая кража, например, каралась смертной казнью, как, впрочем, и некоторые совершенно безобидные правонарушения вроде бродяжничества или безделья. Драконтовский свод законов был полностью пересмотрен в 594–593 гг. до н. э. его преемником архонтом Солоном, и мы не можем быть уверены в том, что до нас дошел их первоначальный текст, кроме одного из них, всегда глубоко чтимого греками «закона о человекоубийстве», который оставался в силе до IV века н. э.

Дыба

В классические времена дыба имела очень широкое распространение. В Римской империи дыба, которую римляне называли *eguleus*, служила сначала инструментом наказания рабов и преступников, а с возникновением христианства ее использовали для истязаний первых христиан. (Позже сами христиане стали пользоваться ею против других христиан.)

В 305 г. н. э. молодую мать, ликонийку^[34], по имени Джульетта, привели к Александру, правителю города Тарс^[35], и обвинили в принадлежности к секте христиан, в чем та гордо и призналась. За ее прямоу ее подвергли пытке на дыбе. Пока Джульетта переносила страдания, ее ребенок по имени Цирик лепетал:

– Я христианин, я христианин.

Услышав это, Александр взял ребенка за ногу и размозжил его голову о каменный пол. А тем временем Джульетте на ноги начали лить горячую смолу и уродовать тело железными крюками; в конце концов, ее обезглавили, и по прошествии времени она стала называться святой Джульеттой.

В середине века дыба получила широкое распространение по всей Европе и стала самым излюбленным инструментом пытки для инквизиторов. Во Франции это приспособление было известно под названием «станок пыток» (*Banc de Torture*) и использовалось до конца XVII столетия.

Герцогская дочь

По преданию, в Англию дыба попала в 1447 г. стараниями Джона Холланда, четвертого герцога Эксетерского, когда он был коннетаблем лондонского Тауэра. Именно в этой связи она получила название «Дочь герцога Эксетерского», а о ее клиентах говорили, что они «женятся на дочери герцога Эксетерского».

Английская дыба описывается как «большая, сделанная из дуба рама, установленная горизонтально на высоте 3 футов над полом. Узник ложился спиной на пол в центре рамы, его запястья и лодыжки привязывались веревками к длинным цилиндрическим воротам, установленным по краям рамы, которые при вращении рычага растягивали тело жертвы и поднимали

его над полом на один уровень с рамой. Затем узнику задавались вопросы, и если ответы мучителей не удовлетворяли, ворота вращали до тех пор, пока не выскакивали суставы и не начинали рваться сухожилия» («Пенни Мэгэзин», 1832).

За то время, пока в лондонском Тауэре стояла дыба, ее «клиентами» стали многие знаменитые люди. Наиболее известным из них был Гай Фокс. Фокс был новообращенным католиком, который составил заговор, известный как «пороховой заговор», и предпринял неудачную попытку взорвать короля Якова I и обе палаты парламента. Заговорщиков арестовали в подвале здания Парламента 4 ноября 1605 года. Фокса подвергли таким жестоким пыткам, добиваясь от него признания, что когда он, в конце концов, согласился подписаться под своими показаниями, то рука смогла только вывести имя Gvido (Гвидо). Кончил он жизнь на эшафоте.

Нюрнбергская дыба

Немецкие палачи увлекались дыбой в особенности и сумели внести в ее конструкцию некоторые «дельные» усовершенствования. Дыба, использовавшаяся в городе Нюрнберге, имела несколько сложных приспособлений, отсутствующих в более ранних, простых ее вариантах.

Она сделана из дерева. Длина ее чуть больше 10 футов. С одной стороны находится мощная лебедка. Жертву раздевают догола и кладут лицом вниз на станину. Руки привязывают к перекладине с одной стороны, с другой же привязывают к лебедке ноги. Палачи и его подручный становятся перед рычагами, и пытка начинается. Некоторое время единственный звук нарушает зловещую тишину – скрип вращающейся лебедки. Однако как только жертва начинает чувствовать первый эффект воздействия на свои суставы, из нее вырывается стон. Еще один поворот лебедки. Еще один стон, а затем – ничем не сдерживаемый крик, когда сухожилия начинают рваться от напряжения. Лебедка вращается теперь очень медленно; палачи знают: их малейшее движение доставляет жертве невыносимые страдания. Поодаль стоит чиновник, по сигналу которого палачи тут же останавливают пытку. Несколько вопросов человеку на дыбе. Отказ на них отвечать – и процедура возобновляется. Скрежет лебедки, истошные крики жертвы, суставы которой выскакивают из своих мест...

Заяц с шипами

В самом центре нюрнбергской дыбы было еще добавочное устройство – ролик, усеянный шипами. Это устройство называлось «заяц с шипами» и использовалось в том случае, если лебедка не давала желаемого результата. «Зайца с шипами» прокатывали по телу жертвы, и каждый шип впивался в нее на глубину до одного дюйма, а когда палач замышлял умертвить жертву, «зайца» помещали под ее живот и крутили лебедку.

Австрийская лестница

Лестница была устроена по тому же принципу, что и дыба, однако могла причинять узнику еще большие страдания. Ее устанавливали к стене под углом в 45 градусов. Жертву клали на нее спиной, а связанные сзади руки привязывали к одной из перекладин. Внизу лестницы находилась такая же, как и у обычной дыбы, лебедка, к которой привязывали ноги жертвы. Когда палач вращал рычаг лебедки, та тянула руки вверх до тех пор, пока они не оказывались вывихнутыми. В действительности же «лестница» была немецким, а не австрийским изобретением.

Дыба и шнур

Хотя дыба сама по себе была достаточно суровым испытанием, видя узника в таком беспомощном положении, палачи не могли справиться с искушением придумать еще какую-нибудь добавочную пакость. Часто это была «пытка водой» сродни «деревянному коню». Кроме того, иногда использовали шнур, которым связывали конечности жертвы, закрепляли концы по краям рамы и вращением палки натягивали шнур до такой степени, что он глубоко впивался в плоть жертвы, доставляя ей дополнительные страдания.

Пытка на дыбе с применением шнура

Этой пытке, практиковавшейся на вертикальной дыбе необычной конструкции, подвергся Вильям Литгоу, арестованный в 1620 г. в Малаге за шпионаж, попавший затем в застенки испанской инквизиции, но чудом уцелевший.

Палач раздел меня донага, взвел наверх, где затем повесил за запястье при помощи двух тонких веревок, крепившихся на двух железных

кольцах, которые были вделаны в стенку над моей головой. Сделав это, он спустился вниз, зажал мои ноги между двумя закрепленными досками, привязал к лодыжкам веревки и, поднявшись снова наверх, сильно натянул эти веревки так, что ноги мои, зажатые между досками, выгнулись на излом. Мои бедренные сухожилия лопнули, а коленные чашечки раздробились. Затем он закрепил концы веревок, и в таком положении я провисел не менее часа.

... Но самое страшное было еще впереди. Что представляет собой пресловутая поттаро, или дыба? Она стояла у стены и представляла собой деревянную раму, к которой крепились три вертикальные доски, в средней из них имелось отверстие для головы жертвы. По длине доски были выше роста человека, а скреплены так, чтобы между ними уместилось человеческое тело. В боковых досках имелись отверстия, назначение которых прояснилось, когда палач взялся за дело.

Сначала он перевязал веревкой мою ногу, затем бедро и наконец руку. То же он сделал с другой стороны. Затем он пропустил концы в отверстия в боковых досках и закрепил их на шпингалетах, вращающихся при помощи рычага. Затем каждая из этих частей моего тела получила свою долю мучений по отдельности, когда палач поворачивал рычаг. Делал он это три раза для каждой из них, и в конечном счете на каждую пришлось по 21 повороту рычага...

Они истязали меня 6 часов, с четырех часов пополудни до 10 часов вечера, пока не переломали мои кости и пока я не истек кровью. Все это время, к ужасу моему, я пребывал в сознании, орал, кричал, выл, плакал, стонал и скрежетал зубами, пока они, наконец, не ослабили веревки и не высвободили мое тело.

Железная дева из Нюрнберга

Пожалуй, самым печально знаменитым инструментом казни, попавшим в народный фольклор, является железная дева из Нюрнберга. В стране, где она родилась, ее называли Eiserne Jungfrau. Однако и испанский город Толедо претендует на первенство в изобретении железной девы, где она носила то же название. Железную деву использовали для наказания за целый ряд уголовных и религиозных преступлений.

Человека, который прошел через камеру пыток и не отрекся от ереси, вели вниз по извилистому коридору и вталкивали в этот подвал. Первое, что он видел при тусклом свете лампы, была железная дева. Ему приказывали подойти к фигуре, палач дергал за рычаг, и дева раскрывала свои руки. Жертву понуждали стать к ней вплотную, палач нажимал другой рычаг, и дева медленно, но неотвратимо охватывала узника своими руками, утыканными острыми шипами, и вбирала в себя.

Палач не давал себе труда удостовериться в смерти жертвы, раскрыв объятия железной девы. Для тайного и быстрого избавления от тела требовалось только нажать еще один рычаг, чтобы пол внутри девы скользнул в сторону, та выпустила его из своих смертельных объятий, и тело падало в выдолбленную в скале шахту, на дне которой блестела вода. Поток, протекавший под шахтой, подхватывал тело жертвы и нес его в Пегниц, Пегниц – в Рейн, а Рейн – в океан, туда, где покоился прах Яна Гуса^[36] («История протестантизма», преподобный доктор Уайли)^[37].

Железная дева из Толедо

Когда французские войска вошли в Толедо во время войны в Испании (1808–1814), генерал Ласалль посетил дворец инквизиции. Многие инструменты пыток поразили воображение даже выдавших смерть французских солдат. Один из этих инструментов, единственный в своем роде по изощренности смерти, которую он нес своим жертвам, заслуживает отдельного разговора. В подземном зале, примыкавшем к камере пыток, в нише в стене стояла статуя, сделанная руками монахов и изображавшая деву Марию. На голове у нее был позолоченный нимб, а в правой руке – знамя. С плеч ее ниспадали складки шелкового одеяния, однако под ними была видна кираса. При ближайшем рассмотрении можно было обнаружить, что вся передняя часть фигуры была утыкана шипами остриями наружу. Ее руки имели шарниры, и их движение обеспечивалось механизмом, расположенным за перегородкой, в теле железной девы. Одному из слуг инквизиции было приказано показать статую в действии (en tapoeuvre, как выразился генерал). Дева медленно раскрыла объятия, будто бы собиралась нежно прижать кого-нибудь к груди. Вместо человека ей подсунули до отказа набитый ранец польского гренадера. Статуя прижала его к груди, и когда по приказу генерала слуга инквизиции разомкнул ее руки, все увидели, что шипы прокололи ранец на глубину двух-трех дюймов, и тот так и остался висеть на груди железной девы из Толедо («Анекдоты Перси», Рьубен и Шольто Перси, Лондон, 1820–1823) [\[38\]](#).

Животные. Суд и казнь

Необычная практика предания суду животных, часто облаченных в человеческие одежды, всегда имела место по всему миру, и это явление даже подвергалось серьезному научному исследованию^[39].

Идея наказания животных уходит корнями в глубокую древность и родилась, по всей видимости, в силу необходимости наказания того или иного животного за «преступление», повлекшее за собой смерть или материальный ущерб.

В Ветхом Завете в 21-й главе Исхода (стих 28–29) говорится:

«Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не есть; а хозяин вола не виноват. Но если вол бодлив был и вчера, и третьего дня, и хозяин его был извещен о сем, не стерев его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, и хозяина его предать смерти».

Побивание камнями – обычная форма предания смерти у древних иудеев – плюс то обстоятельство, что мясо такого животного нельзя было употреблять в пищу, говорят о том, что древние иудеи придавали большой смысл казни животного, одержимого злыми силами.

Подобная практика позже приняла забавные формы. В 1685 г., например, в городе Ансбахе, был захвачен волк, терроризировавший округу и нападавший на людей. Его убили и повесили для публичного обозрения на местной виселице, причем облаченного в человеческие одежды, в маске и напудренном парике.

В средние века животные, обвиненные в совершении преступления, не только представляли перед судом в человеческой одежде, но могли даже рассчитывать на услуги общественного защитника. Если животное «проигрывало дело», пощады ждать ему не приходилось, и в качестве наказания его подвергали жестоким избиениям или предавали смерти.

В тех случаях, когда в деле были замешаны и человек, и животное (как в случае с быком и его владельцем), наказанию подвергались оба.

Обычным типом преступления было скотоложество, сексуальное сожителство с животными. В средние века скотоложество и содомия (гомосексуализм) рассматривались как ересь и наказывались как преступления перед Богом. В ветхозаветные времена и животное, и человека, скорее всего, побивали камнями, однако позже наказанием за сексуальные извращения стало сожжение на костре, которое, по крайней

мере в Германии, сохранилось до XIX столетия; еще позже такие преступления стали наказываться обезглавливанием.

Любопытный инцидент произошел в районе Чипсайд, в городе Лондоне во времена католико-протестантской розни. Однажды поутру там обнаружили повешенного кота, который был облачен в одежду католического священника и сжимал в лапах печать прихода.

Если кому-то покажется, что внушительное зрелище торжества закона над животным, преступившим его, принадлежит средневековой истории, тот ошибается. Совсем недавно автор этой книги получил вырезку из английской газеты, датированной 25 апреля 1992 г., в которой говорится:

«В Дели (Индия) слон, затоптавший насмерть напавшего на него пьяницу, был арестован и в цепях препровожден в суд».

Зажаривание

Этот вид казни практиковался в раннем средневековье и отличался от сваривания в кипящей жидкости только тем, что в этом случае использовалась большая сковорода с маслом или смолой и жертву не варили, а поджаривали. Для поджаривания использовался также гридирон – решетка для пытки огнем.

Инквизиция

Папская инквизиция

Несмотря на жертвы, понесенные христианской церковью от рук язычников-римлян, она сама последовала примеру своих гонителей, когда стала официальной церковью империи и сама превратилась в гонителя инакомыслящих. Нет, это была не месть, а политика, совмещающая в себе проповедь евангелизма и борьбу за выживание церкви. С расширением влияния Римской церкви появилась жизненная необходимость сохранения и упрочнения status quo церковной иерархии. Церковь добилась этого, во-первых, обращением в христианство (зачастую прибегая для этого к принуждению) и, во-вторых, уничтожением своих врагов-еретиков. В 430 г. н. э. инакомыслящие уничтожались в буквальном смысле этого слова, поскольку, согласно гражданскому кодексу законов, ересь наказывалась смертной казнью.

Церковный сбор 1049 года в Реймсе рекомендовал наказывать ересь отлучением от церкви. Собор 1119 г. в Тулузе в общих чертах подтвердил эту рекомендацию; то же сделал Собор 1139 г., имевший место в церкви святого Иоанна Латеранского в Риме. Папская инквизиция, как таковая, была учреждена в 1199 г. буллой Иннокентия III, которая лишила епископов власти расследовать ересь на местах и забрала все полномочия в решении вопроса борьбы с нею назад в Ватикан. Таким образом борьба с ересью начала вестись централизованным порядком. Через 5 лет началась первая чистка Римско-католической церкви, направленная против секты альбигойцев, действовавших в южной Франции и северной Италии. Они были в некотором роде манихейцами, то есть последователями Мани, персидского проповедника III века н. э., учившего, что Вселенная управляется двумя противоборствующими силами, с одной стороны светом и добротой (т. е. Богом), а с другой стороны – тьмой и злом. Мани считал, что Христос был послан на землю Богом, чтобы уничтожить тьму и распространить свет, однако апостолы извратили Его учение; теперь он, Мани, пришел, чтобы восстановить учение Христа. В XIII веке инквизиция начала преследовать альбигойцев, а к началу XIV века все они были уничтожены.

Первая святая палата инквизиции была учреждена в 1233 г. в Тулузе, а вскоре после этого еще одна – в Арагоне. Это было началом. В

последующие века инквизиция расползется по всей Европе и достанет даже Нидерланды. Преследования инакомыслия будут продолжаться пять веков, в течение которых извратятся принципы инквизиции и развалятся сами инквизиторы. Инквизиция воздвигнет царство террора, где даже католики не будут чувствовать себя в безопасности от злоупотреблений инквизиторов, которые будут иметь власть и, руководствуясь собственными корыстными интересами или вообще ничем не руководствуясь, фабриковать обвинения, чтобы затащить одних неугодных в камеру пыток, других, угодных (в случаях со многими женщинами), в инквизиторскую постель.

Инквизиция расширила сферы поиска еретиков, и в 1320 г. к ним были причислены колдуны и ведьмы. В результате этого в то же время в Европе разразилась несанкционированная церковью ведьмомания, достигшая своего наивысшего пика в Испании (см. «Испанская инквизиция»). В 1484 г. папа Иннокентий VIII в булле *Summis Desiderantis* («С величайшим рвением») призвал усилить борьбу с колдовством:

«Не так давно от нашего внимания не ускользнуло, что в Верхней Германии, к нашему глубокому сожалению, в епархиях Майнца, Кельна, Трира, Зальцбурга и Бремена, в провинциях, городах и деревнях некоторые люди обоего пола, забыв о собственном спасении и идя противу католической веры, отдались дьяволу в облиции *incubus*^[40] и *succubus*^[41]. Своими заклинаниями, колдовством и постыдными действиями они разрушают плод во чреве женщин, домашних животных и других божьих тварей; они наводят пагубу на хлеба, сады, виноградники, луга, пастбища и огороды; они несут боль и страдания, муки и болезни мужчинам, женщинам и животным; они лишают мужчин мужской силы, а женщин – способности рожать; они кощунственно отрицают веру, которую получили Святым Крещением; они не остановятся перед свершением других грязных преступлений, подвергая опасности свою душу, осмеивая Бога, и сея раздоры по наущению дьявола».

Эти слова следует рассматривать как активную поддержку Иннокентием VIII своих инквизиторов-доминиканцев Якова Шпренгера и Генриха Инститориса, авторов печально знаменитого руководства по охоте на ведьм «Молот ведьм», которое увидело впервые свет в том же году^[42].

Не позднее как в 1252 г. использование пытки для получения сведений или признания вины было санкционировано буллой Иннокентия IV, и хотя к пытке предписывалось прибегать только в крайних случаях, как правило, это предписание беззастенчиво игнорировалось. Если узник наговаривал на

себя во время пытки, его переводили из камеры пыток, заручившись его согласием повторить то же «свободно».

Он (или она) обязаны были назвать имена своих сообщников, реальных или вымышленных, таким образом обеспечивая постоянный приток новых жертв в суды инквизиции. Само признание обвиняемого в ереси отдавало его имущество в руки церкви, и тем не менее затем его, как правило, приговаривали к сожжению на костре. Нужно подчеркнуть, что инквизиция никогда не брала на себя неприглядную обязанность вынесения смертного приговора и приведения его в исполнение. Она перепоручала это светским властям, которые не осмеливались ослушаться из боязни быть обвиненными в симпатиях к еретикам.

«Молот ведьм» (Malleus Maleficarum, Hexenhammer)

«Молот ведьм» был по сути учебником для охотников за ведьмами, который рассказывал потенциальным инквизиторам о природе колдовства, о разных его видах и о правилах поиска, пытки и наказания колдунов и ведьм. Этот трактат был написан двумя монахами-доминиканцами – Яковом Шпренгером, деканом Кельнского университета, и настоятелем (приором) Генрихом Инститорином. Аргументы, приводимые авторами книги, крайне нелогичны и по большому счету – несостоятельны, однако «Молот ведьм» получил в Европе большое хождение и десятки раз переиздавался в период с 1487 по 1669 гг. на многих европейских языках. Во времена наибольшего разгула инквизиции «Молот ведьм» стал настольной книгой каждого судьи или священника, являясь одновременно теологическим обоснованием их действий и практическим руководством на стадиях предъявления обвинения, судебного разбирательства, вынесения приговора и приведения его в исполнение. Однако, как ни странно, авторы не очень благоволили применению крайних мер, то есть пыток:

«...когда инструменты пытки приготовлены, судья или лично, или через других добрых людей, преданных вере, должен попытаться убедить узника поведать правду добровольно; но если он не признается, судья приказывает подготовить узника к пытке. Затем по просьбе кого-нибудь из присутствующих его следует развязать и попытаться убедить его сознаться еще раз, пообещав, что в этом случае он избежит смерти».

Более поздние демонологи привнесли свой вклад в теорию и практику охоты на ведьм. Николас Реми родился в 1530 г. в Лотарингии (Франция) и, будучи ребенком, видел многие процессы над ведьмами. Реми изучил право

в университете Тулузы и по прошествии времени вырос до генерального прокурора Лотарингии. Он был ревностным охотником за ведьмами, а его классическая работа «Демонопоклонничество» (*Demonolatriae*, 1595) стала соперничать по популярности с самим «Молотом ведьм». В своей книге Реми говорит о том, что в течение 10 лет приговорил к смерти не менее 900 ведьм и колдунов. Жан Боден, колоритный современник Реми, юрист, философ и демонолог, воплотил свой богатый опыт судьи, не раз судившего ведьм, в книге «Колдовская демономания» (*Daemonomanie des Sorciers*), которую он написал в помощь своим коллегам-судьям, трудившимся на ниве искоренения всех форм колдовства. Боден и сам был большим любителем пыток и славился своей жестокостью особенно по отношению к детям и калекам. Никакое страдание, считал он, не может служить достаточным наказанием для ведьм, и не раз сетовал на то, что смерть на костре – слишком мягкий приговор, потому что мучения жертвы длятся не более получаса. Боден пошел еще дальше. Он выразил как-то мнение о том, что судья, не приговоривший подсудимого к смерти на костре, должен быть отправлен туда сам. Генрих фон Шульцхайс, печально знаменитый охотник за ведьмами из рейнской области в Германии, был автором «Подробных наставлений, как преуспеть на поприще борьбы с ужасным пороком колдовства» (*Detailed Instructions how to Proceed in the Inquisition against the Horrible Vice of Witchcraft*, 1634). Книга эта, по отзывам современников, была самой страшной и мрачной из всех вышедших в свет во времена разгула ведьмомании.

По большому счету Англия избежала наиболее отвратительных эксцессов ведьмомании континентальной Европы, хотя и здесь было немало профессиональных охотников за ведьмами. Мэттью Хопкинс, самозванный главный инквизитор Англии, был из них самым известным и, в промежутках между вынесением смертных приговоров невинным людям, сумел написать собственное руководство по искоренению колдовства «Как распознавать ведьм» (*Discovery of Witches*). (См. «Процессы над ведьмами».)

Хронология

1184. Папа Луций III учреждает епископальную инквизицию, дающую епископам право обнаруживать отклонения от официальной церковной доктрины и передавать в руки светских властей тех, кто не может доказать свою невиновность.

1199. Папской буллой от 25 марта Иннокентий III отбирает у епископов право искоренения ереси на местах, и инквизиция начинает действовать из Ватикана централизованно. Тем самым святой престол заявляет о своем исконном праве на конфискованное имущество еретиков.

1204. Инквизиция начинает преследование альбигойцев и катаров.

1215. Декрет об отлучении от церкви (Excomuni-nicamus) подтверждает право Иннокентия III на имущество еретиков и обязывает светские власти, «упрочившись в вере», бороться с ересью.

1233. Папа Григорий IX возлагает ответственность за искоренение ереси на орден доминиканцев (в меньшей мере на орден францисканцев) под прямым руководством римской курии, однако дает им власть над местными монастырями, где ведутся дела по обвинению в ереси. Доминиканский монах по имени Альберик начинает действовать в Ломбардии под титулом Инквизитора для впавших в ересь (Inquisitor haereticae pravitatis).

1252. Папская булла Иннокентия IV «Об искоренении» (Ad extirpanda) санкционирует применение пыток.

1254. Папа Иннокентий IV дает свидетельствующим против обвиняемых в ереси право анонимности.

1257. Папа Александр IV официально признает колдовство ересью.

1320. Санкционированная папой Иоанном XXII охота на ведьм в Каркассоне.

1326. Широкомасштабная охота на ведьм в Тулузе.

1326 Широкомасштабная охота на ведьм в Нарбоне.

1451. Папа Николай V санкционирует уничтожение инквизицией еретиков и колдунов в районе г. Арраса (Северная Франция).

1478. Утверждается испанская инквизиция.

1484. Папская булла Иннокентия VIII Summis De-siderantis Affectibus («С величайшим рвением») наделяет инквизицию всеми правами для подавления колдовства.

1487. Первое издание книги Шпренгера и Инститориса «Молот ведьм».

1501. Папа Александр VI назначает Анжело из Вероны главным инквизитором Ломбардии.

1503. Папа Юлий II издает буллу, в которой наделяет Джорджио де Казале, инквизитора Кремоны, особыми полномочиями в Ломбардии.

1523. 20 июля Папа Адриан VI издает буллу, в которой повелевает инквизитору в г. Комо Модесту Винсентину уничтожить всех еретиков Ломбардии и наделяет его полномочиями действовать, не согласуясь с

местными епископами.

1542. Учреждена священная конгрегация римской и вселенской инквизиции, как последняя инстанция, куда мог апеллировать обвиненный в ереси. Известна в литературе как «священное судилище» или «священная канцелярия».

1585. В своей булле *Coeli et terrae creator* («Создатель земли и пустоты») папа Сикст V официально осудил все формы колдовства – ворожбу, астрологию, заклинания, вызывания духов и прочее.

1808. Упразднение испанской инквизиции Наполеоном I.

1814. Восстановление испанской инквизиции Фердинандом VII.

1816. Инквизиция санкционирует применение пыток, официально запрещенных папой Пием VII.

1834. Полное упразднение испанской инквизиции.

1908. Священная конгрегация, учрежденная в 1542 г., переименована в Священную конгрегацию священного судилища (канцелярии).

1965. Священная конгрегация, учрежденная в 1908 г., переименована в Конгрегацию Вероучения, занимающуюся исключительно вопросами внутрицерковной дисциплины.

Испанская инквизиция

Совершенно независимо от папской или римской инквизиции испанская инквизиция была учреждена при Фердинанде и Изабелле в 1478 г. как чисто национальное «лекарство» против кажущегося бесконтрольного распространения колдовства; в некоторых университетах, например, преподавался курс астрологии и черной магии. Инквизиция спешно дожила до 1808 г., когда Наполеон посадил на испанский трон своего брата Жозефа Бонапарта, который сумел приостановить террор. После отречения Бонапарта в 1814 г. инквизиция была восстановлена и просуществовала еще 20 лет, до 1834 г.

Руководимая великим инквизитом Томасом Торквемадой, инквизиция поставила своей первоочередной задачей полное уничтожение любыми средствами еретических верований и обычаев, в особенности иудеев и мавров. Однако, сообразуясь с буллой папы Сикста V от 1585 г., испанская инквизиция проявила завидную гибкость и включила в свою программу уничтожение всех форм колдовства, ворожбы и астрологии. Как организованный инструмент террора против инакомыслящих, инквизиция не имела себе равных по части кровавой жестокости в своих камерах

пытках. пытка стала неотъемлемой частью процесса расследования, и на свет появились изощренные методы истязания людей. Невозможно хотя бы приблизительно подсчитать количество жертв испанской инквизиции, но, по достоверным данным, в одной только Андалузии в 1481 году сгорели на кострах 3000 еретиков и 17 000 прошли сквозь камеры пыток.

Методы расследования, единожды установившись, больше почти не менялись.

Показаний о фактах ереси святая палата инквизиции добивалась посредством добровольных признаний, сделанных в надежде на более легкое наказание или по так называемому «эдикту веры», который обязывал добрых христиан доносить на всех, кого они считали еретиками, в противном случае им грозило отлучение от церкви, если не что-нибудь более худшее. Если у инквизиторов в руках оказывалась хотя бы маленькая зацепка (*prima facie*), подозреваемого официально арестовывали (обычно глубокой ночью) и бросали в одну из тайных тюрем (*carcelas secretas*) инквизиции, которая старалась сразу же конфисковать имущество еретика, поскольку по вынесении обвинительного приговора это имущество автоматически переходило к церкви. Время, которое подозреваемый мог провести в этих сырых, кишмя киш паразитами, казематах, ничем и никем не ограничивалось; могли пройти месяцы, прежде чем узник узнавал, в чем его, собственно, обвиняют, и под давлением угроз полностью сознавался даже в тех грехах, которых не совершал. С целью выявления обманщиков и новообращенных, спешно принявших христианскую веру в надежде спастись, узников заставляли прочесть молитвы *Ave Maria* или *Pater Noster*. Затем следовали бесчисленные допросы инквизиторов, длившиеся месяцами, а иногда даже годами, после чего материалы дела передавались в суд.

О почти карикатурном величии судебных разбирательств повествует Маршан:

«Зал был завешан черными полотнищами, закрывавшими окна, и заседание происходило в полутьме. Впереди, в самом центре под черным бархатным навесом, стояло распятие Спасителя, а внизу на алтаре – шесть толстых восковых свечей в подсвечниках. В стороне пристроилась кафедра, с которой секретарь суда заунывным распевным голосом перечислял преступления подсудимого».

Вот наиболее популярные виды казней:

Привязывали к деревьям, и они умирали от голода

Пронзали плоть когтями диких зверей

Душили дымом, выкуривая из пещер

Распарывали животы, вытаскивая наружу внутренности
Растягивали до тех пор, пока не ломались кости
Отрубали конечности и разбрасывали по дороге
Беременным женщинам вспарывали животы и выбрасывали на землю
плод

Убивали прямо в церкви во время проповеди
Связывали людей по двое и сжигали
Заставляли надевать наполненные кипящим маслом сапоги и держать
ноги над слабым огнем.

Обвиняемый имел право на защиту и ему предоставлялся адвокат (не по его собственному выбору, а по назначению суда), в обязанности которого не входило опровержение обвинений, выдвинутых против его «клиента». Главной задачей защитника было уговорить подсудимого сделать добровольное признание. Кроме того, в качестве лучшей линии защиты он предлагал назвать имена тех, кто, по мнению подсудимого, донес на него. Если вдруг всплывало имя человека, находившегося под следствием в тюрьмах инквизиции, это обстоятельство могло пойти на пользу обвиняемому. Однако в остальном исход разбирательства был заведомо предрешен. Подсудимый мог просить о смягчении наказания, ссылаясь или на старость, или на молодость, не позволившую ему правильно оценить серьезность его преступлений; он мог сослаться на то, что был пьян, болен или не в своем уме. Однако если подсудимый имел неосторожность апеллировать к судьям, ссылаясь на душевную болезнь, инквизитор настаивал на том, чтобы проверить это в камере пыток.

Затем следовало совещание (*consulta da fe* – консилиум веры), на котором присутствовали инквизитор, епископ и несколько экспертов в области права и теологии, выносившее приговор.

Что касается инструментов пыток, которым отдавали предпочтение агенты испанской инквизиции, они были по тем временам самыми обычными, использовавшимися в гражданских тюрьмах. (Следует упомянуть, что святая палата имела обыкновение пользоваться услугами светских палачей.) Самой распространенной формой пытки была сквассация, или подвешивание со шкива (см. «Сквассация»), а также пытка водой (см. «Деревянный конь I»); Однако к концу XVI – началу XVII вв. в арсенале палачей инквизиции имелись уже более изощренные инструменты, которые непрерывно совершенствовались. Ни возраст, ни пол не могли служить защитой от камеры пыток, и с одинаковым энтузиазмом агенты инквизиции пытали на дыбе как древних стариков, так и юных девушек.

Когда из узника буквально выдавливали признание, важно было, чтобы в течение 24 часов он повторил свои показания инквизитору «добровольно».

Финальной стадией процедуры расследования было вынесение приговора. Если преступление оказывалось серьезным, приведение приговора в исполнение откладывалось до следующего публичного аутодафе. Менее серьезные преступления карались сразу же после судебного разбирательства.

В грандиозные спектакли, организованные инквизицией, превращались аутодафе – празднества, которые привлекали множество людей за мили вокруг (не в последнюю очередь потому, что присутствие на аутодафе вознаграждалось сорокадневной индульгенцией).

Вечером, накануне празднеств, через город проходила процессия, направлявшаяся к центральной площади, где уже стоял алтарь с установленным на нем зеленым крестом, вечным символом инквизиции. Другой крест, обозначающий место предстоящей казни, стоял поодаль.

Рано утром, в день казни, всех осужденных собирали в особую тюрьму инквизиции и облачали в санбенито (sanbenitos). Этот ритуал пришел из более ранних времен деятельности инквизиции, и во времена Торквемады всех осужденных всегда одевали в черные санбенито.

Позднее черный цвет стал предназначаться для самой худшей категории преступников, для раскаивавшихся еретиков, повторно впавших в ересь. Спереди и сзади на этих одеяниях были нарисованы языки адского пламени и демоны, жители преисподней. Другие еретики, совершившие менее тяжкие преступления, облачались в желтые санбенито с красным или шафрановым крестом святого Андрея на груди и спине. На головы их водружалось пародийное подобие митры, на которой перечислялись все их преступные деяния.

Когда процессия покидала стены тюрьмы, впереди шел отряд алебардчиков, за ними несли крест приходской церкви, завернутый в торжественно-черный саван, за крестом шли еретики, затем еще один отряд алебардчиков. На длинных шестах несли изображения тех еретиков, кому посчастливилось сбежать или умереть перед аутодафе.

Далее шли представители светской власти, а за ними несли знамя инквизиции – зеленый крест на черном фоне с оливковой ветвью слева (символ милосердия) и обнаженным мечом справа (символ справедливости). Шествие замыкали сами инквизиторы.

По прибытии к месту казни читалась молитва, после которой зачитывали долгий список преступников с перечислением их преступных

деяний и окончательный приговор. Когда звучало имя того или иного узника, тот выходил вперед, становился перед одной из двух кафедр, установленных по обе стороны от алтаря, и выслушивал обвинение и приговор. После произнесения приговора он становился на колени, получал отпущение грехов, и с него снималось наказание – отлучение от церкви. Затем узников возвращали в тюрьму, где каждый из них получал свое наказание – тюремное заключение, порку и т. п. На площади оставались те еретики, которых приговорили к смертной казни. Их сажали верхом на ослов и в сопровождении своих исповедников те следовали к месту, где их должны были сжечь на костре.

Сожжение на костре предписывалось римско-католической церковью в соответствии с доктриной «*Ecclesia non povit sanguinem*» (Церковь не запятнана кровью).

В следующем отрывке приводится рассказ свидетеля, присутствовавшего на аутодафе, которое имело место в Мадриде в 1682 г.:

«Слуги инквизиции, перед которыми несли их знамя и шли трубачи и барабанщики, проследовали 30 мая кавалькадой ко дворцу на Большой площади, где объявили всенародно, что 30 июня состоится казнь еретиков. Такого праздничного зрелища не было в Мадриде уже несколько лет, поэтому нетерпение жителей города возросло по мере приближения долгожданного праздника. Когда, наконец, наступил назначенный день, к месту празднеств собралась огромная толпа людей, одетых в лучшие наряды, какие они могли себе позволить. На Большой площади уже был воздвигнут высокий эшафот; туда с семи часов утра до вечера свозили преступников обоего пола; все инквизиторы королевства прислали в Мадрид своих узников: двадцать человек мужчин и женщин, включая отступника магометанина, должны были сгореть на костре; пятьдесят иудеев и иудеек, никогда прежде не сидевших в тюрьме, были приговорены к длительному тюремному заключению и к ношению желтого колпака; десять других, обвиненных в двоеженстве, колдовстве и других преступлениях, были приговорены к порке и ссылке на галеры. На этих последних были высокие картонные колпаки с надписями, на шее – ошейники, а в руках – факелы. На событии присутствовал весь королевский двор. Кресло великого инквизитора стояло на возвышении, гораздо выше кресла короля. Гранды исполняли роль английских шерифов, сопровождая тех из узников, кому суждено было заживо сгореть, других же вели добровольные помощники инквизиции».

На месте казни уже стояли столбы по числу преступников, приговоренных к смерти. Рядом лежали кучи сушеного дрока.

Столбы протестантов, или «обращенных», как их называли инквизиторы, имели высоту около 4 ярдов, а в полуярде от верха была укреплена небольшая скамейка, на которую сажали приговоренного. «Обращенный взбирался по лестнице, у которой стояли два священника, сопровождавшие его весь день. Когда он добирался до скамейки, то поворачивался к народу, а священники в течение четверти часа уговаривали его отказаться от его убеждений и вернуться в лоно церкви. После того, как осужденный отказывался последовать их уговорам, по лестнице взбирался палач, сажал его на скамейку и привязывал к столбу цепями. Священники возобновляли свои уговоры и когда убеждались в их бесполезности, то, отходя, говорили осужденному, что оставляют его дьяволу, который стоит рядом с ним, готовый принять его душу и унести в пламя адского огня. Зрители, как один, начинали кричать:

– Подпалить собаке бороду!

На конце длинного шеста привязывались и зажигались ветки сухого дрока, после чего палач несколько раз опаливал огнем лицо еретика под всеобщие крики одобрения. Только тогда поджигались кучи сухого дрока, и осужденный сгорал в огне.

Отвага, с которой эти мужчины и женщины встретили смерть, удивляла. Все из них отдалось в руки судьбе с такой решимостью, что многие пораженные зрители сожалели, что такие смелые души заблудились в грехе.

Король сидел недалеко от места казни и слышал крики жертв, однако он не мог покинуть свое место, поскольку при коронации обязался своим присутствием санкционировать казнь еретиков на кострах инквизиции».

Испанское кресло

Этот инструмент пытки широко использовался палачами испанской инквизиции и представлял собой изготовленное из железа кресло, в которое узник садился и к которому его привязывали. Впереди внизу креслу были прикреплены металлические колодки, в которые накрепко зажимались ладыжки узника. Когда он оказывался в таком совершенно беспомощном положении, под ноги его ставили жаровню с раскаленными углями так, что ноги начинали медленно поджариваться, а для того, чтобы продлить страдания, ноги время от времени поливали маслом.

Испанский сапог

Этот инструмент широко использовался в Европе в течение XVI и XVII столетий и, подобно другим инструментам пытки, имел различные модификации. Классический испанский сапог представлял собой металлический (реже деревянный) сосуд, в который помещались по колено босые ноги жертвы. Когда жертву связывали, между стенками сосуда и ногами забивались при помощи молота металлические или деревянные клинья. С каждым ударом клин заходил глубже и глубже, сжимая мышцы жертвы и круша ее кости. С каждым ударом палач спрашивал узника, не хочет ли тот признать свою вину, и пытка прекращалась только тогда, когда узник сдавался. Последствия пытки были до того ужасны, что лишь немногие, ступившие в испанский сапог, не остались калеками.

Хотя обычно его называли испанским сапогом, этот инструмент был завезен в Англию из Франции и сразу же очень полюбился в Шотландии, где его называли «бутикинз» (bootikins). Пожалуй, самой знаменитой его жертвой стал доктор Джон Фиан, школьный учитель из Солтпэнза, и предполагаемый вождь ведьм из Норт-Бервика.

По словам обвинения, доктор Фиан был замешан в заговоре, имевшем целью с помощью колдовства лишить жизни короля Якова VI Шотландского (впоследствии Якова I Английского). Король лично интересовался ходом процесса, во время которого Фиана обвинили в том, что он вступил в сговор с Сатаной, намереваясь потопить корабль, на котором Яков отплывал в Норвегию, чтобы встретиться со своей будущей королевой. Достичь этого он якобы намеревался, бросив в море дохлого кота. Король Яков присутствовал также при пытке, имевшей целью вырвать у Фиана признание.

Один памфлет того времени описывает самый жестокий в мире инструмент, называемый «сапогом». Три раза побывав в испанском сапоге, Фиан признал свою вину, но когда он предстал перед королем, чтобы повторить свое признание и раскаяться, Фиан сделать это отказался, и «его препроводили в камеру пыток, где снова пытали в „испанском сапоге“ до тех пор, пока кости его не искрошились, а плоть его не стала сплошным синяком. Ноги его источали в больших количествах кровь и костный мозг и стали совсем непригодными для ходьбы». В конце концов, так и не признав свою вину, в конце января 1591 г. Фиан был сожжен на костре на Замковом холме в Эдинбурге. Яков VI, как оказалось, закрывал глаза на

политическую подоплеку процесса над ведьмами из Норт-Бервика и на собственную непопулярность среди своих высокородных подданных. Яков всегда был доверчивым юношей (во время суда ему было 24 года), и суд над Фианом произвел на него такое впечатление, что он стал считать колдовство «отвратительнейшим из грехов» и последующие пять лет сочинял свою знаменитую «Демонологию» (опубликована в Шотландии в 1597 г.), фанатичный трактат, требовавший преследований и уничтожения ведьм. После объединения в 1603 г. Яков стал королем Шотландии и Англии, переиздал свою «Демонологию» и убедил парламент принять закон «против колдовства, магии и сношений со злыми и нечистыми духами». Этот так называемый «Закон 1604 г.» требовал смертной казни для нераскаявшихся ведьм, а для тех, кто признал свою ошибку и покаялся, – наказание у позорного столба «в продолжении 6 часов, где он или она должны принародно признать свою ошибку и покаяться в грехе колдовства». Хотя в конце своего правления, в 1625 г., Яков стал скептически смотреть на вещи и «Закон 1604 г.» был забыт, его успешно оживили и использовали во времена кромвелевских преследований католиков.

Испытание водой

Испытание водой использовалось для определения вины или невинности предполагаемого преступника и впервые появилось в третьем тысячелетии до нашей эры, когда вавилонский царь Хаммурапи издал указ о том, что если кого-то обвинили в колдовстве, он должен прыгнуть в реку и если не утонет, то он – невиновен. В противном случае (если тот все-таки тонул) его считали виновным, и его имущество переходило к обвинителю. Однако с другой стороны, если обвинение не подтверждалось, обвинитель лишался не только имущества, но и жизни.

В XI веке Эдуард Исповедник, король Англии, учредил *Iudicium agnae* (суд водой), посредством которого определялась виновность или невинность всех преступников, однако в этом случае все происходило наоборот; тот, кто тонул, – считался невинным. Позже технику испытания водой усовершенствовали, начав привязывать большой палец руки к большому пальцу ноги и из опасения, что подозреваемого снесет течением или что невинный может оказаться на дне, под мышками пропускали веревку, концы которой держали с обоих берегов реки.

Хотя испытание водой было официально отменено в правление короля Генриха III, его использовали как средство определения виновности и невинности вплоть до конца XIX столетия.

Однако более всего людей «искупали» в XVII веке, когда этому методу определения вины нашел широкое применение главный охотник за ведьмами Англии Хопкинс. Следующий отрывок взят из памфлета, опубликованного в 1613 г. под названием «Поимка, допрос и казнь ведьм» (*Witches Apprehended, Examined and Executed*) и рассказывает он об испытании водой некой Мэри Саттон:

«...Понимая это, его друг посоветовал ему отвести ее к мельничной дамбе, закрыть шлюз, чтобы поднялась вода, связать ей руки (оставив ноги свободными) и бросить в воду. На случай, если она не ведьма и жизнь ее может подвергнуться опасности, он посоветовал обвязать ее веревкой и держать концы ее с обоих берегов. Если она не утонет, следует осмотреть ее и найти „метку дьявола“. Затем привязать большой палец левой руки к большому пальцу правой ноги, а большой палец правой руки – к большому пальцу левой ноги, и бросить ее в воду. Если она не утонет, можно считать ее ведьмой...

Они сделали все так, как посоветовал этот джентльмен. Когда ее

бросили в воду в первый раз, она сначала упала под воду на два фута, но тут же всплыла и держалась на воде как сухая доска. Ее вытащили из воды, женщины осмотрели ее тело и нашли на левом бедре нечто вроде соска. Она призналась, что ее кот любил сосать его. Затем ее связали так, как советовал этот джентльмен, и бросили в воду повторно. Она не пошла ко дну, а стала крутиться на поверхности как колесо. Несмотря на то, что люди мистера Энгера, державшие концы веревки, поднимали ее и окунали в воду, потопить ее не удалось».

Испытание водой на континенте распространения не имело, а во многих местах было запрещено. Вполне возможно, что дакинг-стул появился на свет благодаря этой практике.

Какинг-стул

Хотя в конце концов получилось так, что какинг-стул и дакинг-стул стали синонимами, вначале это были два различных наказания. Из них какинг-стул, по всем признакам, появился гораздо раньше.

Впервые о нем упоминается в Книге Страшного суда^[43], а позже его определяли как «позорный стул», на котором восседали сварливые женщины, подвергаясь осмеянию прохожих, в течение времени, назначенного управляющим именем. Какинг-стул представлял собой, как можно догадаться, просто стул, иногда на возвышении. Его можно было переносить с места на место, однако иногда на каком-нибудь возвышенном месте в городке или в деревне устанавливали постоянный какинг-стул, предназначенный для наказания не только злоязычных женщин. В своей книге «Наказания прошлых дней» (Bygon Punishments) Уильям Эндрюс писал, что в Шотландии хозяек пивных, продававших плохое пиво, частенько водружали на какинг-стул для всеобщего осмеяния. Позднее в Шотландии был введен в действие закон, предписывавший сажать на какинг-стул странствующих певчих женщин, а в правление Генриха VIII то же наказание полагалось чесальщицам шерсти и пряхам, которые выделяли негодную шерсть и таким образом обманывали своих клиентов. Связь какинг-стула с дакинг-стулом прослеживается в том, что если в Британии какинг-стул использовали в качестве инструмента наказания для хозяек пивных, недоливавших пиво, или хозяек булочных, недовешивавших хлеб, в Германии за подобные преступления нарушительниц подвергали купанию на «дакинг-стуле», которое здесь называли «хлебным крещением».

О том, что какинг-стул обходился для деревенской общины отнюдь не дешево, свидетельствует уцелевшая запись об изготовлении такового в городе Кингстоне-на-Темзе в 1572 г. Общая сумма затрат могла составить по тем временам хотя невесть какое, но все же состояние.

Клеймение

По меньшей мере с 4000 г. до н. э., когда вавилоняне издали закон, предписывавший выжигание клейма тем, кто клеветал на замужнюю женщину или жрицу, эта форма наказания применялась во всем мире и как таковое, и как способ меченья собственности (до сих пор скот метят клеймом).

Древние греки клеймили своих рабов, то же делали и римляне, которые кроме того метили клеймом на лбу рабов, пытавшихся сбежать от хозяев. В последующие времена клеймение распространилось по всей Европе и пришло в Англию еще до того, как англосаксы закрепили его применение в своем своде законов. В той или иной форме клеймение использовалось в Европе в качестве наказания до начала XIX столетия. Однако мало кто знает, что в Англии клеймом метили английских рабов. По указу короля Эдуарда VI, датированному 1547 годом, любой бродяга или нищий мог предстать перед мировым судьей и быть приговоренным к выжиганию клейма в виде латинской буквы V (Vagrant, Vagabond – бродяга) на груди; после этого несчастный становился на 2 года собственностью того, кто его поймал и доставил в суд. Временного раба можно было «держат на воде и хлебе, заставляя выполнять самую черную работу и при необходимости пороть или сажать на цепь». В том случае, если раб убегал и бывал схвачен, мировой судья приказывал выжечь букву S (Slave – раб) теперь уже на лбу или щеке несчастного и тот становился собственностью хозяина до конца своих дней. Повторный побег наказывался смертной казнью. Этот закон действовал до 1636 г.

В царствование короля Генриха VII был введен закон, предписывавший метить клеймом тех негодяев из мирян, которые могли воспользоваться пресловутым правом «неподсудности духовенства светскому суду» во второй раз. Клеймо в виде буквы M (Malefactor – злодей, преступник) выжигалось на мякоти большого пальца прямо в суде, и до сих пор в старом суде, находящемся в замке Ланкастер, можно видеть клеймо с буквой M и специальный зажим, куда преступник клал свою руку. В те времена судопроизводство не обходилось без злоупотреблений, и за скромную взятку служитель мог использовать при процедуре холодное клеймо. Некоторые преступления наказывались выжиганием клейма на лице, обычно на лбу или щеке немного ниже глаза. Кроме того, очень распространено было прожигание заостренным металлическим стержнем

уха или языка.

Далее приводится список обозначений, которые выжигались за те или иные преступления:

B – Blasphemer (богохульник)

F – Fraymaker (драчун) или Felon (преступник)

FA – False Accuser (предъявитель ложного обвинения)

M – Malefactor (злодей) или Murderer (убийца)

P – Perjuror (лжесвидетель)

R – Robber (грабитель) или Rogue (мошенник)

S – Slave (раб)

L–Libeller (клеветник)

T – Thief (вор)

V–Vagrant, Vagabond (бродяга)

Во Франции, где выжиганием клейма карались вовсе незначительные преступления, применялся один знак – королевская лилия (fleur-de-lys), хотя известен случай, когда графиню Де Ля Мотт, укравшую бриллиантовое ожерелье, сначала привязали к телеге и высекли кнутом (см. «Порка»), прогнав по улицам Парижа, и затем выжгли на плече букву V (предположительно – Voleuse, то есть – воровка).

Колесование

Существовало удивительно много вариантов использования колеса для пыток и казней, и самым обычным из них было «дробление костей». Узника привязывали в «орлиной позе» к большому колесу и начинали с помощью дубинки методично переламывать его кости. По другому варианту узника привязывали спиной по окружности небольшого колеса и катили по камням.

Печально знаменитые «колесо и кровать» – это уже изощренный метод пытки, родившийся в средние века. Жертву привязывали ремнями к конструкции, подобной лестнице с острыми ступеньками, и начинали катать по его телу тяжелое колесо.

«Дробление костей на колесе» было распространено во всей Европе и применялось до конца XVIII века.

Различные методы пытки с помощью колеса были хорошо известны древнему миру, а римляне с особым рвением использовали колесо во времена гонений на христиан. Исключительно в Римской империи применялся метод, когда два колеса соединяли с помощью досок так, что получался цилиндр; цилиндр вкатывали на гору, для тяжести наполняли камнями, привязывали к нему человека спиной и пускали по склону. Набирая скорость, тот несся вниз самым страшным образом, калеча жертву.

Другим «выдающимся» изобретением римлян был гибрид колеса и дыбы.

Колесо было установлено на оси, имело ручки, чтобы можно было вращать, а по окружности – острые шипы. Жертву привязывали к внешнему ободу колеса; к ногам его крепилась веревка, которую пропускали через кольцо, установленное в основании машины. Эту веревку тянуло несколько человек, в то время как другие двое крутили ручки колеса. В результате тело жертвы рвалось на куски шипами и, в то же время, растягивалось как на дыбе. В конце концов пленник бывал изуродованным до такой степени, что небольшое усилие со стороны тех, кто держал веревку, могло разорвать его надвое.

Наверное, самой известной жертвой колесования была святая Екатерина Александрийская. Согласно легенде, она родилась в знатной александрийской семье. Видение девы Марии с младенцем обратило ее в христианство, и Екатерина стала такой ревностной христианкой, что когда Максенций^[44] устроил гонения на христиан, восемнадцатилетняя девушка

потребовала прекратить их. Максенций, поняв, что не в состоянии защитить своих языческих богов от аргументов Екатерины, велел призвать 50 философов. Но те не смогли ничего добиться и только укрепили Екатерину в вере. Всех их Максенций сжег на костре. Более того, Екатерина сумела обратить в христианство жену Максенция, командующего его войсками и несколько сот солдат. Все были немедленно убиты, а Екатерину приговорили к смерти на колесе, утыканном шипами. Но как только ее привязали к колесу, чудесным образом путы расслабились, а колесо развалилось на части, при этом поранив нескольких зрителей. В конце концов Екатерину обезглавили и, по легенде, вместо крови из ее вен текло молоко. Екатерина стала одной из самых почитаемых святых в Европе, и именно ее голос слышала Жанна д'Арк.

Колкрафт, Вильям

За всю его долгую карьеру государственного палача (1829–1874) о Вильяме Колкрафте написано было немало, и, принимая во внимание специфику его профессии, многое из написанного было проникнуто презрением к делу его жизни и не могло польстить его самолюбию. Однако, по сведениям из одного источника, он «любил копаться в саду, обожал детей и мелких животных», и далее «в своем профессиональном качестве он предпочитал короткое падение тела, чтобы можно было вспрыгнуть на плечи жертвы и быстро удушить ее, тем самым избавив от лишних страданий». Несомненный акт милосердия, принимая во внимание тот факт, что зачастую повешенным приходилось долго болтаться в петле, прежде чем отойти в мир иной.

Эта попытка заглянуть в жизнь и ремесло этого незаурядного человека стала возможной благодаря некоторым публикациям того времени, однако следует сразу оговориться, что многие эпизоды рассказаны им самим и относиться к ним следует осторожно.

Как он стал палачом

Со временем Колкрафт овладел всеми тонкостями своей профессии, и в его карьере есть обстоятельства, окутанные тайной. Чего стоят одни только слухи о том, что, будучи обвиненным в уголовном преступлении, он согласился стать палачом в обмен на помилование. Эти слухи не имеют под собой никакого основания. Мы уверены, что недостатки характера, ему приписываемые, не были приобретены им самим, а были навязаны ему средой. Вспомним, как он попытался выучиться на сапожника и как потом ему пришлось избавляться от недобросовестных компаньонов, чтобы как-то улучшить свою жизнь. Это доказывает то, что ему всего-навсего хотелось жить в надежде на благоприятное стечение обстоятельств, которое позволит ему стать тем, кого обычно называют «блестящим человеком».

Рид и компания, производители пива с Ликерпонт-стрит, приняли его на работу в качестве личного охранника, и по сей день он бы был этим охранником или овладел какой-нибудь другой доходной профессией, не живи в нем неумный злой гений. Хорошо это или плохо, но вскоре его уволили. Мы потеряли охранника и приобрели палача («Стены с виселицы», Лондон, 1864).

Официальное назначение

Все время, пока шел процесс по делу Эстер Хибнер, обвиненной в убийстве и позже приговоренной к смерти, и пока слушание дела было отложено, власти искали подходящего человека, который должен был стать героем толпы и главным государственным палачом.

Бывший до того государственным палачом знаменитый Джон Фокстон скончался 14 февраля 1829 г.; на время его преемником стал печально знаменитый Джек Чешир, состоявший до смерти Фокстона его помощником. Однако и он был далеко не молод, но хуже всего то, что он слишком пристрастился к алкоголю, проводил время в самых грязных пивных, общаясь с чрезвычайно сомнительными людьми. Власти, вовсе не желая, чтобы повторилось то, что случилось в Бирмингеме, когда только со второго раза повесили главаря шайки воров с Филд-лэйн, посчитали разумным попытаться заполучить на должность главного палача человека более молодого и надежного. В определенных кругах было тихо оповещено о том, что Джон Фокстон скончался, что место главного палача пустует и что власти намерены провести конкурс на замещение этой должности. Нашлось бы много желающих, будь они уверены в том, что подходят для этой роли, однако поступило всего 2 заявления, одно от человека по имени Смит, другое от Колкрафта. О достоинствах и недостатках кандидатов лучше всего судить по заявлениям от каждого из них и по отчету о заседании, на котором состоялись выборы.

Совет олдерменов^[45]

Вот выдержка из того отчета: «Вчера на заседании совета олдерменов, который был созван с целью назначения нового палача на место ушедшего из жизни Дж. Фокстона, еще недавно продемонстрировавшего свое непревзойденное искусство...»

Обращая внимание на свои достоинства, Колкрафт писал:

«Хокстон, 28 марта 1829 г.

Достопочтенному совету олдерменов
города Лондона.

Джентльмены, будучи извещенным о том, что должность палача вакантна, смиренно прошу вас рассмотреть мою кандидатуру. Мне 29 лет, я здоров, силен и уже имею некоторый опыт по этой части. Я уже

познакомился с техникой казни, когда два месяца назад вызвался повесить в Линкольне двух преступников. Я сделал это, и двое приговоренных к смерти умерли быстро и без страданий. Шериф графства остался мною вполне доволен.

Ваш, джентльмены, покорный и смиренный слуга».

Заявление от Смита:

«Вестминстер, 27 марта 1829 г.

Джентльмены, прослышав о том, что вы собираетесь выбрать нового палача на место ушедшего из жизни Джона Фокстона, прошу смиренно предоставить эту должность мне. Несколько лет я прослужил в армии, но теперь вышел в отставку. Когда я состоял на службе, меня всегда выбирали, если требовалось привести в исполнение смертный приговор военно-полевого суда. За все время, пока я расстреливал приговоренных, я ни разу не промахнулся, все мои пули попадали прямо в лоб с 12 шагов. Я считаю себя вполне подготовленным, чтобы занять должность палача, поэтому надеюсь, что вы предоставите мне возможность проявить мои способности на эшафоте.

Ваш, джентльмены, покорный слуга».

Председательствовавший олдермен сказал, что хотя Смит вполне подходит для должности, однако у человека по имени Колкрафт уже есть некоторый опыт в качестве палача и он считает его самым подходящим кандидатом. Совет единогласно постановил назначить Вильяма Колкрафта общественным палачом города Лондона. Колкрафта позвали и сообщили о его назначении, а в следующую субботу, 4 апреля, должным образом он был приведен к присяге («Жизнь и воспоминания Колкрафта, палача»).

Особенности характера

На Девайзис-стрит есть пивная «Тигр», знаменитая тем, что в ней имел обыкновение отдыхать Колкрафт. Здесь он играл в кегли, встречался с друзьями и с любителями кроликов, среди которых считался непревзойденным авторитетом по части разведения отборных пород. На той же улице находится лавка, в которой Колкрафт обычно покупал овес для своих кроликов. Однажды всегда серьезный и сдержанный хозяин лавки не выдержал и, утратив обычную сдержанность, очень вежливо

спросил Колкрафта о том, как человек, которого тот повесил последним, встретил свой смертный час. Наш герой вылетел из лавки как ошпаренный, распродал своих породистых кроликов и никогда более не заходил в лавку, а любопытного лавочника обходил стороной («Стоны с виселицы»).

Дочь палача

... Молодой мастеровой, ухаживавший за одной из дочерей Колкрафта и ничего не знавший о ее семье, однажды был приглашен на ужин в дом одного из ее знакомых. В назначенный вечер веселая компания собралась для трапезы, оставалось лишь дожждаться прибытия вышеозначенного ухажера. Наконец тот пришел и когда вошел в комнату, его радостно приветствовала его возлюбленная, а ее друзья усадили вновь прибывшего на место для почетных гостей. Подали блюда. Все уже приготовились приняться за еду и вино, когда вдруг закрипели ступени лестницы, послышались тяжелые шаги и в дверном проеме из темноты коридора выплыла фигура плотного мужчины среднего роста, с резкими решительными чертами лица, слегка подпорченного оспой, со светлыми волосами и пронизательными зелено-голубыми глазами. Слуга объявил его имя, а молодая женщина, сидевшая рядом с мастеровым, воскликнула: «Отец». Лицо ее возлюбленного стало мертвенно-бледным, когда до его помутившегося сознания дошел весь ужасный смысл его любовного романа с дочерью палача. Неужели ему суждено сидеть с ним за одним столом, есть одну пищу, пить из одного стакана или, упаси Боже, пожать ему руку. Все это казалось ему каким-то ужасным кошмаром, он дрожал всеми своими членами, у него кружилась голова, но, наконец, собрав все свои силы, прежде чем упасть в обморок, он предпринял отчаянную попытку перепрыгнуть через стол, опрокинул его вместе со всеми стоявшими на нем яствами, и скатился по лестнице. Сила предрассудка оказалась непреодолимой, а появление палача на ужине потрясло молодого мастерового больше, чем явление страшнейшего из призраков («Стоны с виселицы»).

Денежное вознаграждение

Вознаграждение, которое он получал, демонстрируя свое искусство и отправляя «бессмертные души в вечность», составляло 21 шиллинг в неделю и поступало это вознаграждение от властей города Лондона и

графства Миддлсекс. Кроме того, ежеквартально он получал 5 фунтов стерлингов от властей графства Суррей за то, что выполнял обязанности палача в тюрьме Хорсмонджер Лейн. Он также присваивал все то, что находилось на осужденных, конечно, если только эти вещи в соответствии с последним желанием осужденного на смерть, не передавались его более удачливым друзьям. Его теперь с полным основанием можно было называть палачом Англии, поскольку где бы и когда бы ни происходила казнь, вызывали всегда именно его. Эта работа оплачивалась отдельно, и размер оплаты разнился в зависимости от расстояния от Лондона до места казни. Его мог опередить и сделать работу только один человек, его знаменитый соперник Натаниэль Говард, палач замка Йорк. Колкрафт и Говард выручили немало фунтов стерлингов, продавая одеяния казненных преступников владельцам салонов восковых фигур, и прежде всего знаменитой мадам Тюссо. Такой же выгодной оказалась торговля висельными веревками; тариф составлял от 5 шиллингов до 1 фунта стерлингов за дюйм, в зависимости от славы преступника и кошелька покупателя («Стены с виселицы»).

Смерть Колкрафта

Он умер тихо в своем доме на Пул-стрит в Хокстоне 13 декабря 1879 г., прожив в этом доме более 25 лет. В момент смерти ему шел 80-й год. Он всегда был прилежным прихожанином англиканской церкви, поэтому незадолго перед смертью к нему часто навещался священник хокстонской церкви. Он был похоронен на кладбище Эбни-Парк.

Колкрафт не совершил за всю свою жизнь ни одного противозаконного поступка и покинул этот мир, уважаемый своими коллегами и друзьями («Жизнь и воспоминания Колкрафта, палача»).

Колодки

Хотя они в принципе сродни позорному столбу, поскольку и то и другое применялось для выставления преступников на посмешище сограждан, вполне возможно, что колодки имеют более древнюю историю, чем позорный столб.

Как в Ветхом, так и в Новом Завете нет недостатка в упоминаниях этого вида наказания. В соответствии с 16-й главой Деяний, римляне схватили Павла и Силу «и, давши им много ударов, ввергли в темницу, приказавши темничному стражу крепко стеречь их; получив такое приказание, он ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду». Темничный мог бы предположить, что его колодки вряд ли смогут удержать таких знаменитых заключенных, потому что как только они оказались в колодках, Павел и Сила «молясь, воспевали Бога... и вдруг сделалось великое землетрясение, так, что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели».

В Англии в 662 г. колодки называли саксонским словом «сток» (stoc). Они представляли собой тогда две тяжелые колоды, между которыми зажимались лодыжки преступников. Колоды могли опускаться и подниматься между двумя вертикальными стойками. Прошло еще несколько столетий, прежде чем колодки превратились в состоящее из двух досок устройство с одним отверстием, куда зажималась нога преступника. И еще позже они превратились в знакомую всем конструкцию с отверстиями для запястий и лодыжек. По сообщению Берфорда, самую раннюю иллюстрацию с изображением колодок можно найти в псалтири XII века, хранящейся в библиотеке Тринити – колледжа в Кембридже.

Естественно, колодки имели самые разнообразные конструкции. Приведенные здесь иллюстрации из Германии, где колодки всегда были наказанием за сексуальные преступления, такие как супружеская измена, сводничество, а также за безделье и бродяжничество.

Хотя мы привыкли видеть колодки на деревенской лужайке или на городской базарной площади, они также имелись в средневековых тюрьмах, как и тогда, когда Павел и Сила так удивили римлян.

Многие авторы согласны с тем, что для пытки колодки использовались тогда, когда нужно было сделать заключение в камере более мучительным. В XV столетии во время преследований лоллардов, последователей Джона Виклифа^[46], Джордж Кинг, Джон Уэйд, Томас Лейс и Вильям Эндрюс

содержались в колодках в башне Лоллардов, где все они и умерли.

В последующие времена возникли разногласия по поводу точного местонахождения башни Лоллардов, потому что хотя и существовала тюрьма с таким названием рядом с башней Ламбет, она появилась здесь уже после смерти Кинга, Уэйда, Лейса и Эндрюса. В своей книге «Лондонские тюрьмы» Ричард Бирн выдвигает предположение о том, что башня Лоллардов находилась рядом со старым собором святого Павла, где, как известно, пытали еретиков. Собор сгорел во время Великого пожара в Лондоне, в XVII веке, примерно в те же годы, когда башня Ламбет стала тюрьмой. «Вполне возможно, – продолжает Бирн, – последующие поколения просто перепутали названия».

Колодки оставались в употреблении до середины XIX столетия, хотя в последний раз ими воспользовались в 1872 г.

Колодки для пальцев

Эти колодки предназначались для зажатия только пальцев правонарушителей и служили той же цели, что и колодки для ног или позорный столб. Их и сейчас можно обнаружить в некоторых церквях, где их использовали в прежние времена для наказания тех, кто пропускал церковные службы или засыпал во время проповеди. Их использовали в школах для наказания нерадивых и непослушных учеников, а также в частных домах, где таким образом наказывались ленивые или неряшливые слуги.

Колодки для пальцев состояли из двух половинок на петлях с вырезанными в них желобами для пальцев. Когда пальцы оказывались в уготованных для них местах, верхняя и нижняя половина соединялись и закрывались на замочек.

Крестование

Крестование отличается от колесования только тем, что для казни вместо колеса использовалась крестовина в форме андреевского креста. Хотя этот метод казни довольно широко применялся в Европе, интересно узнать из книги Стэдмана «Повествование о пятилетней экспедиции против мятежных негров Суринама»^[47] о том, что в конце XVIII века крестование практиковалось туземцами Суринама для наказания рабов. Крепко-накрепко руки и ноги жертвы привязывали к крестовине, после чего палач топором отрубал несчастному кисти рук. Затем в ход шел металлический брусок, с помощью которого палач методично «дробил его кости до тех пор, пока земля вокруг не покрывалась осколками костей, кровью и костным мозгом». Изувеченную, но еще живую жертву снимали затем с крестовины и, несмотря на мольбы о «*coup de grace*»^[48], оставляли мучиться еще на несколько часов, пока какой-нибудь сердобольный страж не добивал несчастного ударом ружейного приклада по голове. Следует заметить, что в европейской практике жертву добивали сразу после снятия с крестовины смертельным ударом в живот.

Мученическая смерть сира Боутона

И вот вперед выступил палач, держа в правой руке железный брусок в полтора дюйма толщиной, три фута длиной и закругленный на конце. При виде его Боутон запел псалмы, за которыми последовал вскрик; ударом бруска палач перебил кость его правой ноги...

Крысы (пытка крысами)

Хотя это один из самых страшных методов пытки, упоминания о нем встречаются крайне редко, и создается впечатление, что применялся этот метод единственно во времена инквизиции в Нидерландах. В трактате «Кровавый театр еретиков»^[49] есть гравюра, изображающая пытку еретика. Жертву раздевали и привязывали спиной к столу. Металлический сосуд с крысами ставили вверх дном на живот жертвы и разжигали на нем огонь. Чтобы избежать пылающего жара и выбраться на свободу, разъяренные грызуны выедали внутренности жертвы.

Не такая изощренная, но не менее отвратительная пытка крысами была в большой чести у римского императора Нерона. Жертву, обычно христианина, связывали и помещали в большую бочку, в которую кидали несколько голодных крыс. Те начинали заживо пожирать несчастного. Когда крысы полностью насыщались человеческой плотью, в бочку кидали другую партию голодных грызунов.

Крэнк

Крэнк – инструмент тюремного наказания и современник трэдмилла. Тюремный акт от 1865 года предписывал, чтобы заключенные мужчины в возрасте от 16 лет и старше наказывались тяжелым и изнурительным трудом, и это в большинстве случаев означало, что им придется вращать колесо трэдмилла. Однако если узник делал это с неохотой, его подвергали более суровому наказанию: его сажали в одиночную камеру и заставляли вращать теперь уже крэнк. Разрушающая психику, ум и совершенно бесполезная работа.

Иногда заключенный, устав вращать колесо трэдмилла или работая по своей специальности, например, портного или сапожника, утомленный однообразием труда и вознамерившись сменить род деятельности, начинает жаловаться на недомогание. В таких случаях его отсылают для осмотра к тюремному врачу, и если он действительно болен, ему позволяют отдохнуть, но если он просто симулирует боли в спине или груди, его отсылают на прежнюю работу. В случае, если он не унимается и продолжает корчить из себя больного, его заставляют, в качестве наказания, вращать ручку крэнка. Говорят, что после нескольких дней такой деятельности самые упрямые умоляют вернуть их на прежнее место работы.

Крэнк представляет собой узкий барабан, установленный вертикально на ножках и снабженный с правой стороны ручкой, вращая которую, заключенный вращает находящееся внутри барабана колесо с совками по ободу. На дне барабана насыпан толстый слой песка, который совки захватывают и несут вверх, где затем опорожняются и идут вниз уже пустыми. Другими словами, крэнк работает по принципу землечерпалки. На барабане установлена шкала, которая фиксирует количество вращений.

Обычно заключенного запирают в одиночной камере, и он оказывается один на один с крэнком. Монотонный и бесполезный труд усугубляется одиночеством, и почти все не выдерживают.

Как можно догадаться, труд этот утомителен и достаточно тяжел, однако тюремщики прибегают к крэнку только для наказания симулянтов. Человек, работая равномерно, может сделать двадцать оборотов колеса в минуту, около 1200 – за час и 10 000 – за 8 часов 20 минут («Уголовные тюрьмы Лондона», Мэйхью и Бинни, 1862).

Согласно одному источнику, только в тюрьме Вандсворт находилось

около сотни крэнков, таким образом их присутствие исключало появление среди подопечных тюрьмы отъявленных симулянтов. Для любителей цифр сообщаю, что усилие, требовавшееся для вращения колеса крэнка, составляло 7 фунтов, а при желании его можно было увеличить до 10 и даже 12.

Как и трэдмилл, крэнк пал жертвой тюремной реформы в самом начале нынешнего столетия, и из 29 исправительных учреждений, использовавших крэнк в воспитательных целях в 1895 г., после 1901 г. продолжали упорствовать только пять, но через несколько лет сдались и они.

Линчевание (суд Линча)

Несмотря на триумф равенства и справедливости, наступивший после успехов юнионистских^[50] армий в Американской гражданской войне, реконструкция^[51] имела неблагоприятные последствия в южных штатах, где белое большинство начало утверждать свое превосходство крайними средствами, а именно ad hoc (особой) самовольной расправой над неграми, или судом Линча. С 1882 года, когда зафиксированы первые проявления самосуда, по 1927 г. линчеванию подверглось 4950 человек. Хотя большинство этих казней, особенно тех, которые имели место на севере и западе страны, осуществлялось простыми средствами, например, при помощи огнестрельного оружия или веревки, на юге толпа прибегала к средству, характеризующему крайним садизмом. В 1893 г., например, толпа в 10 тысяч человек собралась в городке Париже, штат Техас, чтобы присутствовать при незаконной казни умственно неполноценного чернокожего, обвиненного в убийстве ребенка. Сначала в него тыкали раскаленной докрасна кочергой, затем выжгли глаза и сунули в рот горящую головню. После часа подобных истязаний несчастного сожгли живьем на костре. Несмотря на растущую урбанизацию Юга и на усилия Национальной гвардии в пресечении самосуда, которые привели к снижению числа жертв озверевшей толпы, в начале XX века в некоторых изолированных местах право Линча продолжало править в отношениях между белыми и черными.

В 1918 г. в ходе пятидневной оргии насилия, устроенной толпой в штате Джорджия, были убиты 8 негров, а также беременная женщина. Ее медленно поджарили на костре, вырезали из утробы плод и растоптали его. Двое других были сожжены заживо за то, что осмелились пререкаться с белыми. Однако более шокирует то, что на юге США до сих пор не искоренен суд Линча. В феврале 1987 г. жюри присяжных заседателей, состоявшее полностью из белых, присудило в штате Алабама 7 миллионов долларов матери Майкла Дональди, девятнадцатилетнего негра, которого члены местного отделения Ку-Клукс-Клана сначала избili, а затем повесили на дереве. Сенатор штата мистер Майкл Фигерс сказал по этому поводу:

– Это поворотный пункт нашей истории, и я уверен, что мы больше никогда не столкнемся с этим позорным явлением (судом Линча).

Однако же всего через три года, в октябре 1990 г., был оштрафован на

сумму 2,5 миллиона долларов бывший глава Ку-Клукс-Клана, который санкционировал убийство его членами чернокожего в Портленде, штат Орегон.

Суд Линча в Мемфисе

Следующий отрывок написан Идой Уэллс-Барнет, которая была главным редактором мемфисской газеты для чернокожих и которая была свидетелем казни негра 22 июля 1893 г.:

«Мемфис – один из главных городов юга с населением около 75 тысяч человек и один из крупнейших и богатейших городов Соединенных Штатов. Однако именно на его улицах произошли события, не делающие чести даже Конго. Две женщины ехали в повозке в город, когда к ним подошел Ли Уолкер и попросил еды. Женщины подняли такой крик, что негр поспешил скрыться, однако они утверждали, что он пытался их изнасиловать. Сразу же по всему городу разнеслась весть, что огромный негр напал на двух белых женщин. Толпа ринулась на поиски негодяя, по ходу дела застрелив другого негра, отказавшегося остановиться, когда ему это было приказано сделать. Несколько дней спустя полиция отловила Уолкера и поместила его в мемфисскую тюрьму».

В газете «Мемфис Комершнал» за 23 июля содержится полный отчет о последовавших затем событиях:

«Сегодня в полночь Ли Уолкер, который в прошлый вторник напал на мисс Молли Мак Кэдэн, был выведен из тюрьмы графства и повешен на телеграфном столбе к северу от нее.

Весь предыдущий день по городу расползались слухи о том, что вечером будет предпринята попытка напасть на тюрьму, а поскольку никто не сомневался в том, что полиция окажет сопротивление, эта попытка грозила перерасти в открытый конфликт между толпой и властями города.

В 10 часов вечера капитан О'Хэвер, сержант Хоран и несколько патрульных полицейских были у тюрьмы, однако не смогли ничего поделать с толпой, которая предприняла атаку на южные ворота. Шериф Мак Лендон и несколько его людей пытались остановить штурмующих, однако двум или трем человекам удалось прорваться вовнутрь тюрьмы, где их все же удалось схватить. Полицейские не пользовались своими дубинками, хотя воспользуйся они ими, всю толпу можно было сразу разогнать силами 10 стражей порядка. Однако шериф настаивал на неприменении насилия.

Толпа использовала металлическую заборную решетку в качестве тарана для штурма центрального входа, шериф Мак Лендон попытался ее остановить, и один из напавших сбил его с ног, обрушив на его голову стул. Однако и теперь шериф настаивал на воздержании от применения силы и не отдал приказа своим подчиненным рассеять толпу с помощью дубинок. Такое поведение шерифа распалило толпу, решившую, что полиция их боится, и та удвоила свои усилия. В 12 часов ночи дверь была выбита.

Двое вошли в камеру Уолкера и приказали ему следовать за ними. Тот отчаянно сопротивлялся, исцарапав и покусав своих мучителей. По пути толпа била его кулаками и колола ножами. Когда его вели по ступенькам лестницы, он вцепился в перила, но его пырнули ножом, и ко времени, когда его приволокли к выходу из тюрьмы, его силы иссякли, он прекратил сопротивляться и смирился с судьбой. Его волокли сквозь толпу орущих, сквернословящих мужчин, каждый из которых не упускал возможности плюнуть в него или ткнуть его кулаком.

Толпа направилась затем на Франт-стрит, остановившись только у бакалейной лавки на Сикамор-стрит, где раздобыла веревку.

„Тащите его к железному мосту на Мэйн-стрит“, – кричали некоторые из толпы. Однако те, кто держал Уолкера, спешили поскорее закончить дело и когда наткнулись на телеграфный столб на Франт-стрит у аллеи, ведущей к Сикамор-стрит, они накинули на голову несчастного петлю, в то время как другие навалили под столбом кучу хлама. Веревку перекинули через торчавший в столбе штырь и подняли Уолкера, пока его ноги не оказались на высоте трех футов над кучей хлама. Какой-то парень вцепился ему в ноги и дернул так, что затрещали шейные позвонки. С несчастного сорвали одежду и стали колоть и резать уже мертвое тело ножами, пока не показались ребра. Кто-то выстрелил в голову повешенного из пистолета, но десяток голосов потребовал прекратить стрельбу.

Тело висело на столбе около получаса, после чего веревку перерезали. Негр упал вниз, и толпа начала пинать распростертое тело ногами. Кто-то крикнул:

– Сжечь его!

Крик подхватили сотни глоток. Детектив Ричардсон упрашивал и умолял толпу не сжигать тело и не позорить город, поскольку насильник уже получил свое.

А тем временем в центре улицы разжигали костер, благо дрова оказались под рукой; из ближайшей овощной лавки принесли керосин.

Полудюжина мужчин взяла голое окровавленное тело и, раскачав, кинула в костер. На труп накидали дров, так, что остались видны только

голова, ноги и одна рука. Через несколько минут рука начала раздуваться, на ней появились ожоговые пузыри, и вскоре мясо сгорело и показались кости. Это было страшное зрелище, пожалуй, никто из участников линчевания не видел ничего подобного раньше. Это было уже слишком, и большая часть толпы поспешила покинуть место экзекуции.

Однако многие остались, не испугавшись вида горевшего трупа. Две или три белые женщины протиснулись сквозь окружившую костер толпу и спокойно, без тени ужаса или отвращения, принялись наблюдать, как костер пожирал останки несчастного Уолкера. Какие-то мужчина и женщина привели с собой одиннадцатилетнюю девочку, очевидно, их дочь, чтобы та могла видеть горевшее тело. Им, по-видимому, не приходило в голову, что это зрелище могло пагубно сказаться на психике ребенка и лишить его сна на многие ночи. Толпа сопровождала сожжение разными комментариями. Некоторые предлагали и впредь расправляться с насильниками-неграми тем же способом, другие сетовали на то, что их жены и дочери могут стать жертвами нападения негров. Третьи же говорили, что от сожжения тела можно было бы воздержаться, и ни слова сочувствия по отношению самой жертве.

Веревка, с помощью которой повесили Уолкера, стала сувениром, и охотники за таковыми порезали ее на части и рассовали по карманам. Другие любители сувениров дождались, пока не прогорел костер, и начали палками вытаскивать из него ужасные сувениры: зубы, кости, ногти, куски кожи, оставшиеся от жертвы.

После того, как костер потух окончательно, к обугленному телу привязали кусок проволоки, поволокли его по Мэйн-стрит к зданию суда и повесили перед ним на таком же телеграфном столбе. Толпа производила такой шум, что потребовалось вмешательство полиции. Позвонили владельцу похоронного бюро Уолшу, который отвез тело в свою контору».

Маджет, Германн Уэбстер (Доктор-истязатель)

Он родился в Нью-Хэмпшире в мае 1860 г. и известен как самый страшный убийца Америки. Заслужил или не заслужил он этого звания, однако несомненно, что он был одним из самых изощренных и жестоких убийц всех времен и народов.

Многоженец, мошенник и убийца (никто никогда не узнает, сколько убийств на его счету; он признался только в совершении 27), вот кто такой был Германн Уэбстер Маджет. 200 трупов было найдено в его доме смерти, известном как «замок Холмса».

Германн Маджет изучал медицину в Энн-Арборе и некоторое время после окончания учебы имел практику в Нью-Йорке. После некоторых разногласий с представителями закона по поводу трупов, которые он попридержал в своей больнице, Маджет сбежал в Чикаго, где поступил на работу в одну фармацевтическую компанию. Хозяйка фирмы, несчастная женщина, бесследно исчезла вскоре после знакомства с Маджетом, и тот отдал дань ее памяти, завладев ее делом. Многие из тех, с кем сводила жизнь Германна Маджета, бесследно исчезли, включая бесконечный ряд его жен и любовниц.

В 1891 г. человек, называвший себя Х.Х. Холмс, ушел из фармацевтического бизнеса и стал владельцем отеля, который был для него построен на пустовавшем месте на 63-й улице так быстро, что никто не знал точного плана здания и о существовании целой серии камер пыток в его стенах. В отеле селились сотни постояльцев (особенно много их было во время всемирной ярмарки в Чикаго), многие из которых так никогда и не покинули его, по меньшей мере, через главный вход. Особенно уязвимы были молодые женщины, которых Холмс и заманивал в свое логово, соблазнял, после полового акта одурманивал наркотиком и бросал в подвал через специальную шахту. В зависимости от настроения и обстоятельств жертва могла оказаться в его воздухо непроницаемой газовой камере, где она задыхалась и умирала, в то время как Холмс через специальное окошко наслаждался зрелищем ее страданий. Мертвые тела Холмс забирал в комнату для вскрытий, где проводил свои хирургические эксперименты. От ненужных трупов доктор-истязатель избавлялся в многочисленных кислотных ваннах, печах и ямах с негашеной известью.

Небольшое мошенничество со страховкой стало причиной того, что им заинтересовалась полиция штата Техас, где он находился на отдыхе.

Благодаря изворотливости нанятого им адвоката, Холмс (или, как он называл себя в Техасе, Х.М. Говард) вскоре снова оказался на свободе. Но он попал в поле зрения дотошного сыщика по имени Гейер, который преследовал свою добычу, пока та металась из Пенсильвании в Нью-Хэмпшир и из Нью-Хэмпшира в Массачусетс. К тому времени Холмс покончил со своим бывшим компаньоном по имени Питцель, убив вместе с ним троих его детей, и скрылся вместе со своей очередной женой. Когда в Индианаполисе обнаружили четыре трупа, Холмса выследили и арестовали.

30 ноября 1895 г. Германна Маджета приговорили к смертной казни за убийство Бенджамина Питцеля. К тому времени полиция обследовала «замок Холмса» и, естественно, обнаружила его грязные секреты. В дни, остававшиеся до казни, Маджет рассказал в деталях о 27 совершенных им убийствах. Его казнили 27 мая 1896 г. Уже стоя с веревкой на шее, Маджет заявил, что совершал убийства для того, чтобы дать пищу газетам и стать знаменитым.

Мантия

Наказанием за антисоциальное пьянство служило множество разновидностей «бочек». Самым простейшим устройством была обыкновенная перевернутая вверх дном бочка, с прорезанным в нем отверстием для головы. Ее надевали на пьяницу и в таком виде проводили по главной улице города, чтобы все могли видеть его позор.

Более усовершенствованным инструментом наказания была «пьяная мантия». По форме она напоминала длинную бочку, слегка расширяющуюся книзу. Сзади находилась сделанная из дерева и металла дверь, через которую в нее залезали любители горячительного, а наверху отверстие для головы и железный шлем с решетчатым забралом.

Продолжительность срока, в течение которого нарушитель общественной нравственности был обязан простоять в этой мантии, зависела от количества выпитого им спиртного. Было замечено, что пребывание в бочке не представляло особых мучений для пьяниц маленького роста, от них требовалось только терпеливо дожидаться окончания срока наказания; высоким же приходилось туго, поскольку под тяжестью мантии его колени сгибались и упирались в стенку бочки, что было отнюдь не безболезненно.

Подобные бочки или мантии имели хождение по всей Европе. Историк Джон Эвелин писал по этому поводу в 1641 г.: «В нидерландском городе Дельфте, в здании сената, есть тяжелый огромный сосуд, напоминающий по форме маслобойку, который надевают на притких женщин, имеющих двух мужей сразу, так что торчит одна голова, и ведут по городу в наказание за жадность до телесных угод».

А вот слова реформатора тюрем Джона Говарда:

«В Дании преступники из низших слоев населения, такие как сторожа или извозчики, наказываются ношением на людях так называемой «испанской мантии». Этого наказания боятся в особенности, и именно по этой причине никто не слышит об ограблениях в Копенгагене».

Интригующую теорию выдвинул немецкий историк Ф.Т. Шульц, по которой печально знаменитая «железная дева» (см. «Железная дева из Нюрнберга») сначала была простой мантией позора, использовавшейся для наказания пьяниц и распущенных женщин; шипы, как полагает Шульц, появились позже.

Маска позора

Для всенародного унижения тех, кто имел обыкновение нарушать общественный покой, имелись такие формы наказания, как колодки, позорный столб, брэнк, однако ничего не было страшнее маски позора. Подобно брэнку, эти маски делали всеобщим посмешищем тех, кого обвиняли в грубости и скандализме, в мошенничестве и супружеской измене. Например, мужчину, который попался на пьянстве, приговаривали носить в людных местах маску свиньи, любопытную женщину – маску с длинным носом, а скандалистку – маску с длинным языком.

Медный сапог

В изготовленный методом чеканки с соединительным швом медный сапог совали ногу, а иногда обе ноги узника. Его привязывали ремнями к стулу и лили за голенище сапога кипящую воду или масло. В результате с ног слезала кожа, а сухожилия ссыхались и делались бесполезными. В высшей степени жестокое наказание, учитывая то, что жертва становилась калекой на всю жизнь, а иногда и умирала. Иногда за голенище лили расплавленный свинец, который просто-напросто сжигал ноги узника до углей.

Медная перчатка

Разновидность того же инструмента, только для руки. В перчатку также лили кипящую воду или масло, но иногда просто раскаляли на огне и совали в нее руку жертвы.

Неподсудность духовенства светскому суду

Эта замечательная лазейка образовалась в английском праве в средние века после разделения судов на церковные и светские и позволила духовенству выйти из-под светской юрисдикции. Таким образом, член религиозного ордена, обвиненный в каком-либо преступлении, представлял перед епископальным судом, отличительной чертой которого было отсутствие права выносить смертные приговоры (именно для того, чтобы оградить светское право от посягательств церковного суда, в 1162 г. Генрих II назначил Томаса Бекета архиепископом Кентерберийским. Однако Бекет оказался вовсе не таким послушным, как этого хотелось бы его бывшему другу королю, и пал жертвой собственного высокомерия и немилости Генриха, будучи убитым в Кентерберийском соборе в 1170 г.).

Эта пресловутая неподсудимость духовенства светскому суду постепенно распространилась на всех, кто мог быть рукоположен в духовный сан, а иными словами на любого, кто мог читать. Суды были настолько продажными, что для того, чтобы уйти от наказания, нужно было всего лишь выучить наизусть первый стих 51-го псалма, который стал известен как «шейный стих» (neck-verse) и звучал следующим образом: «Помилуй меня Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои».

Судья спрашивал: «Legit aut non legit?» (Умеет он читать или нет?). Священник отвечал: «Legit ut clericus» (Он читает как грамотный человек). После этого приговор смягчался до какого-нибудь незначительного наказания, как-то: порки, тюремного заключения или штрафа. Даже выучивать наизусть «шейный стих» было вовсе не обязательно. Достаточно сунуть в ладонь священнику несколько монет, и тот нашепчет спасительные строчки в ухо негодяя во время слушания дела.

По закону от 1490 г. стало невозможным для светских преступников воспользоваться неподсудностью духовенства светскому суду более чем один раз. Для верности на мякоти большого пальца мирянина, воспользовавшегося пресловутой неподсудностью, выжигалось клеймо.

Неподсудность духовенства светскому суду была упразднена в Англии только в 1827 г., но по некоторым источникам, она успешно возродилась в штате Южная Каролина (США) в 1855 г.

Обезглавливание

Обезглавливание, в той или иной форме, имеет очень древнюю историю и как средство судебного возмездия, и как средство расправы с пленными во время войны. В Британском музее есть барельеф, на котором изображено массовое обезглавливание плененных жителей халдейских болот после того, как они потерпели поражение от ассирийцев. В письменных памятниках древних греков и римлян, которым смерть от меча представлялась самой почетной, встречается множество упоминаний этого вида казни. Римская техника обезглавливания, или как они называли его *decollatio* или *capitis amputatio*, предусматривала предварительное избивание жертвы, привязанной к столбу, розгами, и только после этого ее вели к месту казни и отсекали голову на плахе, установленной в специально вырытом углублении. Если узник был военным человеком, его казнили за пределами лагеря, если же гражданским – за пределами городских стен. В годы ранней империи голову отсекали топором, но постепенно топор уступил место мечу, предположительно в силу того, что меч считался почетным оружием и более соответствовал представлениям римлян о благородной смерти.

В первые столетия новой эры, во времена гонений на христиан, римляне предали смерти от меча множество своих знатных сограждан. Одной из самых известных святых мучениц была Цецилия, девушка из патрицианского рода, воспитанная в христианской вере. Выйдя замуж за Валериана, тоже знатного юношу, она обратила его в свою веру, тот же, в свою очередь, обратил в христианство своего брата Тибуртия.

Спустя некоторое время братья стали такими ревностными христианами, что это не укрылось от взора префекта Альмахия, который приказал их сначала выпороть, а затем обезглавить (в знак уважения к их рангу). Потом перед префектом предстала Цецилия, осмелившаяся смеяться ему в лицо. Ее приказано было заживо сварить в ее же собственной жарко натопленной бане. Но, несмотря на то, что солдаты сожгли топлива в семь раз больше обычной нормы, Цецилия оставалась жива. Чтобы обезглавить ее, был послан солдат, который дрожащими руками нанес мечом три разрешенные законом удара. С почти отсеченной головой Цецилия все еще продолжала жить. Она пролежала на полу бани три дня, прежде чем умерла и была похоронена в катакомбах святого Каллиста. Святая Цецилия широко почитается как покровительница

музыки и музыкантов.

Обезглавливание, как средство предания смерти, было также широко распространено в Азии, и особое предпочтение ему отдавали в Китае, где для этих целей использовали расширяющийся ближе к концу меч, напоминающий в некоторых случаях скорее топор. Английский палач Джеймс Берри удостоил методы своих китайских коллег похвалы профессионала:

«В Китае обезглавливание стало почти наукой, а китайские палачи – пожалуй, самые искусные в мире. Я обладаю мечом китайского палача, при помощи которого девятью ударами были отсечены головы девяти пиратов. Это ужасный меч, но он очень соответствует своему назначению».

Обезглавливание совершенно неизвестно в истории Соединенных Штатов. Единственный факт такового был зафиксирован в Массачусетсе в 1644 г. Закон от 1852 г. тогдашней территории Юта предоставлял приговоренным к смерти возможность выбрать расстрел, повешение или обезглавливание. Никто никогда не выбрал последнее, и в 1888 г. обезглавливание было попросту выведено из закона за ненужностью.

Фредерик Дриммер в своей монографии, посвященной смертной казни в Америке «Пока ты не умрешь» (Until You Are Dead), поясняет:

«И обезглавливание, и расстрел были выбраны в качестве метода казни потому, что большинство в законодательном собрании территории составляли мормоны, а мормоны, как известно, верят в библейскую доктрину искупления кровью».

Эта доктрина основывается на буквальном толковании шестого стиха девятой главы Книги Бытия: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека».

Обезглавливание, как метод смертной казни, официально применяется в некоторых арабских государствах и в Конго (здесь до сих пор используют гильотину). В Катаре, Йемене, Объединенных Арабских Эмиратах и в Саудовской Аравии для обезглавливания используется меч. В 1989 г. одна британская бульварная газета опубликовала под кричащим заголовком «Я отрубил 600 голов» эксклюзивное интервью с официальным саудовским палачом Саидом Аль-Саяфом. Описывая используемые им орудия казни, 60-летний государственный служащий сказал: «Для того, чтобы отсечь голову мужчине, я использую, согласно предписаниям пророка Мухаммеда, особый меч, а для того, чтобы казнить женщину, я использую винтовку... Когда работа сделана, я испытываю ощущение восторга и благодарю Аллаха за то, что он дал мне такую силу».

Обезглавливание в Англии

Обезглавливание, как метод казни, пришло в Англию вместе с норманнскими завоевателями и осуществлялось при помощи топора. Первое упоминание об обезглавливании относится к 1076 г., когда таким образом был лишен жизни Вальтеоф, граф Нортумберлендский.

Хотя в первые столетия после норманнского завоевания обезглавливание нередко использовалось как средство наказания обычных воров, позже, подобно древним римлянам, этот метод казни приберегли для узников знатных кровей. В период с 1388 по 1747 гг. на холме, за стенами лондонского Тауэра, где в течение XV и XVI столетий стоял постоянный эшафот, были публично обезглавлены 90 человек. В стенах же Тауэра имелась плаха, предназначенная для обезглавливания особо важных государственных преступников. В истории Англии их было 7, среди них – леди Джейн Грей^[52], Роберт Девере^[53], граф Эссекс, Екатерина Говард^[54] и Анна Болейн, вторая жена короля Генриха VIII. Анна не смогла подарить королю Генриху сына и наследника, 2 мая 1536 г. была арестована по необоснованному обвинению в супружеской измене с четырьмя мужчинами (включая ее собственного брата) и две недели спустя, 19 мая, обезглавлена в Тауэре. Анна предпочла смерти от топора смерть от меча, и поскольку под рукой не оказалось знающего палача, его пришлось пригласить из французского города Сент-Омера.

В Тауэре имелся целый арсенал предназначенных для обезглавливания топоров, однако плаху для каждой отдельной казни изготавливали новую. Одну такую плаху можно увидеть сейчас в башне Бойер. Она была специально сделана для публичного обезглавливания на тауэрском холме Саймона Фрэйзера, одиннадцатого барона Ловата в 1747 г. Ловат был одним из последних якобитских^[55] вождей, которых приговорили к смертной казни за их участие в восстании принца Карла^[56] в 1745 г. Он оказался также последним в Англии, кто принял смерть от топора на плахе. Одиннадцатый барон слыл отпетым негодяем, заслуживавшим смерти даже не за его поддержку претендента на престол, а за его подлость и двурушничество. Ко времени суда над ним по обвинению в государственной измене, который состоялся 17 марта 1747 г., его поступки заслужили ему презрение как английского, так и шотландского народов. Одним из его особенно циничных преступлений была его женитьба; жену он взял за себя силой с целью упрочить свое право на имение. За это его и его отца приговорили к смерти, но тогда им удалось бежать. Этот же суд

стал знаменитым судебным процессом (cause celebre). Во время судебного заседания Фрэйзер откровенно издевался как над судьями, так и над свидетелями, а потом клялся в своем патриотизме и просил о снисхождении. После суда лорда Ловата вернули в Тауэр, куда в пятницу 3 апреля прибыл приказ о его казни; приговор должен был быть приведен в исполнение 9 апреля. В последние дни Фрэйзера не покидала его обычная наглость, и уже всходя на эшафот и взглянув на собравшуюся огромную толпу, он воскликнул: «Боже мой! И все они собрались здесь ради меня, седого старика, который не может сделать без посторонней помощи и двух шагов!» Уже на эшафоте Фрэйзер протянул палачу кошелек со словами: «Вот, сэр, здесь для вас десять гиней. Делайте свою работу исправно, ибо если вы рубанете мне по плечам и я смогу подняться, я буду на вас очень зол». Сказав это, он попросил осмотреть топор, провел пальцем по лезвию и удовлетворенно кивнул. Затем положил голову на плаху и через секунду палач одним ударом топора отсек ее от тела. На плахе, однако, остались следы от двух ударов, предположительно, палач сделал пробный удар перед казнью.

Двумя годами раньше два других мятежных лорда, Килмарнок и Бальмерино, встретили свою смерть там же и подобным же образом. По свидетельству очевидцев, оба вели себя спокойно и с достоинством. Первый, положив голову на плаху, уронил носовой платок, и палач одним ударом отсек ее от тела. Голова удержалась только на коже, и уже ударом послабее палач доделал свою работу.

Уроненный платок в те времена означал, что приговоренный готов к казни. Однако лорду Бальмерино повезло гораздо меньше. Вот как описывала это событие газета «Ньюгейтский календарь»: «Сразу же, без дрожи и не изменившись в лице, он встал перед плахой на колени, развел по сторонам руки и сказал: „О Господи, воздай моим друзьям, прости моих врагов и прими мою душу“. Положив голову на плаху, он опустил руки, что должно было служить сигналом его готовности принять смерть. Однако его необычная твердость и отвага, а также неожиданно поданный сигнал удивили палача, тот растерялся и хотя нанес удар туда, куда надо, не рассчитал его силу. Рана была глубока, однако голова мятежного лорда осталась на месте, и, казалось, он пытался повернуть ее, чтобы посмотреть в лицо палача. Второй удар, немедленно последовавший за первым, навсегда успокоил Бальмерино, а третий довершил дело».

Но, пожалуй, самой знаменитой казнью в Англии было обезглавливание короля Карла I в 1649 г. В те времена Англия начинала уже отвергать абсолютную власть, которой пользовались монархи «божьей

милостью». Яков I, взошедший на трон в 1603 г., правил как абсолютный монарх, однако, когда власть перешла к его сыну Карлу I, тот распустил парламент и стал править один^[57]. В результате этого часть страны оказалась в руках парламентариев под руководством Оливера Кромвеля^[58], другая же осталась под властью короля. В последовавшей затем кровавой гражданской войне войска роялистов были разгромлены, а сам король попал в плен. Его объявили «тираном, предателем, убийцей и государственным преступником». Карла судил особый суд, состоявший из 67 судей (прозванных впоследствии «цареубийцами»), а несколько позже он был обезглавлен на эшафоте, сооруженном около дворца Уайт-Холл в Лондоне. В то время государственным палачом состоял Ричард Брэндон, однако есть некоторые сомнения в том, что именно он обезглавил Карла I, потому что в тот день на эшафоте стояли два палача, и оба в масках, чтобы настоящий палач оставался неузнанным. Сам Брэндон умер полгода спустя, и через некоторое время на его могильной плите появилась надпись: «Здесь лежит Р. Брэндон, который, вероятно, отрубил голову Карлу I». Согласно историческим источникам и судя по рисункам той эпохи, Карла казнили на «низкой» плахе, использовавшейся сравнительно редко и заставлявшей приговоренного почти распластаться на полу. Более распространенной была «высокая» плаха, такую использовали в Тауэре, и которая имела специальный вырез для головы. В Лондонском Тауэре сохранился показательный топор, который демонстрировали государственным преступникам, когда те покидали Тауэр, отправляясь на суд, и возвращались назад после вынесения приговора. Существует легенда о том, что когда узник покидал Тауэр, лезвие топора было повернуто от него, если же его приговаривали к смерти и он возвращался назад, лезвие топора символически поворачивали в его сторону.

Иногда бывало так, что обезглавливание являлось всего лишь частью какой-нибудь казни, например повешения, волочения за лошадью или четвертования. Это случилось в 1820 г. Артур Тислвуд и его сообщники задумали убить кабинет министров, когда те обедали 23 февраля 1820 г. у графа Хэрроуби в доме на площади Гросвенор. Заговорщики собрались в комнате на верхнем этаже дома на улице Катона, где и были захвачены еще до того, как успели осуществить свои намерения. Тислвуду и нескольким другим преступникам удалось скрыться, но ненадолго. На следующий день все они были арестованы. Пятерых, включая Тислвуда, сначала повесили, а затем палач в маске отрубил им головы, остальные были сосланы на каторгу.

Примечание: В некоторых частях Англии обезглавливание осуществлялось при помощи примитивной гильотины, называвшейся «галифакской машиной», в Шотландии же подобное приспособление именовали «девой».

Обезглавливание в Германии

Как и в большей части остальной Европы, в Германии обезглавливание использовалось для наказания преступников, приговоренных к смерти; хотя в поздние времена и довольно редко для обезглавливания употреблялись топор и плаха, исторически сложилось так, что предпочтение здесь всегда отдавалось мечу.

В соответствии со средневековым саксонским сводом законов, известным как Заксеншпигель (Sachsenspiegel), смерть через обезглавливание полагалась за поджог, и не позднее как в 1855 г. подобным образом был предан смерти поджигатель И. Кильхенманн.

Согласно статье 119 первого внушительного уголовного кодекса, созданного для всей Германии в 1532 г. и называвшегося «Каролина» («Carolina»), изнасилование женщины, вдовы или девушки наказывалось так же, как кража и убийство новорожденного, смертной казнью через обезглавливание. Обезглавливанием наказывались также сексуальные извращения, в частности, скотоложество и педерастия, и такое положение дел сохранялось до середины XVIII столетия. Кроме того, отсечение головы было обычным наказанием за религиозные преступления, такие как, например, богохульство, и за ряд политических преступлений, в списке которых первой стояла государственная измена.

Описания и рисунки казни через обезглавливание, относящиеся к ранней истории Германии, свидетельствуют о том, что во время казни осужденный обычно стоял на коленях или сидел на стуле (хотя более поздние иллюстрации изображают человека, преклонившего колени в молитве). Стоя за осужденным, палач старался одним взмахом снести ему голову, выбрав для удара углубление между позвонками. Процедура требовала немало искусства, и нередко случалось, что неумелый палач снимал голову жертвы только с третьего удара. Зрителям это не нравилось, и такой палач мог сам пасть жертвой разочарованной толпы, как это произошло в 1509 г. в Пражском замке, когда палача попросту побили камнями.

Постоянные эшафоты сооружались в те времена на рыночных

площадях и перед ратушей. На каменную или деревянную платформу вела лесенка, а в тех случаях, когда осужденный принадлежал к благородному сословию или когда вершилась казнь над особо ненавистным всем преступником, эшафот окружала цепь солдат, сдерживавших натиск толпы.

Большинство сохранившихся мечей, использовавшихся для отсечения головы, были изготовлены в мастерских Германии и мало чем отличаются друг от друга. Обычно они имеют прямой клинок, длиной 80–85 см и около 5 см шириной. Они снабжены рукоятью для захвата обеими руками. Такой меч позволял максимально увеличить силу удара. Украшение мечей тоже нельзя назвать разнообразным; обычно это сцены казни, иногда сопровождаемые наставительным текстом, таким, например, как: «Когда я поднимаю этот меч, я желаю грешнику вечной жизни» или «Господь судит зло, а я только исполнитель его воли». Три меча, хранящиеся в лондонском Тауэре и датируемые семнадцатым веком, имеют на поверхности клинка тщательно выполненную гравировку, изображающую виселицу и колесо палача. Но уже более поздний меч, хранящийся в Пражском музее военной истории, наглядно демонстрирует то, как со временем изображения виселицы и колеса приобрели крайне стилизованные формы и стали не более чем символами.

Ножны для меча изготавливались из дерева, покрывались сверху кожей и имели металлические накладки. Нередко к этим ножнам крепились ножны поменьше для ножей, которые использовались палачом при совершении других видов казни, предписанных судом, таких, например, как вырезание языка или выпускание внутренностей.

Обезглавливание при помощи топора ввело в употребление также и использование «высокой» плахи (по английскому образцу), и этот вид казни продержался в Германии до конца Второй мировой войны, когда та вообще отказалась от высшей меры наказания.

...В четверг утром приговоренного к казни Хеделя официально ознакомили с содержанием приказа кронпринца. Он оставался совершенно спокоен; единственным признаком его внутреннего волнения была мертвенная бледность лица. Будучи спрошенным о его последнем желании, он попросил сигар, пива и бумаги, чтобы написать письмо, а также выразил пожелание, чтобы его казнили принародно.

Ровно в 6 часов утра Хеделя повели к эшафоту, наскоро сооруженному во дворе тюрьмы. Хедель, сопровождаемый конвоирами, был в той самой одежде, в какой его взяли при попытке убийства. По настоятельному требованию священника, также сопровождавшего его к эшафоту, он выбросил окурок сигары, которую, видимо, собирался курить до самого

последнего момента. Взойдя на эшафот, он встал на колени перед плахой, ему завязали глаза и в этот момент раздался жуткий колокольный звон. Палач, до этого момента стоявший поодаль, спрятав топор за спиной, вышел вперед и одним мощным ударом сверкнувшего как молния топора отсек преступнику голову.

Примечание: В Германии имело некоторое хождение механическое приспособление для обезглавливания, сродни гильотине, которое называлось «диле».

Ошейники

Ошейники были всего лишь простейшим средством внесения добавочного дискомфорта в жизнь находившихся в заключении уголовных преступников.

Однако некоторые из них снабжались винтом, который при желании можно было закрутить так, что из глаз, носа и ушей заключенного текла кровь.

Ошейник с колокольчиком

Изобретение этого, на первый взгляд, безобидного приспособления приписывают венецианцам. Оно может показаться даже смешным, но на самом деле многие плакали от него горючими слезами. Ошейник с колокольчиком первоначально предназначался для тюрем, чтобы подобно пастухам, пасущим коров с колокольчиками на альпийских лугах, тюремные надзиратели могли следить за передвижениями своих подопечных, не открывая глаз. Но кроме того, этот дьявольский ошейник не давал заключенному спать, поскольку как только он засыпал и двигался во сне, колокольчик будил его. Говорят, что недосыпание и постоянный звон над головой доводили людей до умопомрачения.

Железный ошейник

А эта конструкция родилась в Китае, где и использовалась в качестве наказания по меньшей мере до первого десятилетия нашего века. Ошейник с острыми зубцами на верхней кромке крепился кожаными ремнями к железному кольцу. Заключенному надевали ошейник, через кольцо пропускали веревку и поднимали его к потолку так, чтобы он касался земли только носками, при этом острые зубцы ошейника впивались ему в горло. Очевидно, что если несчастный позволял себе расслабиться, зубцы впивались еще глубже, принося невыносимые страдания. Этот инструмент использовался главным образом для пыток, чтобы вытянуть из жертвы нужные сведения или добиться признания. Одно из сообщений об этом ошейнике заканчивается словами, отдающими старомодным шовинизмом: «Иногда случается, что жертва умирает еще до того, как чего-то от нее добиваются, но это уже мелочи, восточный ум не привык обращать

внимания на подобные вещи».

Ошейник с шипами

А это уже испанское изобретение. Ошейник этот изготовлялся из толстой кожи или железа и, как с внутренней, так и с внешней стороны, был усеян острыми шипами (внешние шипы, предположительно, не позволяли его снять). Когда такой ошейник надевали заключенному, он уже не мог пошевелиться без того, чтобы не причинить себе по меньшей мере некоторые неудобства, и, уж конечно, он не мог в нем спать.

Ошибки палачей

Наряду с историями о тех, кто был повешен по ошибке (по причине несовершенства судопроизводства и огромного количества преступлений, наказуемых смертной казнью в уголовном кодексе прошлых веков), существует множество достоверных историй о том, как людей вешали несколько раз, и всякий раз те оживали и получали отсрочку от «свидания с вечностью». И действительно, известно достаточно много достоверных случаев неудачного приведения приговора в исполнение, и объясняется это уже несовершенством методов казни.

Самый знаменитый случай произошел с Джоном Ли, убийцей из Баббакомба, приговоренного в 1884 г., когда ему было 19 лет, к казни через повешение за зверское убийство вдовы, у которой он служил лакеем.

Повесить Ли должен был Джеймс Берри, государственный палач, чья компетенция ни у кого не вызывала сомнений. Приговоренный стоял уже на трапе с мешком на голове и петлей на шее; Берри дернул за рычаг, однако трап не ушел вниз, как ему было положено, а остался на месте вместе со стоявшим на нем Джоном Ли. Палач дернул рычаг посильней, но с тем же результатом. Берри несколько раз притопнул ногой по трапу. Ему помогли также охранники. Трап не поддавался. Пришлось отвести Джона Ли с трапа и проверить механизм. Тот работал превосходно, но только до тех пор, пока Берри не попытался повесить Ли вторично.

Ошарашенный палач снова проверил механизм, и снова тот работал как часы, и снова до тех пор, пока Берри уже в третий раз не попытался отправить Джона Ли «в вечность». Священник, присутствовавший при казни, писал: «Он дергал рычаг снова и снова, что-то грохотало в механизме, я услышал звук падающего трапа, но к моему ужасу, повернув голову в сторону эшафота, я уже в третий раз увидел приговоренного, стоящего на нем так же, как и в предыдущие два раза. Этого я вынести не мог и покинул место казни».

Единственным человеком, которого не удивило странное поведение трапа, был сам приговоренный, который ранее говорил, что «Господь не допустит, чтобы меня повесили». И действительно, после неудачных попыток отправить Ли к праотцам его смертный приговор заменили на тюремное заключение, и в 1907 году Джон Ли вышел на свободу.

Последующие попытки как-то объяснить это происшествие, не исключая божественное вмешательство, имели результатом единственную

правдоподобную версию, согласно которой после прошедших незадолго перед казнью проливных дождей деревянный трап разбух, и под весом человеческого тела его просто-напросто заклинивало.

Но произошедшее с Джоном Ли – это экстраординарный случай, поскольку обычно после первой или второй неудачной попытки отправить приговоренного «в вечность», его, в конце концов, «довешивали» с третьей.

Подобные конфузы имели место обычно по причине некомпетентности палача или в тех случаях, если тот находился в известной стадии алкогольного опьянения. При этом палач или ошибался в оценке длины веревки, в результате чего «казненный» касался ногами земли, или привязывал веревку недостаточно прочно, и «повешенный» просто падал на землю вместе с ней. Нередко случалось, что рвалась сама веревка, приговоренный падал, однако не всегда удачно. Известны казусы, когда преступники ломали ноги и их приходилось держать под руки, чтобы иметь возможность накинуть им петлю на шею повторно. Обычно на второй раз приговоренного все-таки отправляли в небытие, как это случилось с Бенджамином Реншоу, имя которого обессмертила газета «Ньюгейтский календарь»:

«... Повешенный вдруг обнаруживает, что он вовсе не повешен и что петля свободно двигается у него на шее. Сконфуженный палач под свист и ругань зрителей перевязывает веревку повыше, накидывает петлю на шею осужденного и через несколько секунд довершает свою работу. Реншоу мертв».

Однако самым мрачным эпизодом, в ряду себе подобных, стала казнь солдата Гейла в Джерси.

«К эшафоту его сопровождал его преподобие Г. Дю Хоум. Вместе они прочитали молитву, и приговоренный смело вступил на эшафот. Через минуту Гейл уже болтался в петле и умер бы, если бы палач, пытаясь унять конвульсии, не схватился за него. Под воздействием добавочного веса веревка не выдержала бы, но преступник коснулся ногами земли. Палач потянул тело в сторону, имея, видимо, в виду все-таки удавить жертву и, не достигнув желаемого этим способом, влез Гейлу на плечи. К вящему удивлению всех, кто присутствовал при этой ужасной сцене, несчастный все-таки поднялся на ноги с палачом на плечах и немедленно освободил пальцами петлю, стягивавшую его шею. Никакими словами нельзя описать возбуждение и ужас, охватившие зрителей. Шериф приказал принести другую веревку, однако вмешались зрители, и тот был вынужден согласиться повременить с исполнением приговора и дожидаться решения судьи... На имя королевы подали петицию, и Гейл был помилован».

Сложности возникали не только из-за несовершенной техники казни. Время, требуемое для того, чтобы повешенный испустил дух, разнилось в каждом отдельном случае. Известно немало сообщений патологоанатомов (к ним обычно доставляли тела казненных для вскрытия и научного исследования) о том, что у «трупов» еще несколько часов после того, как те были сняты с виселицы, продолжало биться сердце. Двое вообще вернулись к жизни. Одного из них воскресил в 1650 г. сэр Вильям Петти, профессор анатомии Оксфордского университета. Это была женщина, которая провисела на виселице полчаса и, говорят, после воскресения прожила еще 9 лет, при этом выйдя замуж и родив двоих детей (см. «Воскрешение после казни»).

Менее счастливый конец имела история, произошедшая с Робертом Гудейлом, которого приговорили к смерти за убийство собственной жены. Привести приговор в исполнение должен был в Норвиче небезызвестный Джеймс Берри. Вот как он описывает этот инцидент в своей автобиографии:

«В то время я работал над своей собственной таблицей высоты падения тела, основой для которой служила система мистера Марвуда. Гудейл весил 15 стоунов^[59], и по старой таблице высота падения его тела должна была составлять 7 футов и 8 дюймов, но поскольку преступник казался сухощавым, я даже сбросил два фута и таким образом уменьшил высоту падения до 5 футов 9 дюймов. Веревка, которой я собирался воспользоваться, была поставлена мне правительством, и я уже использовал ее семью днями раньше для казни Джона Вильямса в Херефорде. Трап был изготовлен по чертежам, предписанным правительством, и уже использовался ранее.

По сути все было в полном порядке, и я спокойно ожидал дня казни. Начальник тюрьмы, который особенно волновался о том, чтобы все прошло без сучка и задоринки, принял все возможные предосторожности, проверив трап в четверг утром и в субботу еще раз, уже в компании с инженером. Я не предвидел неожиданностей. Как всегда, я дернул рычаг, приговоренный упал, и все мы ужаснулись, увидев, что веревка взлетела вверх. Я сначала подумал, что с головы Гудейла соскочила петля или порвалась веревка. Но дело обстояло гораздо хуже: при рывке петля напрочь оторвала голову от тела, и они упали на дно ямы. Смерть, конечно, была мгновенной; бедняге не пришлось мучиться ни минуты, но в моей практике такого еще не было. Все пребывали в шоке и ужасе». Далее Берри с удовлетворением отмечает, что этот инцидент никоим образом не лег пятном на его репутацию. «И начальник тюрьмы, и тюремный врач подтвердили тот факт, что казнь была

проведена надлежащим образом».

Не следует думать, что подобные пугающие казусы остались в прошлом или что они происходили только в Британии. 22 апреля 1983 г. Джон Льюис Эванс, которого приговорили к смерти за убийство хозяина магазина во время вооруженного налета, был препровожден в тюрьму штата Алабама. Ему обрили голову, усадили на электрический стул, закрепили ремнями руки и ноги, подсоединили к голове и левой ноге электроды. Когда ток напряжением 1900 вольт пронзил его тело, из-под маски на лице Эванса вырвалась «огненная дуга», как описывали этот инцидент позже, из-под электрода на его ноге пошел дым, а ремень прогорел. Свидетели утверждали, что Эванс хватал ртом воздух, а врачи, осмотрев его, установили, что тот еще жив. Прогоревший ремень заменили и через пять минут пропустили ток через тело Эванса повторно. Все же приговоренный продолжал жить. Губернатору штата Джорджу Уоллесу была подана апелляция, требующая отменить казнь на том основании, что она превратилась в бесчеловечную пытку, что противоречило Конституции. Уоллес отказал, и с третьей попытки Эванс был, наконец, умерщвлен. В общей сложности его убивали целых 14 минут. Осмотр тела Эванса показал, что, будучи еще живым, он получил ожог четвертой степени на виске и второй степени на ноге.

Палачи Англии

*Привет вам, палачи старой Англии!
Как крепко вы стояли на земле,
Курили трубки под тайбернским деревом,
Пили кружками эль в Олд-Бейли
И вздергивали злодеев.*

(Из старинной баллады)

Можно относиться к балладе о палачах старой Англии по-разному, однако палачи заслужили того, чтобы рассказать о них отдельно, основываясь на сохранившихся о них отрывочных сведениях. Некоторых мы знаем только по имени, как, например, Булла, о котором известно лишь то, что он вешал преступников во времена Елизаветы I (1593). Имена других, таких как Джек Кети, стали нарицательными, а сам он, как становится ясным из имеющихся документов, был не лучше тех, кого вешал. Вокруг имени других, таких как Вильям Колкрафт, возникли легенды, да такие, что Колкрафт, человек с ярким характером, очень смутился бы, услышав их. О нем говорили, что в своей профессиональной деятельности он предпочитал небольшую высоту падения тела, чтобы иметь возможность вспрыгнуть на плечи еще живой жертвы и таким образом удушить ее. Некоторые из них, такие как, например, Джеймс Берри и Альберт Пиррпойнт, так резко изменили свои взгляды, что вынуждены были немедленно уйти в отставку, Берри – в 1892 г., а Пиррпойнт – в 1964 г. После окончания своей профессиональной карьеры оба стали убежденными сторонниками отмены смертной казни. Как говорил Берри:

«Мой опыт убедил меня в том, что мы никогда не станем цивилизованной нацией, пока в тюрьмах Англии вешают людей».

Эдвард Деннис

Палач Эдвард Деннис, по прозвищу «йомен с веревкой», состоял на этой должности в 70-х годах XVIII века и принял активное участие в мятеже Гордона. Мятеж возник на почве антикатолических настроений, но вскоре разнузданная толпа, почувствовав безнаказанность, забыла о католиках и кинулась грабить, разрушать и предаваться пьянству. В ходе

этих событий толпа, предводительствуемая Джеймсом Джексонем, сожгла Ньюгейтскую тюрьму. Ее сровняли с землей, и те ее узники, кто не погиб в огне или под ее обломками, оказались на свободе. Кроме того, были разрушены тюрьма Флит, Новая тюрьма в Саутуорке, тюрьма Королевской скамьи и исправительный дом в Суррее.

Когда мятеж подавили и почти всех из 2000 бежавших заключенных поймали и разместили по временным тюрьмам, 60 из них за участие в бунте приговорили к смертной казни. По иронии судьбы в числе этих 60-ти оказался Эдвард Деннис. После того, как городской совет олдерменов отказал Деннису в просьбе о том, чтобы его сын занял его место палача (предположительно на основании того, что в этом случае парню бы пришлось повесить собственного отца), «йомену с веревкой» отсрочили смертную казнь с тем, чтобы прежде он казнил 25 своих друзей-мятежников.

Казненный палач

В 1718 году, когда в Великобритании и Ирландии правил Георг I, Джон Прайс, бывший матрос и отъявленный негодяй, правил на эшафоте, будучи общественным палачом. Занимал он этот трон недолго; карьера и жизнь Прайса закончились, когда его преемник набросил на его шею петлю и отправил в небытие. Сохранились записи о том, что «божий свет он увидел в туманном пригороде Лондона и, подобно Меркурию, едва вылупившись из скорлупы, уже был вором. К пороку он был склонен до того, что сквернословил и чертыхался не меньше карточных игроков и, кроме того, имел непревзойденный талант лгать и обманывать».

В первый раз его приговорили к смерти в Челмсфорде, однако за него заступился его бывший хозяин, чье положение главного шерифа графства Эссекс позволяло ему сделать это, хотя Прайс явно не заслужил доброго к себе отношения. Исполнение приговора отложили.

По пути в Лондон Прайс попался на карманной краже; его бросили в Бристольскую тюрьму и высекли плетями.

Не с лучшей стороны показал себя Прайс и в море. Впервые ступив на палубу, он вскоре обнаружил, что жизнь на борту военного корабля не избавила его от соблазнов, поскольку здесь он взялся воровать что ни попадя у своих товарищей-матросов. Эту привычку не смогли выбить из него такие традиционные морские наказания, как порка у пушки размоченными в морской воде розгами и волочение на веревке за кормой

корабля. Когда корабль прибыл после двух лет плавания в Портсмут, на берег сошел отнюдь не исправившийся Прайс.

Преступная карьера Прайса на суше была немного удачней, чем на море. По крайней мере, попадаться он стал гораздо реже, но, в конце концов, прошли хорошие и наступили плохие времена, и после того, как его высекли, привязав к повозке, Прайс решил резко изменить свою жизнь женитьбой.

Его жена Бетти подрабатывала в Ньюгейтской тюрьме (где, вероятней всего, они и познакомились) в качестве «девочки на побегушках», то есть она выполняла поручения тех заключенных, которые имели деньги, чтобы оплатить ее услуги. Считается, что именно благодаря связям жены Прайс выбился в общественные палачи графства Миддлсекс.

Тем не менее новый палач, будучи человеком неустойчивым, не мог не вляпаться в какую-нибудь историю. Несмотря на приличный заработок (45 фунтов стерлингов в год) и деньги, выручаемые от продажи одежды казненных преступников, вскоре Прайс оказался в тюрьме Маршалси и лишился места палача.

Вышел Прайс из тюрьмы, не подозревая, что стоит на пороге гораздо больших неприятностей.

Однажды вечером, будучи немного навеселе, он возвращался домой и на поле Банхилл встретил старую женщину по имени Элизабет Уайт, жену ночного сторожа, которая занималась продажей пирожков на улицах города. Ни с того ни с сего Прайс набросился на нее, кулаком выбил глаз, сломал ногу и ударил ногой в живот. Когда он таким образом выместил на несчастной свою злобу, недалеко проходили двое мужчин, которые услышали крики и вопли и не побоялись пойти на них. Они вышли на распростертую на земле старуху и пришедшего в ярость от их появления Прайса. Так или иначе, они связали его и привели в сторожевой дом на Олд-стрит, откуда были посланы двое сторожей, чтобы принести с поля Элизабет Уайт. Несчастная скончалась через день во время хирургической операции.

И снова была Ньюгейтская тюрьма, и пришел наконец день, когда Прайсу пришлось распрощаться с этим миром. Это была суббота, 31 мая 1718 г. Пока его везли в повозке к месту казни, он несколько раз прикладывался к бутылке с джином. А казнить его должны были на поле Банхилл, где он совершил свое последнее преступление. Когда его подвезли к роковому дереву, священник обнаружил, что Прайс был совершенно невежественным в вопросах религии, и не стал себя долго утруждать разговором с ним. Так кончил свою жизнь палач Джон Прайс

(«Анналы Ньюгейта», Annals of Newgate).

Пен-форт-эт-дюр

Пен-форт-эт-дюр (peine fort et dure), или «смертельный прессинг», впервые появился в Англии в 1406 г., и хотя постепенно применение этого наказания почти прекратилось, официально его отменили только в 1772 г.

В Ньюгейтской тюрьме тюремный двор так и называли «пресс-ярд», кроме того комната, в которой чаще всего подвергались этой пытке заключенные, называлась «пресс-рум».

Процедура была настолько проста, насколько и жестока, о чем можно судить из самого текста судебного приговора:

Заключенного после суда возвратить в то место, откуда он был доставлен, и поместить в темную комнату, где положить его на спину. На нем не должно быть никакой одежды, кроме набедренной повязки. Затем возложить на него столько тяжелых грузов, сколько он может вынести, и даже больше. Кормить его только черствым хлебом и поить только водой, причем пусть он не пьет воды в тот день, когда ест, и не ест в тот день, когда пьет воду. И так поступать до тех пор, пока он не умрет.

Позже в эту процедуру внесли кое-какие изменения:

Заключенного после суда возвратить в то место, откуда он был доставлен, поместить в темную комнату с низким потолком, разложить его на голом полу, безо всякой подстилки, руки же его посредством веревок притянуть к углам камеры; то же сделать с ногами. Затем возложить на него столько тяжелых грузов, сколько он может вынести, и даже больше. Из пищи давать ему три куска ячменного хлеба ежедневно, воду же доставлять ему не проточную, а из какой-нибудь придорожной канавы...

Это наказание применялось сначала для того, чтобы заставить подозреваемого признать свою вину. Чтобы понять, зачем это делалось, нужно вспомнить, что в те времена судебное разбирательство начиналось только тогда, когда обвиняемый признавал себя или виновным или невиновным в инкриминируемом ему преступлении. Кроме того, тот факт, что имущество признанного виновным преступника поступало в казну государства, нередко заставлял его прикидываться немым, чтобы таким образом сохранить свою собственность для своих детей. Большинство

таких «неразговорчивых» узников заставляли говорить, применив к ним пен-форт-эт-дюр, однако есть свидетельства того, что отдельные из них умирали под пыткой, но не раскрывали рта, таким образом лишая Корону ее законной добычи.

В 1740 г. некоего Мэттью Райана судили за ограбление. Когда его арестовали, он прикинулся сумасшедшим, содрал с себя все одежды и разбросал по камере. Тюремщики так и не смогли заставить его одеться; в суде он появился в чем мать родила. Там он прикинулся глухонемым, не желая признавать себя виновным. Тогда судья повелел жюри присяжных обследовать его и сказать, был ли он сумасшедшим и глухонемым по воле «Божьей» или «по собственному умыслу». Приговор жюри был – «по собственному умыслу». Судья еще раз попытался разговаривать узника, однако тот никак не реагировал на обращенные к нему слова. Закон требовал применения пен-форт-эт-дюр, однако судья, пожалев упряма, отложил пытку на будущее, надеясь, что тот, посидев в камере и хорошенько подумав, образумится. Когда тот снова предстал перед судом, повторилось то же самое, и суд, наконец, вынес страшный приговор: применить «смертельный прессинг». Приговор привели в исполнение два дня спустя на базарной площади в Килкенни. Когда ему на грудь навалили грузы, он умолял повесить его, однако не во власти шерифа было что-либо изменить («Террифик Реджистер», Эдинбург, 1825).

Безмолвие по злему умыслу или отказ отвечать на вопросы суда

Девятнадцатый век стал свидетелем более просвещенного подхода к тем, кто отказывался отвечать на вопросы суда. Прежняя мотивация исчезла, и преступник прошлого века отказывался говорить и выказывал неуважение к суду, по невежеству считая, что отказ признать себя виновным избавит его от судебного разбирательства.

Теперь закон требует, чтобы жюри присяжных заседателей сначала решало, способен ли подсудимый признать себя виновным. Следующий пример наглядно показывает, как поступал суд в подобной ситуации в недавние времена.

Пятница, 8 ноября, 1912 г.

Стивен Титус (27 лет, портной) был обвинен в предумышленном убийстве Эстер Мэй Тауэре...

Обвинителями выступили мистер Бодкин и мистер Персеваль Кларк.

Преступник на вопрос, признает ли он себя виновным, ничего не ответил. Суд обязал жюри присяжных заседателей выяснить, действительно ли подсудимый отказывается отвечать на обвинение.

Сидней Реджинальд Дайер, главный врач Брикстонской тюрьмы:

«Этот заключенный находится под моим наблюдением с 28 сентября. Я не раз беседовал с ним, он понимал английский язык и вполне разумно отвечал на все мои вопросы. Я беседовал с ним вчера вечером, он был замкнут, но все же реагировал на мои слова. Я видел его сегодня перед тем, как его увезли в суд; он был все так же замкнут и угрюм и продолжает пребывать в этом состоянии и сейчас. Однако я знаю, что он все понимает и вполне способен ответить на выдвинутые против него обвинения, а также на вопросы прокурора и защиты».

Жюри признало, что подсудимый отказывается отвечать на обвинение по злему умыслу.

Судья Филлимор распорядился, чтобы слова «не признаю себя виновным» присутствовали в каждом обвинительном акте, и попросил мистера Уолда Бриггса представлять интересы обвиняемого («Документы центрального уголовного суда». Г. Уолпол и Компания).

Пикетинг

Это наказание применялось в английской армии, в частности в артиллерийских и кавалерийских подразделениях. Оно хорошо описано капитаном Фрэнсисом Гроузом в его «Военных древностях»^[60]:

В землю забивают длинный шест, преступнику велят встать на стул, поставленный рядом с шестом, привязывают его правую руку к крюку, вделанному в шест. Затем стул убирают, а вместо него ставят и вбивают в землю чурбан со скругленным тупым верхом и заставляют босую жертву стоять на нем. Хотя кожа остается неповрежденной, это «стояние» доставляет жертве непереносимые страдания.

Время, на которое жертву оставляли в этом мучительном положении, составляло 15 минут. Но этого было вполне достаточно, хотя в зависимости от тяжести проступка и садистского темперамента офицеров это время можно было и продлить. Однако иногда увечья, причинявшиеся ступне, были такими сильными, что солдат выбывал из строя, и пикетинг в конце концов отменили.

Плавучие тюрьмы

Эти отрывки взяты из исследования Генри Мэйхью и Джона Бинни, выдающихся социальных историков XIX века, опубликовавших в 1862 г. свою книгу «Уголовные тюрьмы Лондона».

История плавучих тюрем

Идея превращения отслуживших свой срок судов в тюрьмы возникла, когда перевозка осужденных в британские заокеанские владения стала невозможной вследствие разразившейся американской войны за независимость. Указ Георга III (19, Георг III, гл. 74) гласил:

«... в целях более сурового и действенного наказания наиболее жестоких и наглых преступников, постановляю, что отныне, с первого дня месяца июля 1779 г. любой преступник мужского пола, повинный в воровстве или в другом преступлении, за исключением мелкой кражи, за которые его надлежит по закону отправить в наши заморские владения, может быть законным образом осужден к отбыванию наказания на одном из судов, должным образом приспособленных для проживания и безопасности заключенных, коим вменяется в обязательный труд очистка от песка и наносного ила дна реки Темзы, равным образом как и любой другой реки, пригодной для плавания грузовых судов...»

«Юстиция», старый торговый корабль, курсировавший между Британией и Индией, а также «Цензор», военный фрегат, стали первыми в Англии плавучими тюрьмами. К январю 1841 г. в различных плавучих тюрьмах содержались уже 3552 заключенных. Некоторое представление о санитарном состоянии этих учреждений можно получить из доклада мистера Питера Босси, врача плавучей тюрьмы «Уорриор». В нем сообщается, что в 1841 г. из 638 заключенных, содержащихся на борту судна, в тюремной больнице побывало не менее 400 человек, 38 из которых умерли. В этот период в распоряжении британского правительства имелось не менее 11 судов, приспособленных под места заключения (включая находившиеся на Бермудах).

«... нам сообщил один из надсмотрщиков, служивший на тюремном судне, что он хорошо помнит, как не раз видел развешанные на снастях рубахи заключенных, на которых кишело столько паразитов, что рубахи эти казались посыпанными перцем; и что когда на борту судна впервые

разразилась эпидемия холеры, священник отказывался отпевать отдельных мертвецов, пока их не скапливалось на борту не менее полудюжины, только тогда гробы скопом свозили к болоту и погружали их по знаку священника, причем его преподобие не покидал корабля, боясь сопровождать тела умерших в последний путь».

Такого скандального положения дел далее терпеть стало невозможным. В правительственные учреждения от начальников плавучих тюрем посыпались доклады с требованием реформирования этой системы. Расшатыванию тюремной дисциплины в немалой мере служило то обстоятельство, что суда, вверенные попечению начальников тюрем, прогнили и не могли далее служить в нынешнем качестве. «„Уорриор“, – писал один из них, – прогнил и латан-перелатан настолько, что нет никакой возможности сказать, сколько еще он продержится на плаву. Следует перевести заключенных в более безопасное место содержания, поскольку бессмысленно ремонтировать подобное „корыто“. „Уорриор“ сгнил от мачты до киля».

И все же «Уорриор» продолжал использоваться в качестве плавучей тюрьмы, и заключенные продолжали подводить парусиновые пластыри под его пробоины, чтобы хоть как-то уберечься от все проникающей сырости. Корабль еще некоторое время стоял на якоре в доке Вулвича с 436 заключенными на борту, наблюдавшими, как рассыпается в труху их тюрьма.

Система плавучих тюрем подвергалась осуждению с момента ее возникновения до нынешних времен, застряв словно кость в горле всех без исключения реформаторов. Родившись первоначально в силу обстоятельств, эта система просуществовала еще почти столетия. Плавучие тюрьмы превратились в приемники самых отпетых преступников, собранных со всех сухопутных тюрем Соединенного Королевства, в ужасающий пример инертности правительства, его безразличия к судьбам заключенных и неверия в возможность их исправления.

Труд заключенных в Вулвиче

Этот труд обычно характеризовался словом «тяжелый», иначе говоря, не требовавший ни навыков, ни сообразительности, а только изнурительной работы... Начальники тюрем говорили, что заключенные выполняли главным образом работу, требовавшую больших физических

усилий. Например, грузили и разгружали суда, перемещали бревна или наводили порядок на кораблях. При Королевском арсенале, наряду с вышеперечисленными работами, они чистили орудия и добывали гравий для военных инженерных сооружений. Другое свидетельство (датированное 15 июля 1776 г.) дает ясное представление о порядках, царивших на плавучих тюрьмах почти за столетие до того, как Мэйхью и Бинни опубликовали свою книгу.

«Закон, предписывающий использование труда заключенных на реке Темзе, действительно суров, но надеемся все же, что он полезен и благотворителен. Их должно заставлять работать до изнеможения и кормить говяжьими голеньями, воловьими головами и другой грубой пищей; пить позволять только воду и изредка – пиво. Одеты заключенные должны быть в одинаковую грубую одежду, а посетителей к ним допускать только с разрешения тюремного начальства. Причем если кто-нибудь из визитеров передаст заключенному что-либо сверх положенного, должно этого визитера подвергнуть штрафу в размере 40 шиллингов. Все расходы на содержание заключенных несет правительство, а не власти графства, где находится тюрьма».

Первое судно, приспособленное для содержания заключенных, было переоборудовано согласно чертежу, одобренному Его Величеством. Это судно нельзя было назвать кораблем или тендером^[61]; оно не было таким широким, как лихтер^[62], и имело несколько тонн балласта. По левому борту планшир^[63] был значительно выше, чем у обычных лихтеров. По правому борту имелся настил в 3 фута шириной, достаточно широкий, чтобы пройти одному человеку, а также механизм, который назывался «дэвид» (или «дэвит»), с лебедкой для подъема балласта.

Часть судна в кормовой его части переоборудовали под спальные помещения для заключенных, а на опалубке возвели нечто вроде наблюдательной будки для надзирателей. По внешнему виду судно мало чем отличалось от обычного лихтера.

5 августа первая группа заключенных, скованных цепями по двое, взошла на борт судна, ставшего на якорь в 2 милях ниже устья Баркинг-Крика. Начальником этого нового Брайдуэлла^[64] правительством был назначен Дункан Кэмпбелл, эсквайр. Поведение заключенных, отбывавших срок на судне, было вполне терпимым. Пункт закона о плавучих тюрьмах, в котором говорилось о том, что при хорошем поведении срок заключения может быть сокращен, работал очень исправно. Впрочем, несколько заключенных, работавших около Вулвича, попытались было снять с себя

цепи и напасть на надзирателя, за что и были сурово наказаны поркой; тюремное же начальство позаботилось о том, чтобы сделать их пребывание на судне еще более нестерпимым и отрезать им все пути для побега.

Немного спустя 8 человек ухитрились проникнуть в оружейную комнату и захватить пистолеты. Они заперли надзирателей в трюме, а сами бежали на заранее приготовленной лодке.

Знаки и нашивки

Большую роль в поддержании дисциплины в плавучей тюрьме у Вулвича служили знаки, которые заключенные носили на левой руке, и нашивки на правой. Эти знаки были сделаны из черной кожи, окантованы красной тканью и имели белые и черные буквы и цифры.

«Мы приблизились к группе заключенных, развешавших на снастях белье для просушки. Все они имели на рукавах как знаки, так и нашивки. Мы осмотрели одного из них: цифра 7 означала, что этот человек приговорен судом к 7 годам каторжных работ; цифра 8 – что он находится на борту тюрьмы означенное число месяцев; буквы V.G.^[65] – что ведет он себя отлично. Знаки на рукаве другого заключенного существенно отличались от первого и говорили о том, что этот человек приговорен к 4 годам каторги, его поведение в течение последних 6 месяцев было хорошим, и находится он на судне 8 месяцев.

Ежемесячно знаки доставлялись в кабинет начальника тюрьмы, где претерпевали соответствующие изменения на основании еженедельных докладов надзирателей. Если заключенный не отличался примерным поведением, его знак изменяли, и он терял некоторые преимущества своего прежнего статуса. Три месяца примерного поведения давали заключенному право на ношение знака V.G. со всеми вытекавшими из этого преимуществами.

Первый заключенный, которого мы осмотрели, имел, кроме знака на левом рукаве, нашивки на правом: голубая означала, что он проходит второй этап каторжных работ, две красные – он является заключенным первого класса. Заключенные второго класса носили на рукаве одну красную нашивку, а третьего – ни одной».

Эта система различий обеспечивала справедливое обращение тюремных надзирателей с определенными категориями заключенных.

Тюремная пайка (на одного человека)

Завтрак: 12 унций^[66] хлеба 1 пинта^[67] пива

Обед: 6 унций мяса 1 фунт^[68] картофеля 9 унций хлеба

Ужин: 1 пинта овсяной каши 6 унций хлеба

Суповые дни

(понедельник, среда, пятница)

Обед

1 пинта супа 5 унций мяса 1 фунт картофеля 9 унций хлеба

Овсяная пайка

(выдается больным)

1 пинта овсяной каши 9 унций хлеба

Штрафная пайка

1 фунт хлеба в день Вода

Тюремное кладбище

«Мы вошли в низину, ничем не примечательную среди мрачной болотистой местности, заросшей сорной травой. Правда, в одном месте было едва заметно, что здесь недавно копали землю. Тяжелые свинцовые тучи плыли над нашими головами, накрапывал дождь. Нам казалось, что более мрачного места видеть нам еще не доводилось.

«Вот, – сказал начальник тюрьмы, – здесь мы их и хороним».

Невдалеке виднелся навес для скота, под которым коровы могли укрыться в плохую погоду, а дальше, между болотом и рекой, – возделанный участок земли. На могилах не было даже номеров или других знаков, они зарастали травой, и последняя из них, месячной давности, уже была едва заметна у наших ног. Через пару месяцев трава полностью скроет ее, и человека не было, как не было. Наверно, это хорошо, что забудутся имена этих несчастных, чьи кости лежат в этом жутком месте, но так или иначе мы смотрели на едва заметные холмики, пребывая в глубокой печали.

Существует старая легенда, дошедшая до наших дней. В ней говорится о маленьком бледно-синем цветке с пурпурными листьями. Называется он – *Rubrum Lamium*. Легенда гласит, что это нежный и скромный цветок вырастает только на могилах умерших преступников в знак прощения за их земные злодеяния».

Побивание камнями

Как самое подручное средство умерщвления, камень, вероятно, стал бы главным героем ненаписанной истории первобытного общества. Однако только иудеи сделали камень инструментом узаконенного убийства – главным образом за такие преступления, как богохульство и идолопоклонничество, а также за некоторые сексуальные преступления, такие как, например, супружеская измена. В Ветхом Завете есть немало мест, где поминается побивание камнями. Например, во Второзаконии (XVII, 2–5) есть предостережение:

«Если найдется среди тебя в каком-либо из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, дает тебе, мужчина или женщина, кто сделает зло перед очами Господа, Бога твоего, преступив завет Его; и пойдет, и станет служить другим богам, и поклонится им или солнцу, или луне, или всему воинству небесному, чего я не повелел; и тебе возвещено будет, и ты услышишь: то ты хорошо разыщи, и, если это точная правда, если сделана мерзость сия в Израиле, то выведи мужчину того, или женщину ту, которые сделали зло сие, к воротам твоим, и побей их камнями до смерти».

В 35 г. н. э. иудеи создали первого христианского мученика, когда побии камнями святого Стефана у ворот Иерусалимского храма. Стефан был обвинен членами синедриона (Высший иудейский суд, состоявший из 70 первосвященников и старейшин. Именно он приговорил к смерти Иисуса Христа) в том, что он свидетельствовал о том, что Христос – мессия, и что он воскрес (Деяния, VII, 54–59).

«Слушая сие, они рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами. Стефан же, будучи исполнен Духа Святого, возрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал:

– Вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога.

Но они, закричавши громким голосом, затыкали уши свои и единодушно устремились на него. И выведши за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла. И побивали камнями Стефана, который молился и говорил:

– Господи Иисусе! Прими дух мой».

За христиан в свою очередь рьяно взялись римляне и александрийцы, которые в последний год правления императора Филиппа побии камнями столько мучеников, сколько впоследствии хватило на несколько глав

«Книги о житие святых». Первой жертвой злобной толпы стал почтенный старик по имени Метрас, которого язычники пытались заставить поносить его Бога, и когда тот отказался, они избили его, засыпали глаза его тростниковыми щепками и побили камнями до смерти. Затем они схватили женщину по имени Квинта, которую повели в храм, где хотели заставить преклонить колени перед идолом. Она обратилась к ложному богу с такими словами презрения, что обозленная толпа выволокла ее из храма, высекла и побила камнями.

Во времена взаимных христианских распрей представители различных вероисповеданий использовали побивание камнями для искоренения «ереси». Во время гонений на протестантов в Пьемонте в XVII веке, как сообщает Генри Мур, была побита камнями Джудит Мандон, отказавшаяся перейти в католичество. Хотя в этом конкретном случае побивали палками, суть от этого не меняется:

«Ее привязали к столбу и забросали палками, как это раньше делалось во вторник на масленицу с петухами. После того, как они побили ее до синяков и поломали ей кости, один, последний кусок дерева, размозжил ей голову».

Хотя во многих развитых странах побивание камнями сменили более «цивилизованные» методы казни, есть еще, на пороге XXI века, страны, в которых побивание камнями является законным методом казни^[69]. Применение этого метода ограничивается пределами арабского мира и казнь эта – самая долгая и болезненная из всех существующих в сегодняшнем мире. Согласно статье 119 исламского уголовного кодекса Ирана, «...они не должны быть слишком большими, чтобы осужденный не умирал от одного или двух ударов; но они также не должны быть слишком малы, чтобы от них был толк». Следующее описание казни побиванием камнями взято из доклада Международной амнистии за 1989 г. «Когда государство убивает»:

«С грузовика свалили кучу камней и тогда привели двух женщин, одетых в белое и с мешками на голове. Их тут же закидали камнями, и их одежды из белых превратились в красные. Раненые женщины упали на землю, и тогда стражи революции размозжили их головы лопатой, чтобы окончательно убить».

26 ноября 1991 г. Фархаму Хиат изнасиловала банда вооруженных людей, ворвавшихся в ее дом в Карачи (Пакистан). Ей сказали, что она расплачивается за дружбу с лидером оппозиционной пакистанской партии миссис Беназир Бхутто. Предположительно банда действовала по заданию Ирфануллы Хан Марвата, зятя президента страны Исхак Хана. Миссис

Бхутто первой осудила это преступление и потребовала наказания преступников, а именно побивания их камнями (в мусульманском праве это наказание называется сансар – sansar). Следует добавить, что когда Беназир Бхутто стала премьер-министром Пакистана, она обратилась к президенту с просьбой смягчить приговоры всем тем, над кем нависла угроза вышеупомянутой жуткой казни, – а их число в ту пору составляло около 2000 человек, – на что и было получено одобрение. Похоже, что это тот самый ярко выраженный пример политики популизма, когда перейдя из стана оппозиции на сторону власти, отказываются от своих прежних убеждений.

Повешение

Смертная казнь через повешение появилась в Англии вместе с англосаксами, которые унаследовали этот метод умерщвления от своих германских предков. К тому времени, когда Генрих II учредил в XII веке суды и жюри присяжных заседателей, смертной казнью через повешение наказывались очень многие преступления. В средние века властью судить, приговаривать и вешать были уже облачены каждый город, каждый монастырь и каждый феодал.

Вплоть до нынешнего столетия смертная казнь осуществлялась крайне грубыми методами, при большом стечении народа и предварялась зачастую варварскими истязаниями. Такие изощренные методы смертной казни, как четвертование или волочение за лошадью, были очень популярны и собирали множество народа.

Однако, даже в лучшем случае, простое повешение было немногим безболезненнее медленного удушения жертвы, иногда длившегося часами, и актом милосердия можно считать то, что палач позволял родственникам или друзьям повешенного тянуть его за ноги, чтобы ускорить и облегчить ему смерть.

Публичные казни имели место по всей Британии, но самые печально знаменитые вершились на «тройной виселице», воздвигнутой в Тайберне специально для этой цели. Приговоренных к смерти преступников вели через весь Лондон из Ньюгейтской тюрьмы до места казни в Тайберне (недалеко от нынешней Марбл Арч).

Повешение в раннем средневековье

Церемония казни была настолько ужасна и сопровождалась таким множеством мрачных ритуалов, что у зрителей стыла в жилах кровь. Обреченного везли в открытой повозке в Тайберн уже с петлей на шее. Тут же рядом с ним везли гроб, а рядом шел священник, старавшийся получше подготовить его к уходу в мир иной. Для толпы этот день был праздничным. Люди стояли по всему маршруту следования печальной процессии, подбадривали осужденного, если он был популярным героем, и глумились над ним, если он был никому не известным преступником. В первом случае они славословили своего кумира, бросали ему цветы и подносили ему чашу святого Жилия^[70], требуя выпить ее до дна. В

последнем же случае несчастного забрасывали грязью и камнями, осыпая его оскорблениями. Самые нелепые сцены разыгрывались уже на эшафоте. Часто палач ругался с осужденным по поводу его одежды, которую считал своей законной добычей; последний же настаивал на том, чтобы ее раздали его товарищам. Время от времени веревка рвалась или высота падения тела оказывалась недостаточной, и Джеку Кетчу^[71] приходилось добавлять собственный вес, чтобы удушить жертву. Случалось, что между палачом и осужденным возникал конфликт по какому-нибудь незначительному поводу, и палач прибегал к силе, чтобы заставить преступника соблюдать процедуру. Приговоренным разрешалось произносить предсмертную речь, содержание которой тот начинал готовить и обсуждать с товарищами по несчастью еще в Ньюгейте, за несколько недель до великого дня.

Порядка и благопристойности в столице стало гораздо больше, когда Тайберн перестал быть местом публичных казней, а приговоренных начали вешать перед Ньюгейтской тюрьмой. Однако самые худшие черты старой системы сохранились. Как прежде, казни предшествовала мелодраматичная проповедь в часовне, увешанной черными полотнищами. На службу собиралось много желающих посмотреть на приговоренных, теснившихся на одной из скамей. Те же, в свою очередь, не могли оторвать глаз от гроба, стоявшего перед ними на столе. Перед виселицей, как и прежде, собиралась огромная волнуемая толпа, желавшая увидеть последний акт трагедии. Здесь же попадались зрители голубых кровей, например, любители жестоких зрелищ Джордж Сельвин и лорд Том Нодди, которые успевали роскошно позавтракать с начальником тюрьмы и за большие деньги получали возможность наблюдать казнь из окна напротив виселицы.

Толпа неистовствовала у Ньюгейтской тюрьмы подобно римлянам времен империи, ожидавшим на ступеньках амфитеатра начала кровавой гладиаторской бойни. Люди толкались, пытаясь пробиться поближе к эшафоту, падали на землю, некоторых затаптывали насмерть. Вокруг стоял гул множества голосов, тысячи луженых глоток извергали брань, и когда на эшафоте, на фоне утреннего неба, появлялись черные фигуры главных действующих лиц спектакля, воцарялась тишина. «Шляпы долой!» – этот выкрик отражался от стен домов и эхом разносился по площади. Далее все происходило быстро: петля на шею, поворот рычага, трап проваливался вниз, и вот уже тело несчастного качается на веревке («Ньюгейтская хроника», Артур Гриффитс, 1883, стр. 7–8).

Трагедия у стен Ньюгейтской тюрьмы

6 ноября 1802 г. мистер Джон Коул Стил, владелец магазина по продаже лавандовой воды на Кэтрин-стрит в Стрэнде, отправился в Бэдфонт, где у него была лавандовая плантация. Когда он не возвратился на следующий день, его друзья забеспокоились.

Тело Джона Стила нашли под кустом в канаве на пустоши Хаунслоу. Страшные раны на голове не оставляли никаких сомнений насчет причины его смерти.

По прошествии четырех лет после безвременной кончины Джона Стила в суде Олд-Бейли по обвинению в воровстве был осужден некий Бенджамин Хэнфилд, в соответствии с обычаем, отправленный на борт корабля-тюрьмы в Портсмуте. Здесь он заразился какой-то опасной болезнью и, находясь в бредовом состоянии, не переставал говорить о каком-то убийстве и требовать к себе судью. С Боу-стрит прибыл судебный пристав, и Хэнфилд поведал ему обстоятельства убийства, назвав при этом имена соучастников: Джона Холлоуэя и Оуэна Хэггерти.

9 февраля 1807 г. Холлоуэй и Хэггерти уже стояли перед Джозефом Моузером, эсквайром, судьей полицейского суда на Уоршип-стрит, который предъявил им обвинение в убийстве Джона Коула Стила на пустоши Хаунслоу. Хэнфилд, по его собственному признанию соучастник преступления, свидетельствовал против них в обмен на обещание о помиловании. Джон Холлоуэй и Оуэн Хэггерти были признаны виновными, и их казнь была назначена на следующий понедельник. В тот день у тюрьмы Ньюгейт собралась огромная толпа (по оценкам очевидцев, около 40 тысяч человек), желавшая присутствовать при этом зрелищном событии.

Что стало причиной давки, никто не ведает, но на мостовой осталось 36 трупов и бесчисленное множество раненых и покалеченных. Отчет об этой трагедии дает «Ньюгейтский календарь»:

«Толпа, собравшаяся, чтобы присутствовать при казни, не имела себе равных в прошлые годы и по самым скромным оценкам составляла 40 тысяч человек. Катастрофу, которая разразилась в результате такого скопления людей, будут помнить еще долго. К восьми часам утра вокруг эшафота не оставалось ни пяди свободного места. Толпа напирала так сильно, что еще до того, как привели преступников, многие кричали дурными голосами и предпринимали тщетные попытки выбраться из давки. Их крики только усугубили общую панику. Несколько женщин из низших классов, отважившиеся пролезть в толпу, оказались в отчаянном

положении, и крики их были ужасны. Некоторые из них упали под давлением огромного скопления людей и тут же были затоптаны. То же самое случилось с несколькими мужчинами и мальчишками. Над площадью стоял крик: „Убивают! Убивают!“ Исходил он по большей части от женщин и детей, но помощи им ждать было неоткуда – каждый был занят спасением собственной жизни.

Те, кто падал, уже не могли подняться. Мужчину по имени Хэррингтон, который привел с собой двенадцатилетнего сына, сбили с ног вместе с ним. Мальчика задавили насмерть, а отец весь в синяках и с переломами ног был доставлен, когда все улеглось, в больницу святого Варфоломея. Одна женщина, которая додумалась прихватить с собой грудного ребенка, погибла одной из первых. Падая, она сунула ребенка в руки какого-то мужчины, умоляя спасти его, однако тот, обнаружив, что ребенок мешает его собственному спасению, отбросил его прочь, но, к счастью, ребенок угодил в руки другого мужчины, который поступил тем же образом, отбросив его прочь. И опять ребенка поймал еще один мужчина, которому удалось пробиться к стоявшей на площади повозке и залезть под нее. Оба они спаслись.

В других местах давка была такой сильной, что люди гибли от удушья. Страшно было видеть огромную толпу, охваченную желанием во что бы то ни стало выжить. То тут, то там вспыхивали потасовки, и жертвами становились, как водится, слабые, а именно – женщины. Повозка, на которую влезло много людей, обрушилась, и из кучи живыми выбрались немногие. В тот час, пока преступники болтались на виселице, не было никакой возможности оказать помощь раненым, однако после того, как тела повешенных сняли, а виселицу отвезли во двор суда Олд-Бейли, полицейские очистили место трагедии от толпы и обнаружили, к своему ужасу, около сотни человек мертвых и находившихся в бессознательном состоянии. 27 мертвых тел были доставлены в больницу святого Варфоломея; 4 тела – в церковь Святого Погребения; 2 тела – в таверну напротив церкви святого Андрея в Холборне; тело подмастерья – его хозяину; тело мистера Бродвуда, мастера-фортепьянщика, – на площадь Голдэн-Сквер; тело мистера Харрисона, достойного джентльмена, – в его дом в Холлоуэе. Видели, как несчастная мать волокла домой тело своего погибшего сына. Здесь же нашли тело молодого матроса, задохнувшегося в толпе. При нем обнаружили небольшой мешок с хлебом и сыром. По-видимому, он пришел издалека только для того, чтобы увидеть казнь. После того, как убрали мертвых, умирающих и покалеченных, на площади собрали целую повозку башмаков, шляп, юбок и других предметов. Двери

больницы святого Варфоломея оставались закрытыми до тех пор, пока тела не раздели, не обмыли и не уложили в ряд в одной из палат на нижнем этаже, накрыв их простынями и подложив под голову снятую одежду. Лица погибших оставались открытыми.

Вдоль ряда тел поставили длинный барьер и только тогда запустили посетителей. До двух часов пополудни приемная больницы была заполнена матерями, оплакивавшими своих сыновей, женами, оплакивавшими мужей, сестрами, оплакивавшими братьев, и многими другими, оплакивавшими своих друзей и родственников.

На следующий день в больнице святого Варфоломея тела осмотрел коронер. Затем были опрошены несколько свидетелей трагедии.

Приговор был следующим:

„Несколько человек умерли в результате удушья или были задавлены“».

Научный подход

После того, как в 1868 году отменили публичную казнь и преступников начали вешать в пределах тюрем, была разработана новая техника казни, позволявшая преступнику быстро и относительно безболезненно переходить в мир иной.

Повешение стало настоящей наукой, учитывавшей соотношение между весом преступника и высотой падения тела, что потребовало от палачей дальнейшего совершенствования их мастерства. Одним из палачей-новаторов был Вильям Марвуд, государственный палач с 1874 по 1883 гг., который долго и много думал об усовершенствовании методов казни через повешение. Именно Марвуд развил метод, который стал позже известен под названием «лонг-дроп», учитывавший соотношение веса тела и высоты его падения. Марвуд добивался обрыва шейных позвонков, что приводило к мгновенной смерти жертвы, и не хотел удушья ее дедовскими методами. К сожалению, после Марвуда не осталось ни записок, ни автобиографических воспоминаний, и о его методе гуманного повешения мы узнаем от его преемника Джеймса Берри.

Метод Джеймса Берри

«Мой метод повешения на собственном опыте и на опыте моих предшественников. Кроме того, в своих выводах я руководствовался

предложениями врачей, поэтому мой метод – это результат коллективного труда.

Высота падения тела или дроб

Самое главное в нашем деле – найти подходящую высоту падения тела каждого индивидуального преступника, и это не так просто, как может показаться со стороны.

Необходимо, чтобы высота падения была достаточной для мгновенной и безболезненной смерти, которая наступает в результате разрыва шейных позвонков, а не от удушья. Однако она не должна превышать допустимого, поскольку в этом случае тело может быть повреждено. Если бы все убийцы, приговоренные к смерти на виселице, были одного веса и телосложения, можно бы было найти оптимальную высоту падения и применять ее в каждом случае. Однако известно, что люди разнятся и по весу, и по телосложению. В далекие времена палач просто надевал петлю на шею преступника, пропускал конец веревки через кольцо, установленное на столбе, и просто-напросто тянул за этот конец до тех пор, пока жертва не задыхалась. Разговора о высоте падения тела и быть не могло. Впоследствии родилась система дроба, однако его высота никогда не превышала трех футов, поэтому смерть наступала в результате удушья, а не разрыва позвонков, как сегодня.

Все наши палачи бездумно следовали этому правилу, пока государственным палачом не стал мистер Марвуд. Будучи добрым и гуманным человеком, он дал себе труд обдумать процесс повешения и пришел к выводу, что применявшийся тогда метод, хотя и надежный, не мог обеспечить быструю и легкую смерть преступника. В результате появилась система «лонг-дроб» с высотой падения тела до 10 футов. Я был немного знаком с мистером Марвудом до его смерти и в беседах с ним узнал очень много для себя полезного, поэтому когда мне впервые довелось вешать человека, а это было в Эдинбурге, я воспользовался его наставлениями. Преступников звали Роберт Викарс и Вильям Иннз, оба они были шахтерами и были приговорены к смертной казни за убийство двух лесников, охраняющих дичь. Они весили 10 стоунов^[72] 4 фунта и 9 стоунов 6 фунтов. Высоту падения я определил для них в 8 футов 4 дюйма и 10 футов соответственно. В обоих случаях смерть была мгновенной, о чем дал свое заключение тюремный врач. На этом опыте я и основываю свою таблицу соотношений веса и высоты падения. За основу я взял человека весом в 14 стоунов и высоту падения для него определил в 8 футов. Я подсчитал, что с уменьшением веса тела преступника на

полстоуна высота падения тела должна увеличиваться на 2 дюйма.

И все же бывали особые случаи. Например, мне не раз доводилось казнить преступников, ранее пытавшихся покончить жизнь самоубийством, перерезав себе горло. Чтобы раны не раскрылись, приходилось уменьшать высоту дропа почти наполовину. Опять же для тех, кто бывал тучен и имел слабые шейные мышцы и позвонки, я уменьшал друп на четверть или половину. Не сделай я этого, несомненно, одна, две или три головы отлетели бы напрочь. Хотя в моей практике один такой случай все-таки был. До 30 ноября 1885 г. я работал по старой таблице, но в тот день случилось нечто для меня ужасное, когда голова преступника Роберта Гудейла при повешении оторвалась от тела. После этого случая я переосмыслил весь процесс казни, в результате чего появилась приведенная выше таблица.

Веревка

Приспособления для приведения в исполнение смертного приговора очень просты. Главное из них – это веревка, которая должна отвечать определенными свойствами, чтобы обеспечить жертве быструю и безболезненную смерть.

Для успешной работы веревка должна быть прежде всего достаточно крепкой и мягкой. Кроме того, она должна быть по возможности тоньше, чтобы петля затягивалась свободно.

Перед моей первой казнью я тщательно обдумал вопрос о веревке, испытав и обследовав несколько ее типов, и остановился на той, какой пользуюсь и поныне. Она изготовлена из тончайшей индийской пеньки, а толщина ее составляет три четверти дюйма. Перед тем как использовать конкретный кусок веревки, я подвешиваю к ней мешок с песком, вес которого примерно равен весу приговоренного к смерти. Это предварительное испытание, кроме всего прочего, растягивает веревку и уменьшает ее толщину до 5/8 дюйма.

Веревка свита из пяти отдельных прядей, каждая из которых может выдержать одну тонну мертвого веса, поэтому испытание не ставит целью проверить веревку на прочность, а только улучшить перечисленные выше ее свойства.

Ходили слухи, будто я пользуюсь веревкой с проволокой внутри, однако это предположение до того нелепо, что я не упоминал о нем вообще, если бы очень многие не верили бы в это и если бы некоторые газеты не утверждали бы то же самое. Хочу прояснить этот вопрос. Веревка с проволокой внутри не обладает необходимыми свойствами, и я не думаю,

чтобы кто-нибудь из моих коллег рискнул бы ею воспользоваться. Сам я такой веревкой никогда не пользовался и смею утверждать, что ею не пользовались ни мистер Биннз, ни мистер Марвуд. Последний применял веревку сродни моей, а мистер Биннз – гораздо более толстую (около одного с четвертью дюйма в диаметре), изготовленную из более грубой пеньки.

До начала 1890 года я доставал веревки сам или получал их от правительства и пользовался каждым куском снова и снова. У меня была веревка, с помощью которой я отправил на тот свет 16 человек, кроме того, пять веревок я использовал по 12 раз. Они теперь хранятся в музее мадам Тюссо. В начале 1890 г. появилось новое правило: после казни веревку и одежду повешенного предписывалось сжигать (одежда прежде обычно доставалась палачу) сразу после казни. В Шотландии и Ирландии я пользуюсь веревками по несколько раз.

Длина моей веревки – 13 футов. На одном ее конце находится бронзовое кольцо диаметром в 1 дюйм, в которое я пропускаю другой конец и делаю петлю. Когда я надеваю петлю на шею преступника и затягиваю ее, кольцо должно находиться за левым ухом жертвы. От этого правила я никогда не отступаю. Это положение кольца имеет определенные преимущества и обеспечивает мгновенную и безболезненную смерть жертвы по трем причинам. Во-первых, оно содействует удушению, во-вторых, при этом положении кольца обрываются позвонки, что является самым существенным соображением, и, в-третьих, если третье вообще нужно после первых двух, в этом положении петля имеет обыкновение разрывать яремную вену, что уже само по себе может стать причиной мгновенной смерти.

Связывание жертвы

Приспособления для связывания жертвы так же просты, как и все остальное. Широкий кожаный пояс застегивается вокруг талии преступника. На поясе по бокам имеются два ремня в полтора дюйма шириной с крепкими стальными застегками. С помощью этих ремней локти преступника пристегиваются к поясу, а с помощью другого ремня, находящегося спереди, к нему пристегиваются запястья обеих рук. Ноги стягиваются под коленями отдельным ремнем шириной в 2 дюйма. Затем следует белый мешочек, который натягивают на голову жертвы, чтобы тот не мог видеть последних приготовлений к казни.

Эшафот

До последнего времени эшафоты, использовавшиеся в различных тюрьмах королевства, существенно отличались друг от друга по конструкции, которую, как правило, определяли местные власти. Однако в 1885 г. в инспекторском департаменте министерства внутренних дел подполковником Олтоном Бимишем был разработан оригинальный проект эшафота. Перед тем, как рекомендовать его для строительства, проект показали мне, и я не нашел в нем никаких существенных недостатков, а достоинства его стали известны в процессе эксплуатации. Из технического департамента министерства внутренних дел проект отправили администрации тюрем, в которых предполагалось воздвигнуть эшафот. С небольшими изменениями этот эшафот используется и по сей день. Предложение об одном усовершенствовании внес ваш покорный слуга. Я предложил заменить лестницу, ведущую на эшафот, пологими сходнями, потому что замечал ранее, как нервничали осужденные, поднимаясь на эшафот, и как ступеньки становились для них непреодолимым препятствием. Сходни были одобрены министерством внутренних дел, и впервые их установили 15 апреля 1890 г. на эшафоте в Киркдейлской тюрьме перед казнью Вильяма Чэдвика. Простое усовершенствование, но, как оказалось, очень полезное.

В большинстве тюрем страны сразу после использования эшафот разбирают и прячут до следующего случая, однако в Ньюгейтской, Вандсвотской, Ливерпульской и Стрэнджуэйской тюрьмах стоят постоянные эшафоты.

Основных составляющих эшафота немного. Прежде всего, это поперечная балка на столбе со вделанными в ее конец двумя крюками для веревки и трапа, состоящий из двух, открывающихся с помощью рычага, дверей, расположенных на уровне пола, под которыми находится глубокая яма с кирпичными стенами.

Эшафот, как таковой, долго занимал изобретательные умы жителей королевства, пока в конце концов правительством не было определено его детальное устройство. Итак, его главной действующей частью были две массивные дубовые створки, заключенные в дубовую раму вровень с полом. Под створками находилась глубокая, выложенная кирпичом яма. Из схемы видно, что створки, обозначенные на ней буквами АА и ВВ, имели под собой три длинные крепкие железные завесы ССС, концы которых покоились на железном бруске ЕЕ с прорезями ННН. Брус свободно двигался на трех прочных, закрепленных в раме, скобах FFF. При подаче рычага D в направлении стрелки концы завес свободно проскакивали в прорези, и створки падали. Это устройство зарекомендовало себя самым

лучшим образом, поскольку тонкости процедуры требовали, чтобы обе створки обязательно падали одновременно. Их большой вес (а сделаны они были из дубовых досок толщиной в три дюйма) обеспечивал резкое падение, даже если на них не стоял преступник» («Как я был палачом»).

Нынешние времена

Джеймс Берри описал техническую сторону казни через повешение, которая почти не изменилась с конца прошлого века по 1964 г., когда в Англии были повешены последние два преступника. Следующий отрывок взят из меморандума министерства внутренних дел, направленного в Королевскую комиссию, созданную в 1948 г. для изучения вопроса ограниченного применения смертной казни и улучшения содержания приговоренных преступников в дни, предшествующие экзекуции:

«Сразу после возвращения приговоренного из суда его помещают в специальную камеру смертников. У камеры постоянно дежурят два надзирателя. Осужденному по желанию предоставляются карты, шахматы или домино; надзирателям же разрешено составить ему компанию, что они неизменно и делают. Осужденный обеспечивается также книгами и газетами. Пищу ему приносят из главной тюремной кухни, кроме того, ему положены пинта пива и десять сигарет или унция табака в день. Ему разрешено курить в камере.

Обычно начальник тюрьмы, врач и главный надзиратель навещают смертника два раза в день. Капеллан или священник другого вероисповедания всегда имеют свободный доступ в камеру смертника. Его могут навещать друзья, родственники или адвокаты, имеющие на это разрешение тюремной администрации. Кроме того, заключенный имеет письменные принадлежности и бумагу для писем.

Палач и его помощник прибывают в тюрьму в 4 часа пополудни в день, предшествующий казни, и им не позволено покидать ее до приведения приговора в исполнение. Они испытывают действие трапа, подвешивают к веревке мешок с песком и оставляют его висеть на всю ночь для того, чтобы она вытянулась.

Утром в день казни священник проводит со смертником последний час и сопровождает его к месту казни. За двадцать минут до экзекуции в тюрьму прибывает шериф или, что случается чаще, его заместитель и за несколько минут до начала казни вместе с начальником тюрьмы и тюремным врачом направляются к месту казни. Тем временем палач, его

помощник, главный надзиратель и охранник, который должен сопровождать смертника до места казни, заходят в камеру, и палач связывает руки приговоренного за спиной. В камеру смерти его сопровождают главный надзиратель и охранник. Шериф и начальник тюрьмы заходят в камеру через отдельную дверь. Как только все в сборе, приговоренного ставят на трап так, чтобы ноги находились на разных створках. Палач надевает на голову жертвы белый мешочек, а на его шею – петлю. Помощник палача тем временем связывает преступнику ноги. Когда палач видит, что все готово к казни, он дергает за рычаг.

Сразу же к казненному подходит тюремный врач и устанавливает его смерть. Камеру запирают, и тело висит в ней в течение часа. Сразу же после этого проводится дознание, в обеденные часы казненного хоронят на тюремном кладбище, священник читает заупокойную молитву и тюремная администрация может вздохнуть с облегчением».

Повешение на рее

Этот вид казни применялся по понятным соображениям исключительно во флоте и отличался от обыкновенной казни через повешение только тем, что повешенному приходилось болтаться не на виселице, а на поперечной рее, к которой крепился парус.

Следующий эпизод взят из одного из номеров «Ньюгейтского календаря» за 1926 год. Казнь имела место в ноябре 1812 г.

Казнь лейтенанта Гэмиджа на борту «Гриффона»

Этот несчастный молодой офицер стал жертвой своей неуправляемой ярости. Он отдал приказ сержанту, выполнение которого тот посчитал несовместимым со своим рангом. Кроме того, ответы его были дерзки и оскорбительны. Лейтенант пришел в ярость, кинулся в свою каюту, схватил свой кортик, возвратился к сержанту и заколол его прямо в сердце. За это преступление военный трибунал приговорил лейтенанта к смертной казни через повешение.

Казнь состоялась на борту военного шлюпа «Гриффон». Гэмидж встретил свою судьбу мужественно и стойко. В 8 часов утра к нему пришел священник и находился с приговоренным до половины девятого, когда за лейтенантом пришли, чтобы отвести к месту казни. Первым шел священник, за ним – Гэмидж со своими друзьями-офицерами по обе стороны, процессию замыкала компания других офицеров. Все, кто присутствовал при этом, были глубоко и искренне тронуты несчастливой судьбой молодого джентльмена, и в особенности корабельная команда. К «Гриффону» пришли шлюпки с других кораблей, и все, кто поднимался на борт, сочувствовали Гэмиджу. «Боже, прими его душу», – несло со всех сторон. Гэмидж кланялся и благодарил моряков, глубоко тронутый сочувствием, которое он у них вызывал. Он обратился к команде своего шлюпа, предостерегая их от опрометчивых и импульсивных поступков. На платформе он помолился вместе со священником и точно в 10 часов, после выстрела корабельной пушки, был вздернут на рее под выкрики моряков: «Боже, благослови его и прими его душу». Он мучился недолго и немного.

Тело лейтенанта доставили на берег в 2 часа пополудни, где передали для захоронения Перреру Даунеру, эсквайру, начальнику военно-морского госпиталя, который вместе с несколькими морскими и армейскими

офицерами препроводил останки Гэмиджа на госпитальное кладбище, где тот и был похоронен. На похоронах присутствовали генерал Троллоп, а также офицеры и матросы с «Гриффона», весь вид которых говорил о том, что они сожалеют о безвременной смерти Гэмиджа.

Повешение на цепях

*...но они убили его, они
Убили его за то, что он грабил почту,
И повесили на цепях, дабы видели все.*

(Альфред, лорд Теннисон, «Ризпа»)^[73]

Наряду с казнью через повешение, о которой можно сказать, что она стара как мир, возник обычай вывешивать тела казненных для всеобщего обозрения и устрашения.

Из словаря, составленного архиепископом Элфриком в X веке, а также из раннесредневековых манускриптов мы узнаем о том, что казнь через повешение была самым обычным видом казни в Англии во времена, предшествовавшие Норманнскому завоеванию, и англосаксы не упускали случая вздернуть преступника на виселице, которую называли гальга (galga). Несомненно то, что они, подобно древним римлянам, которые оставляли тела казненных на виселице для устрашения (in terrorem), поступали точно так же.

В бесчисленных законах, касавшихся отправления правосудия, от Первого Вестминстерского кодекса, составленного в 1277 г., до законов, изданных Георгом II в 1752 г., нет ни единого слова о повешении тел казненных преступников в цепях. В «Истории Гертфордшира» мы читаем:

«Вскоре после того, как король прибыл в Истхэмпстед, чтобы поохотиться за дикими зверями, он узнал, что в здешних местах повешенных после казни снимают с виселицы и увозят подальше, где и хоронят; король (Ричард II) был очень зол и 3-го дня месяца августа 1381 года предписал бейлифам города приказать выковать железные цепи и подвешивать ими злодеев на виселице, где они были казнены; и висеть злодеи должны были до тех пор, пока с них не начнет сползать плоть, а жителям терпеть зловоние».

Во время второго северного восстания в 1536 г. герцог Норфолкский приказал повесить и четвертовать (обычное наказание за государственную измену) в Карлисле 74 человека, однако тела сэра Роберта Констабла и Эша, как особо опасных преступников, повесили на цепях; одного – в Гулле, а другого – в Йорке.

Многочисленные упоминания о виселицах позора в произведениях

Шекспира говорят о том, что в его время вывешивание тел казненных преступников для устрашения населения было делом обычным.

В Шотландии в 1774 г. лорд Дрегхорн писал: «Впервые повесили на цепях в марте 1637 г. тело Макгрегора, казненного за воровство, разбой и убийства; и приговорили висеть ему до тех пор, пока труп его не разложится».

Из приходских книг регистрации рождений и смертей города Борна в графстве Кембриджшир мы узнаем, что Ричард Фостер, его жена и ребенок были похоронены в среду на Масленицу 1671 года. Всех троих убил в предшествующее воскресенье негодяй по имени Джордж Аткинс. Ему удалось в течение 7 лет скрываться от правосудия, но в конце концов его поймали, вздернули на виселице и повесили на цепях на Кэкстонском общественном выгоне близ Борна.

В 1674 г. за убийство Генри Миллера был казнен печально знаменитый грабитель с большой дороги Томас Джексон. Его тело повесили на цепях между двумя вязами на Хэмпстедской пустоши. Один из вязов потом еще долго называли «висельным деревом» (Gallows Tree).

В 1690 г. некий Вильям Барвик, прогуливаясь с женой в окрестностях деревеньки Кэвуд, что в нескольких милях к югу от Йорка, столкнул жену в озеро, утопил, вытащил на берег и тут же закопал в землю. Однако его шурин заподозрил неладное, стал доводить расспросами соседей и самого Барвика, который в конце концов во всем сознался. Преступника должным образом судили, приговорили к смертной казни, повесили в Йорке, а затем на цепях на берегу злополучного озера. Самое интересное в этой истории то, что шурин Барвика предпринял индивидуальное расследование после того, как к нему среди бела дня явился дух сестры в мокрых одеяниях.

Для иллюстрации того, как много было виселиц позора в самом Лондоне и его окрестностях в XVIII веке, приведу следующее:

Эдвард Тул – казнен на общественном выгоне Финчли в 1700 г., после чего повешен в цепях.

Майкл фон Бергем — казнен возле пивоварни в июне 1700 г. и повешен в цепях на дороге между Майл-Эндром и Боу.

Вильям Фелби – казнен близ Фулхэма в августе 1707 г. и там же повешен в цепях.

Германн Брайан — казнен на Сент-Джеймс-стрит в октябре 1707 г. и повешен в цепях у Эктонского гравийного карьера.

Ричард Кил и Вильям Лоутер — казнены на Клеркенуэлском лугу в 1713 г. и повешены в цепях в Холлоуэе.

Джон Томкинс – казнен в Тайберне в феврале 1717 г. вместе с 14

другими преступниками и повешен в цепях.

Джозеф Стилл — казнен на Стэмфордхиллской дороге и повешен в цепях на Кингслэндской дороге.

Джон Прайс — казнен в Банхилл-Филдз в 1717 г. и повешен в цепях близ Холлоуэя.

В 1742 г. Джон Бридс, мясник из города Рай воспылил лютой ненавистью к мистеру Томасу Лэмбу из того же города и, как говорится в древнем законе о государственной измене, «замыслил, выносил и совершил смертоубийство». Его судили, признали виновным, приговорили к смерти на виселице и повешению на цепях. Для этой цели на болоте, расположенном у западной окраины города, соорудили виселицу (это болото потом стали называть «висельным болотом»). Тело Бридса болталось на ней несколько лет, пока не упало на землю. В петле остался только череп. Только после этого муниципалитет города велел вывезти с болота виселицу и цепи.

В XVIII веке за особо зверские убийства судья мог велеть повесить тело казненного на цепях на месте, где было совершено преступление, однако кодекс уголовных законов такого наказания не предусматривал. В указе короля Георга II от 1752 г. повешение в цепях впервые получило законный статус, по которому тело преступника после того, как приговор приводился в исполнение, передавалось хирургам для вскрытия и анатомирования. А уже затем судья мог приказать повесить его на цепях. Закон строго запрещал хоронить тело до вскрытия. Можно добавить, что перспектива быть повешенным в цепях пугала и удручала преступников, и многие сильные мужчины, бесстрашно выслушав смертный приговор, теряли самообладание и ломались, когда с них снимали мерку для «железного костюма», в котором ему предстояло провисеть не один месяц.

Знаменитый бандит с большой дороги Джон Уитфилд был казнен и повешен в «железном костюме» близ Уэтерала (Камберленд) в 1777 г. Рассказывают, что когда его повесили, он был еще жив, и охранник, проезжавший мимо почтовой кареты, пристрелил его, избавив таким образом от мучений. Позже одного сержанта разжаловали в рядовые за то, что тот выстрелил в висевшее на цепях на Уимблдонском общественном выгоне тело знаменитого разбойника Джерри Эбершоу. В 1808 г. в Линкольне был повешен человек по имени Томас Оттер, убивший свою сожительницу. А дело было так: когда Оттер отправился в соседнее графство Ноттингемшир, где жила его семья, сожительница последовала за ним. На границе графств, раздраженный слезкой, Оттер накинулся на нее как дикий зверь, зарезал и бросил тело в дренажную канаву, разделявшую

графства. Его казнили и повесили на цепях на том месте, где он совершил преступление. По прошествии некоторого времени в верхней части крепления, в котором была зажата голова Оттера, свили гнездо и высидели птенцов две синицы. По этому поводу местный поэт сочинил следующую загадку:

10 языков в одной голове.
9 живых, а один мертвый.
1 улетел за пищей,
Чтобы накормить живых в мертвеце.
(Ответ: синица, свившая гнездо
в голове Тома Оттера.)

Последним, кого повесили на цепях, был человек по имени Кук, переплетчик книг, который в Лейчестере убил мистера Пааса железной ручкой своего пресса. В 1834 году его приговорили к смерти, тело же его надлежало повесить на цепях на Сэффронской дороге, за пределами города, что и было исполнено. В том же году повешение на цепях было упразднено указом короля Вильяма IV.

Ниже приводится отрывок из повести «Жизнь, путешествия и замечательные приключения Амброза Гуинетта», написанной Исааком Биккерстаффом, в которой рассказывается о том, как герой был ложно обвинен в убийстве и приговорен к смертной казни.

«... Состоялась выездная сессия суда, все обстоятельства дела свидетельствовали не в мою пользу. По приговору меня должны были через две недели отвести в город Диль и повесить там перед дверями трактира, в котором я, якобы, совершил злодеяние. Затем мое тело должны были вывесить на цепях недалеко от дома моего зятя.

Ничто не могло поддержать меня после вынесения приговора, кроме сознания моей невиновности в совершении того, что мне вменялось в вину.

И вот наступил последний понедельник перед тем роковым днем, когда смерть положит конец моим страданиям. Меня вывели в тюремный дворик, и, признаюсь, я был несказанно удивлен, когда узнал, что сделали это для того, чтобы снять с меня мерку для оков. Здесь уже находился мой товарищ по несчастью, ограбивший почтовую карету, и кузнец обмерял его конечности. Тюремщик, стоявший поодаль, спокойно и обстоятельно, так, будто заказывал корсет для своей дочери, давал ему указания по части того, какими крепкими должны быть кандалы, поскольку осужденный отличался

большим ростом и плотностью телосложения.

Время, отделявшее меня от дня моей казни, провел я в размышлениях и молитвах. Наконец наступила среда.

В 6 часов утра меня посадили в телегу и повезли к месту казни. Наверное, еще никогда в этих местах не выдавался такой ужасный день, ветреный и дождливый. Гром гремел по всему пути следования. Когда мы прибыли в Диль, погода разбушевалась совсем не на шутку и ветер едва не валил с лошадей вымокших до нитки шерифа и его подручных. Но что до меня, то мой разум (благодарения Господу) за время ожидания неотвратимого конца стал безучастным ко всему, что творилось вокруг. Я слышал, как шериф сказал палачу, чтобы тот не мешкал и без лишних слов вздернул меня как колоду.

Я не помню, что ощущал, когда болтался в петле. Но как только меня повесили, перед моим взором мелькнула вспышка света. Сколько времени находился в забвении, я тоже не помню, а то, о чем хочу поведать вам сейчас, узнал уже позже от моего зятя, который прибыл на место казни спустя полчаса после того, как меня вздернули. Когда шериф и его люди удалились, палач снял меня с виселицы, но тут случилось так, что заготовленные для меня кандалы оказались велики. По всей видимости, они предназначались для того великана, которого я видел в тюремном дворике. Палач и его помощник вышли из положения, напихав тряпок между кольцами и телом. Затем они отвезли меня на место, где, согласно приговору, должно быть вывешено мое тело.

Кусок ткани, прикрывавший мое лицо, был привязан довольно-таки небрежно. Сильный ветер, раскачивавший меня, вскоре сорвал его и, дуя мне в лицо, содействовал моему возвращению к жизни. Так или иначе, я пришел в себя и к осознанию своего ужасного положения.

Несомненно, для меня явилось благоприятным то обстоятельство, что чувства мои были притуплены и я едва соображал, что творится вокруг. Однако некоторые смутные воспоминания о том, что произошло далее, у меня сохранились.

Виселица была установлена на краю общественного выгона, и случилось так, что мальчишка, который пас коров, прогоняя их мимо, остановился, чтобы взглянуть на печальное зрелище. Он обратил внимание, что кусок ткани, прикрывавший лицо, сорвало ветром, и в этот момент я открыл глаза и задвигал челюстью. Напуганный пастушок сразу же помчался в деревню и сообщил об увиденном своему хозяину и моему зятю. Конечно, те не сразу поверили рассказу, но, тем не менее, мой зять пошел взглянуть на тело, а к тому времени я ожил настолько, что мои

стоны уже были слышны на довольноном удалении.

Уже смеркалось, когда они принесли лестницу и один из слуг влез на нее, чтобы послушать мое сердце. Снять меня, не спилив виселицу, оказалось делом невозможным, поэтому принесли пилу и менее чем через полчаса меня доставили в дом сестры, пустили кровь и уложили в теплую постель.

Может показаться удивительным, но никто из восьми человек, посвященных в тайну моего воскрешения, не проговорился о ней, пока я в течение трех дней отлеживался в доме моего зятя...

...Теперь, после того, как я самым чудесным образом избежал неминуемой смерти, следовало подумать о том, как распорядиться в дальнейшем своей жизнью. В Англии оставаться я не мог, ибо велик был риск снова угодить в лапы правосудия. И тут помог случай.

В доме зятя жили и столовались офицеры торгового капера, который как раз готовился к долгому плаванию. Его капитан предложил мне отправиться вместе с ними. Как вы догадываетесь, заставляя себя упрашивать я не стал и, снабженный всем необходимым моими родственниками и получив от них напутствие удачи, взошел на борт капера в качестве помощника стюарда...»

(Далее следует рассказ о путешествии в Вест-Индию, где герой попал в плен к испанцам, среди которых оказался якобы убитый им мистер Коллинз. Они сговорились вернуться в Англию вместе, но Амброз попал в руки пиратов, с которыми пережил множество удивительных приключений, пока снова не был пленен испанцами, засадившими его на галеры. Позже его продали в рабство пираты-мавры, но, в конце концов, после многих злоключений он вернулся в Англию.)

Погребение заживо

Можно подумать, что такая ужасная смерть, как погребение заживо, имеет длинную историю, однако как в исторической, так и в криминологической литературе упоминания об этом виде казни встречаются крайне редко. Один очень уважаемый автор утверждает, что «кроме диких народов мало кто практиковал такой вид казни» (Скотт «История пытки») и далее: «... из имеющихся источников нельзя с достоверностью установить, как именно осуществлялась подобная казнь».

Кое-какие сведения можно почерпнуть из трактата «Криминальное право всех времен», изданного Музеем средневекового криминального права^[74] (Германия), в котором высказывается предположение о том, что по крайней мере в Германии этот вид казни применялся в отношении мужчин и женщин, признанных виновными в сексуальных извращениях.

«Живого, связанного преступника клали в яму, вырытую рядом с виселицей, и засыпали землей. Для того, чтобы осужденный не мог выбраться наружу, клали его лицом вниз, как самоубийцу, а после того, как засыпали землей, заваливали могилу ветками колючего кустарника. Иногда осужденного клали на спину, сунув в рот его трубку, конечно же, не курительную и вовсе не для того, чтобы он мог дышать, а для того, чтобы дать возможность душе беспрепятственно покинуть тело. Эту трубку так и называли «трубка души». Кроме того, иногда после погребения жертвы в могилу загоняли кол, да так глубоко, чтобы тот мог проткнуть осужденного».

По немногочисленным свидетельствам, погребение заживо практиковалось и во Франции. В своей книге «Манеры, обычаи и одежда в средние века» Поль Лякруа сообщает о том, что в 1460 г. к погребению заживо приговорили воровку по имени Перетта, а еще раньше, в XIII столетии, сестра губернатора Ле Вера по имени Эмерик за неизвестное преступление была приговорена к смерти в могиле и засыпана камнями.

«Можно с уверенностью сказать, что никакая иная судьба не уготовила человеку столь безысходные телесные и душевные муки, как погребение заживо. Невыносимое стеснение в груди, удушливые испарения сырой земли, холодные объятия савана, давящая теснота последнего жилища, мрак беспросветной Ночи, безмолвие, словно в пучине моря, незримое, но осязаемое присутствие Червя-Победителя» (Эдгар Аллан По, «Погребенные заживо», 1884).

Позорные знаки

Этот вид наказания заключался в ношении на шее всевозможных предметов, делавших из преступника всеобщее посмешище. Знаки позора вешали на шею правонарушителей во всем мире, однако лучше всего нам расскажут о них сведения, дошедшие до нашего времени из Китая и Европы. Прослеживается очевидная связь между знаками позора, которые преступники носили на шее, и маской позора, колодками или позорным столбом.

Канга

Кангу использовали в Китае для наказания за мелкие преступления. Ее называли также ча (tcha), кеа (kea) и кьян хао (kian hao).

Это большая толстая доска шириной в 4 или 5 ладоней с выдолбленным посередине отверстием. Ее надевают на шею человеку, а к ней прикрепляют два листа бумаги, на одном из которых перечислены его преступления, на другом – наказания, которые тот должен понести. Каждое утро его выводят с доской на шее в самые людные места, где он подвергается насмешкам публики. Иногда это наказание в зависимости от тяжести преступления длится до 30 дней и усугубляется тем, что человек не может снять доску ни днем, ни ночью («История Китая» Ф. Альварес Семедо, Лондон, 1655)^[75].

Большая опасность для преступника таится в размерах доски, которые не позволяют ему ни есть пищу, ни пить воду самостоятельно. Если у него нет семьи или друзей, к тому времени, когда истечет срок его наказания, он может просто умереть от голода и жажды.

Доска позора

В Европе имел большое хождение европейский аналог канги – доска позора, на которой обычно писались имя, адрес преступника, а также совершенное им преступление.

Наказание ношением позорной доски иногда сопутствовало наказанию у позорного столба. За лень и праздность наказывали не только ношением на шее доски позора, но и для пущего унижения – дурацкого колпака на

голове, а для женщин, одевавшихся недостаточно скромно, предназначалась особая доска в форме круглого воротника.

Скрипка

Этот вид наказания имел множество разновидностей и использовался в средние века для наказания сварливых женщин, нарушивших общественный покой. Эта доска действительно похожа на скрипку (иногда для пущего эффекта ее покрывали резьбой или расписывали красками). Скрипка имела отверстие для шеи и рук, петли и висячий замок. Кроме того, для наказания женщин, учинивших скандал в общественном месте, использовалась парная скрипка, замкнутые в которой обе они могли долго находиться в обществе друг друга. Ношение на шее скрипки было для женщин частью наказания у позорного столба.

Позорная флейта

Этот знак позора, представлявший собой огромную и тяжелую копию какого-нибудь музыкального инструмента с закрывавшимся на замок ошейником, носили на публике музыканты, имевшие обыкновение безбожно фальшивить.

Четки

В прежние времена присутствие на воскресной службе в церкви являлось обязательным, а поскольку каждый прихожанин садился на свое место, уклонившегося от посещения богослужений легко было заметить. Тех, кто отсутствовал на своей скамье без уважительной причины, обязывали носить на шее огромные четки за несколько часов до начала службы и во время оной. Нарушитель становился рядом с кафедрой, чтобы все могли его видеть. Это наказание распространялось также на тех, кто засыпал во время проповеди.

Плутовская цепь

Плутовская цепь была сродни четкам, только носили ее в качестве наказания те, кого уличили в мошенничестве при игре в карты или игральные кости. Она представляла собой нечто вроде ожерелья с

нанизанными на него тяжелыми деревянными подобиями карт и костей.

Позорный камень

Этот обычай наказывать клеветников ношением на людях тяжелого камня родился очень давно. В Германии со временем это наказание распространилось на тех, кто совершал другие преступления. Ношением камня на шее наказывали также за супружескую неверность, богохульство, обман, сквернословие и воровство. В местных названиях камня отразился позорный аспект наказания: bagstein (камень для скандалиста); lasterstein (камень для клеветника); kakstein или schandstein (позорный камень). Позорный камень вешали на шею преступнику и заставляли пройти определенное расстояние, и если тот останавливался и опускал камень на землю, чтобы передохнуть, ему определяли еще большее наказание.

Позорный столб

Выставление преступников на посмешище толпы – один из самых древнейших и действенных видов наказания. Как и другие методы наказания, прошедшие долгую эволюцию в веках, наказание стыдом имеет много форм и вариантов, многие из которых упомянуты в этой книге: маска позора, доска позора, мантия позора, которые преступник обязан был носить в людных местах, подвергаясь насмешкам и издевательствам толпы. Брэнк надевали на языкастых, сварливых и шумных женщин, нарушавших покой соседей, а часы, проведенные в колодках, надолго отучали преступников от дальнейшего совершения правонарушений. Однако самым популярным и распространенным методом наказания стыдом был позорный столб, и хотя иногда этому наказанию сопутствовала порка, насмешки сограждан были самым действенным средством отвращения преступников от совершения каких бы то ни было проступков в будущем.

Позорный столб был в Древней Греции и в Древнем Риме, а в Англии он появился задолго до завоевания ее норманнами. Англосаксы называли его heal-fang (растягиватель шеи) еще в VII веке нашей эры. Самой ранней формой этого наказания был обыкновенный столб, обычно установленный на пересечении дорог по приказу хозяина манора^[76]. К столбу крепилась цепь, а к цепи – железный ошейник, одевавшийся на преступника. Подобное наказание сохранилось в Шотландии до новых времен и называлось здесь джуга. По мере развития этого вида наказания ошейник с цепью заменили на 2 доски с отверстиями для рук и головы, которые устанавливались горизонтально на вершине столба, ставшего гораздо ниже. Когда голову и руки преступника просовывали в отверстия, верхнюю доску опускали, вешали замки и оставляли несчастного на потеху толпы, собравшейся, чтобы порадоваться его унижению.

Сначала позорный столб предназначался для наказания фальшивомонетчиков, клятвопреступников, мошенников-торговцев и т. д. Однако к XVI столетию, по крайней мере в Англии, к наказанию у позорного столба стали приговаривать как мужчин, так и женщин за любые мелкие преступления. В это же время наказание у позорного столба стали предварять поркой и ношением позорной маски или брэнка. Иногда преступников, перед тем как выставить их у позорного столба, подвергали пыткам. Известно, что в 1570 г. некий Тимоти Пендредд подделал документы и печати суда Королевской скамьи, чтобы власти арестовали

неугодного ему человека. Когда обман раскрылся, его приговорили к стоянию у позорного столба в Чипсайде (Лондон) в течение двух базарных дней. В первый день к позорному столбу прибили гвоздем его левое ухо, «чтобы он не смел шевельнуться, не причинив себе боли». В следующий базарный день то же проделали с правым ухом Тимоти Пендредда.

В последующем столетии позорный столб превратился в инструмент наказания религиозных и политических инакомыслящих, в особенности сочинителей зажигательных памфлетов. Одной из самых знаменитых жертв позорного столба стал создатель «Робинзона Крузо». За опубликование памфлета «Кратчайший путь в сектанты»^[77] Даниэля Дефо приговорили в 1703 г. к денежному штрафу и стоянию у позорного столба в течение трех отдельных базарных дней. Дефо выставили для осмеяния толпы в Чипсайде, однако так велика была его популярность, что вместо того, чтобы забросать его грязью, толпа увещала его самого и его столб цветами, пила за его здоровье и распевала сочиненную им в тюрьме «Оду позорному столбу».

Однако не все жертвы позорного столба оказывались такими счастливыми. Когда Джона Тревора выставили в Севен-Дайалз в 1732 г. у позорного столба, это стоило ему жизни. Тревор несправедливо обвинил нескольких невинных человек в том, что те занимались грабежом на большой дороге. Сделал он это в надежде получить вознаграждение за выявление преступников. Таким тяжким было это преступление в глазах толпы, что она забрасывала его камнями и грязью до тех пор, пока он не умер. Двадцатью годами позже четверо настоящих разбойников с большой дороги – Джеймс Эган, Джеймс Солмон, Джон Берри и Стивен Мак Дэниел – были приговорены к выставлению у позорного столба по иронии судьбы за то же преступление – попытку за вознаграждение обвинить невинного. Следует напомнить, что в те времена, в 1752 г., не существовало организованной полиции, а только находившаяся в рудиментарной стадии развития стража. Судьи и широкая публика всецело полагались на профессиональных «ловцов воров» (thief-takers). Эти люди, среди которых самым знаменитым считается Джонатан Уайлд, сами были плуты и обманщики, шантажировавшие других преступников и доносившие на невинных. В случае с Джеймсом Эганом и компанией были несправедливо обвинены и приговорены к смертной казни двое молодых людей. Банду взяли после приведения приговора в исполнение, судили, признали виновными и приговорили к различным наказаниям в суде Олд-Бейли:

«...будут наказаны следующим образом: Берри и Мак Дэниел будут выставлены у позорного столба сначала в Холборне у Хаттонского сада, а

затем в конце Кинг-стрит в Чипсайде; Солмон и Эган будут стоять у позорного столба сначала посреди Уэст-Смитфилда, а затем в конце Феттер-лэйн на Флит-стрит. После этого они проведут семь лет в тюрьме Ньюгейт».

5 марта 1756 г. Мак Дэниел и Берри были выставлены у позорного столба у Хаттонского сада и подверглись таким нападкам со стороны толпы, что жизнь их подвергалась серьезной опасности. Эган и Солмон были выставлены у позорного столба в Смитфилде в понедельник, восьмого числа того же месяца, и сразу же толпа забросала их камнями, осколками кирпичей, гнилыми картофелинами идохлыми собаками и кошками. Попытка двух констеблей урезонить толпу не увенчалась успехом, и преступники были оставлены целиком на ее милость. От ударов, доставшихся им от толпы, головы преступников распухли, люди цеплялись за их одежду и тянули вниз так, что те чуть было не были задушены. Они простояли у столба с полчаса, когда в голову Эгана попал большой камень и тот испустил дух. Шерифы, испугавшись того, что будь преступники выставлены повторно, они могут разделить судьбу своего сообщника, отменили повторное наказание у позорного столба, однако увеличили срок их тюремного заключения: заслуженное наказание для таких отпетых, бессердечных и безжалостных негодяев, каковыми они являлись. Все они в скором времени умерли в Ньюгейтской тюрьме («Ньюгейтский календарь»).

Было время, когда любая деревенька, любой захолустный городок могли похвастаться своим позорным столбом, и сейчас такие столбы стоят, например, в Уоллингфорде и Коулзхилле. В других местах их, из соображений сохранности, поместили в местные музеи, и каждый может полюбоваться на прекрасно сохранившиеся экземпляры в городах Брайтоне и Рае в графстве Суссекс.

Не ранее как в 1837 г., в год, когда на трон взошла королева Виктория, позорный столб был официально упразднен. В последний раз это наказание применили в 1830 г. по отношению к доктору Босси, обвиненному в лжесвидетельстве.

В Германии и Франции позорный столб появился в XII–XIII веках и вскоре получил такое же повсеместное распространение, как и в Англии. На севере Германии его называли кот (kats), а на юге и в Австрии – прехель (prechel), или шрайальт (shreialt). Французы называли свой позорный столб карканом (carcan). В этих странах позорный столб был официально запрещен в то же время, что и в Англии, однако есть свидетельства того, что в последний раз его использовали в качестве наказания в 1864 г. во

Фленсбурге.

Трюлле

Этот тип наказания сродни позорному столбу и отличается от него только тем, что преступник выставлялся на всеобщее обозрение в клетке.

Порка (Бичевание)

Наказание плетью было так распространено по всему миру и во все времена, что порка даже стала предметом отдельного исследования – «Истории телесных наказаний»^[78]. Конечно, невозможно даже с точностью до столетия определить, когда и за что один человек впервые высек другого. В чем мы можем быть полностью уверены, так это в том, что всемирная порка успешно продолжается.

Эта статья менее всего претендует на историческое повествование, скорее – это просто набор фактов и анекдотов.

Бичевание у древних римлян

Древние римляне частенько прибегали к бичеванию для наказания рабов и солдат, и очень редко – свободных граждан. В зависимости от степени вины наказанных они использовали несколько разновидностей плетей. Самая простая представляла собой плоский кожаный ремень с ручкой, называлась ферула (ferula) и использовалась для наказания за мелкие провинности. Затем следовали три разновидности «кошки»: скуция (scutia), плеть из переплетенных кожаных ремней, плюмбата (plumbatae), имевшая несколько хвостов, у каждого из которых на конце находились свинцовые или бронзовые шарики, и флагеллум (flagellum) с тремя жесткими хвостами из бычьей кожи. Эти последние разновидности плети служили инструментом наказания за значительные преступления. Кроме того, римляне использовали для наказания преступников розги; порка непременно предшествовала обезглавливанию.

«Кошка»

Хотя совершенно очевидно то, что предками «кошки» были древнеримские скуция и плюмбата, этот инструмент наказания можно по праву назвать сугубо британским: более того, его применение ограничивалось только армией и флотом. «Кошку» часто использовали в британском флоте во времена адмирала Нельсона, когда этот суровый моряк мог предписать до 500 ударов плетью за незначительные дисциплинарные нарушения. В народе эту плеть называли «кошка-

девятихвостка» («cat-o-nine-tails»), поскольку она имела девять отдельных «хвостов», изготовленных из кожи или бечевки. По всей своей длине (2 фута) на каждом из хвостов были навязаны по три узла. Эффект от наказания этой плетью получался двойкий: хвосты врезались в тело наказуемого, а узлы вырывали из него отдельные кусочки мяса. Приведенное ниже описание порки на флоте взято из записок неизвестного автора, озаглавленных «Мастерство наказания плетью» (Experiences of Flagellation) и опубликованных автором на собственные средства в 1885 г.:

«Среди них был один несчастный по имени Грин, который прежде содержал шляпную лавку на Кэтрин-стрит в Стрэнде и по обвинению в каком-то преступлении был осужден на каторжные работы сроком на 14 лет. Его жене, обаятельной, но совершенно убитой свалившимся на нее горем женщине, позволили сопровождать мужа до места. Сразу после выхода корабля в море среди каторжан обнаружили признаки назревавшего бунта; некоторые из них успели даже перепилить кандалы, а Грина обвинили в том, что он не только подстрекал к мятежу, но снабдил заключенных деньгами для покупки необходимых инструментов. Несчастный шляпочник клялся, что одолжил им несколько шиллингов для покупки простыней и одежды в ломбарде, но все эти уверения не были приняты во внимание. По приказу коменданта транспорта, без суда и следствия, его разложили на сходне и секли боцманской „кошкой“ до тех пор, пока не обнажились кости. За все время экзекуции Грин не издал ни единого звука, чем привел в ярость коменданта, который поклялся, что заставит упряма запросить о пощаде. Присутствовавший при порке тюремный врач выразил опасение, что продолжение экзекуции может быть чревато для заключенного смертью, но комендант оказался неумолим. Он не остановился даже тогда, когда его брат энсин^[79] Уолл, добросердечный молодой человек, попросил его о приостановке порки; ответом ему прозвучала угроза посадить его самого под арест. Тогда он стал умолять Грина, чтобы тот не упрямялся и издал для собственного спасения хотя бы звук, но несчастный ответил, что умирает и не в состоянии кричать, и молчание его объясняется не упрямством, а нежеланием того, что его ничего не ведавшая и находившаяся где-то в трюмных помещениях жена услышит его крики и умрет от горя. Порку продолжали до тех пор, пока не сняли всю плоть с поясницы, пока не стали видны внутренности, пока несчастный не лишился чувств и только тогда был передан врачу».

Подобное суровое наказание зачастую оканчивалось для моряков смертью, а злоупотребление властью офицеров флота Его Величества стало причиной ряда мятежей, имевших место в конце XVIII столетия. Весной

1797 г. британские моряки на стоянке в Спитхеде подняли мятеж, причиной которого стало дурное обращение с ними офицеров и невыносимые условия существования. В результате адмиралтейство вынуждено было провести расследование и уволить со службы тех офицеров, которые особенно отличились своей неоправданной жестокостью. Между 30 мая и 13 июня того же года на кораблях, бросивших якорь в Норе, разразился еще один бунт. Моряки создали так называемую «плавучую республику» (floating republic) во главе с «президентом» Ричардом Паркером. Мятеж был жестоко подавлен: Паркера и 29 его товарищей повесили на реях «Сэндвича», девятих высекли, а 29 матросов заключили в тюрьму. Условия жизни матросов так и не улучшились в последующее столетие, и только не ранее как в 1881 г. наказание «кошкой» было наконец упразднено.

Неудивительно, что «кошку» использовали также в большинстве британских тюрем, а судьи не только приговаривали преступников к тюремному заключению, но и к наказанию «кошкой-девятихвосткой», определяя при этом по своему усмотрению количество ударов. Хотя в судебной практике порку упразднили в 1948 г., для поддержания тюремной дисциплины и наказания особо стойких ее нарушителей к плети прибегали вплоть до начала 60-х годов. Обычно заключенных раскладывали на так называемой «скамье для порки» (см. «Скамья для порки»), хотя перед тем как высечь из соображений некоторой гуманности надевали на них кожаные пояса, защищавшие почки.

Остается только добавить, что использование «кошки» для наказания рабов практиковалось во всех без исключения британских колониях, и нигде с такой жестокостью, как в Вест-Индии. На Барбадосе, например, наказание плетью до сих пор сохраняется в местном законодательстве, и в последний раз к порке приговорили в 1969 г. подростка, изнасиловавшего девушку. По сообщению Гэрри Стеклза, посланного им из Бриджтауна в газету «Санди Таймс» в марте 1991 г., явствует, что власти Барбадоса решили возродить наказание «кошкой-девятихвосткой» в отчаянной попытке хоть как-то приостановить, если не пресечь, рост торговли наркотиками. Стеклз заключает: «Перед судебной властью встала проблема – найти подходящую плеть, чем она, несмотря на протесты церковных иерархов, прилежно занялась. Единственная сохранившаяся на острове „кошка-девятихвостка“ выставлена в местном музее в качестве экспоната, и при возобновленном применении, пролежав десятилетия без дела, может просто-напросто рассыпаться. Эдгар Хэнди, суперинтендант тюрем, намерен расширить сферу своих поисков Англией в надежде хоть здесь найти подходящую плеть, а преступники „тем временем будут ожидать

своей судьбы“».

Кнут

По словам Скотта, «ни в одной стране мира наказание поркой не применялось так широко и не носило такого изуверского характера, как в царской России». Особым инструментом для порки был любимый русскими истязателями кнут. Он представлял собой плетть с деревянной ручкой, обычно плетенную из нескольких ремней сыромятной кожи. Иногда между ремней вплетали проволоку, а на концах ремней крепили железные кольца или крючки. Варварский садизм истязателей доходил до того, что кнут перед употреблением вымачивали в соленой воде и давали ему замерзнуть».

Наказание кнутом предусматривалось за целый ряд преступлений, и во времена Петра Великого количество ударов составляло 101. Пороли всех без различия пола и возраста, и от наказания кнутом не были избавлены даже дворяне^[80]. Придворную даму Елизаветы Петровны, мадам Лопухину, обвиненную в участии в заговоре, раздели по пояс, жестоко высекли кнутом, отрезали язык и отправили на вечное поселение в Сибирь.

До нас дошло одно несомненно достоверное описание порки кнутом, приведенное в «Анекдотах» Рьубена и Шольто Перси (1820–1823). Очевидцем этого события был не кто иной, как Джон Говард, великий филантроп и реформатор тюрем:

«Когда филантроп Джон Говард посетил Петербург, ему довелось видеть, как двух преступников – мужчину и женщину высекли кнутом. Из тюрьмы к месту порки их сопровождали 10 солдат и 15 конных гусар, и когда вся процессия прибыла на место, где стоял вкопанный в землю столб, гусары спешили и стали кольцом вокруг него. Забили барабаны, священник прочитал молитву, а собравшиеся вокруг люди сняли шапки. Первой секли женщину. Ее раздели до пояса, привязали руки и ноги к столбу, и экзекуция началась. И палач, и его помощник были крепкими и сильными людьми. Начал помощник; он долго примерялся, а затем нанес несколько ударов по голой спине женщины, каждый из которых оставил на ней глубокие рубцы. Но главный палач, казалось, был не удовлетворен. Он взял кнут и нанес недостающие удары, которые казались гораздо сильнее, чем у его помощника. Женщина получила 25, а мужчина 60 ударов кнутом. „Я пролез между гусарами, – продолжает мистер Говард, – и посчитал количество ударов, которые помощник отмечал мелом на специально

приготовленной для этой цели доске. И преступник, и преступница были едва живы, когда избивание закончилось. Женщину мне довелось увидеть несколькими днями позже. Она была еще очень слаба. Мужчину же я больше не видел“».

Наказание кнутом отменили в 1845 г.

Ямайкская плеть

Эту плеть использовали исключительно для наказания рабов. Она состояла из ручки длиной в два фута и сужавшегося к концу хвоста длиной 5 ярдов. Рабов так жестоко секли ямайкской плетью, что это дало одному члену Ямайкского законодательного собрания основание заявить:

«Ямайкская плеть – отвратительнейший из всех инструментов пытки, когда ее используют для наказания рабов. Я утверждаю, что 39 ударов этой плетью равноценны 100 ударам „кошкой-девятихвосткой“».

В 1826 г. собрание приняло закон о наказании штрафом в 10 фунтов стерлингов тех торговцев рабами, которые карали рабов более чем 10 ударами плети за одну провинность, и тех рабовладельцев, назначавших более 39 ударов за один проступок или преступление.

Шариковая плеть

Шариковая плеть представляла собой бечеву с нанизанными на нее металлическими шариками или пулями и покрытую кожей.

Цепная плеть

К длинной деревянной ручке крепятся несколько цепей, состоящих из плоских звеньев с острыми краями. Говорят, что в руке сильного человека такая плеть становилась грозным инструментом наказания, поскольку несколькими ударами он мог снять кожу со спины жертвы.

Тюремная плеть

Эта плеть предназначалась для самозащиты тюремных надзирателей, состоящих в тюрьмах, где содержались самые отпетые преступники. В руке жестокого тюремщика такая плеть могла стать даже орудием смертоубийства. По форме тюремная плеть напоминала средневековую

булаву (mace and chain) и состояла из деревянной ручки и цепи с железной гирей на конце.

Скамья для порки

Всегда требовалось каким-то образом привязывать наказуемого перед поркой. Обычно для этой цели использовали столб. Однако этого показалось недостаточно, и были сконструированы особые приспособления, которые полностью лишали жертву подвижности, тем самым усугубляя ужас и беспомощность его положения. Одна такая скамья – родом из Германии и описывается следующим образом: «Это – крепко сделанная деревянная конструкция с ремнями, при помощи которых к скамье крепятся голова, ноги и руки жертвы, лежащей вниз лицом. Палач мог доставить наказуемому страшные мучения, потому что тот был не в состоянии даже корчиться и извиваться».

А вот еще один продукт немецкой изобретательности, прозванный в народе Страшная Элиза (Schlimme Liesel). У подножия скамьи находятся два крепких железных кольца, в которые помещаются ноги жертвы. Ее руки привязываются к треугольной деревянной раме, которая поднимается к потолку с помощью шкива и веревки до тех пор, пока это возможно. Растянутого таким образом человека секут, и мучения его еще более непереносимы, чем при обычной порке.

До сравнительно недавнего времени порка была повседневным явлением для тюрем и колоний несовершеннолетних Англии; взрослых заключенных секли «кошками», а молодых – березовыми розгами и, как правило, на скамье для порки.

Привязывание к телеге

С роспуском монастырей во время правления Генриха VIII английские законники столкнулись со значительной проблемой, когда множество бездомных бродяг заволокли дороги королевства. По закону от 1530 г. всех, кто занимался бродяжничеством, надлежало сечь. В том же году вышел специальный закон о порке, по которому бродяг предписывалось раздевать донага, привязывать к хвосту телеги и, прогоняя через город, подвергать порке, «пока он не изойдет кровью». Немного позже, из соображений сохранения общественной нравственности, закон немного подправили, предписав раздевать жертву только до пояса. В то же время

большинство городов и деревень обзавелись по призыву властей постоянными столбами для порки, таким образом основательно подготовившись к нежелательному наплыву бродячего люда. Привязывание к телеге распространялась не только на бродяжничество, но и на другие преступления, причем длина маршрута и, соответственно, количество ударов варьировались в зависимости от тяжести совершенного преступления.

Одним из самых печально знаменитых наказаний такого рода была порка, к которой судья Джеффри (см. «Джеффри») приговорил Тита Оутса в 1658 г.

Оутс, английский церковник, успевший к тому времени провести в качестве шпиона несколько лет в иезуитских колледжах Европы, передал поборникам протестантской веры в Англии список преступлений, состоявший из 43 пунктов, которые паписты^[81] замыслили совершить против короля.

А замыслили они, по словам Оутса, убить короля, посадить на трон брата Карла герцога Йоркского Якова, исповедовавшего католицизм, и таким образом уничтожить в Англии протестантскую веру. Заговор получил название «папистского». В результате наговора Оутса в период с 1678 по 1680 гг. было казнено множество совершенно невинных католиков. Но, в конце концов, он сам оказался на скамье подсудимых, и судья «Кровавый Джеффри» приговорил его к самому суровому наказанию, даже по жестоким меркам судьи Джеффри. Тит Оутс был приговорен к позорному столбу, привязыванию к телеге и тюремному заключению. Следующее описание наказания Оутса мы находим в книге Томаса Маколи «История Англии» (History of England, Thomas Macaulay):

«В день, когда Оутс был выставлен у позорного столба в Пэлис-ярде, толпа забросала его грязью и, не помешав охрана, разорвала бы его на куски. Но в Сити его приверженцы собрались в большой отряд, подняли мятеж и повалили позорный столб. Однако спасти своего вождя они не смогли. На следующее утро Оутс должен был быть подвергнут порке. С самого раннего часа на дороге между Олдгейтом и Олд-Бейли уже скопились толпы народа. Палач, видимо получив особые инструкции, вкладывал в удары всю свою душу, и по первости Оутс мужественно их сносил и молчал. Но вскоре его дух был сломлен, и окрестности, к восторгу зрителей, огласились отчаянными воплями и стенаниями, а по спине лжесвидетеля потекли ручьи крови. Когда его, в конце концов, отвязали от телеги, он едва стоял на ногах, и казалось, что он вынес более того, на что способна человеческая природа. Он умолял Якова, брата короля, чтобы тот

отменил продолжение порки. Ответ того был краток: „Он пройдет через все до конца, пока из него не вышибут дух“. Его сторонники обратились с прошением о помиловании к королеве, но та с возмущением отказалась пошевелить даже пальцем ради спасения негодяя. По прошествии 48 часов Оутса выволокли из его камеры. Он не мог стоять, и до Тайберна его везли на салазках. Казалось, он уже ничего не чувствует и не воспринимает. Говорили, что он довел себя до бесчувствия крепкими напитками. В тот день Оутс получил еще 1700 ударов».

Посаждение на кол

Посаждение на кол в свое время было очень популярно у древних римлян и у некоторых восточных народов. Ассирийцы сажали на кол плененных солдат противника и то же делали относительно недавно (1876 г.) в Болгарии турки. Есть рассказ о смерти турка по имени Солейман Илледи, обвиненного в убийстве генерала Жана Батиста Клебера в июне 1800 г. Его посадили на кол и, по свидетельствам очевидцев, он был жив в течение двух часов и не издал ни звука.

Посаждение на кол в Западной Европе почти незнакомо, однако этого нельзя сказать о германских народах, у которых это наказание применялось к тем, кто совершал сексуальные преступления, такие, например, как супружеская измена. В книге законов города Цвикау (1348) есть иллюстрация, на которой изображены двое любовников, которых привязали друг к другу, положили на землю, и два палача с дьявольскими улыбками на лице забивают молотками один кол сквозь оба тела.

Посаждение на кол зачастую применялось вместе с погребением заживо, когда кол загоняли в могилу так, что он пробивал жертву. Считалось, что в этом случае злой дух не сможет покинуть тело преступника. (По этой же причине кол загоняли в сердце ведьмам, вампирам и самоубийцам). Иногда на могилу наваливали ветки ежевики, таким образом еще больше затрудняя возвращение злого духа. Посаждение на кол считают самым подходящим наказанием за изнасилование, а в некоторых местах жертва изнасилования имела право первой сделать три удара молотком, забивая кол в тело своего обидчика. Я видел наивную картинку из Фрайбурга в Швейцарии, датируемую 1574 г., на которой изображена погребенная заживо женщина с колом в сердце. Однако ни одно из этих наказаний ни порознь, ни вместе не дожило хотя бы до начала нового времени.

Неизбежно, что отдельные факты изуверской жестокости все же имели место, в частности во время войн. Серия гравюр Франциско де Гойи под названием «Бедствия войны» является замечательным документом времен 1808 г. На одной из гравюр как раз изображено насаживание на кол плененного французами испанского партизана.

Влад Дракула

Одним из самых знаменитых истязателей всех времен, чье имя знает каждый, кто знаком с готической мистикой, был Влад Дракула, правитель Валахии XV века. После того, как его убили, его жизнь и смерть описывались множество раз; упоминания о нем есть в венгерском, турецком, гонуэзском и французском фольклоре. Даже по жестоким стандартам того времени и тех мест Влад, без сомнения, был палачом из палачей и с одинаковой страстью предавался созерцанию ослепления, четвертования, сожжения на костре или насаживания на кол. Его не особенно беспокоило, кого он подвергал пыткам: венгра или болгарина, румына или турка. Его не интересовало вероисповедание, и с одинаковым успехом он мог посадить на кол представителя любой конфессии.

Что касается любимого времяпрепровождения Влада Дракулы, то вот что говорит об этом один знаток его жизни Раду Флореску:

«Дракула находил садистское удовольствие, созерцая, как жертвы умирали медленной и мучительной смертью. Именно поэтому он всегда приказывал делать колья поострее, чтобы жертва помучилась подольше».

На гравюре по дереву XV века Влад изображен за завтраком *al fresco* (на свежем воздухе), окруженный насаженными на кол жертвами. В отличие от Дракулы Брэма Стокера, который воспользовался звучным именем Влада для своих историй, настоящий Влад Дракула никогда не сосал кровь у своих жертв; он пил ее из кубка.

Преступления, наказуемые смертной казнью

Всегда имели место расхождения во взглядах относительно ранней истории смертной казни в Англии, однако разумно будет предположить, что первые казни по приговору суда стали проводиться в середине V столетия до нашей эры, когда в обычае было бросать осужденных преступников в болотную трясиину. Англосаксы предпочитали своих преступников вешать, хотя и не гнушались другими видами казни, например, побиванием камнями, сожжением на костре, обезглавливанием или сбрасыванием с большой высоты. Многие авторы считают, что смертная казнь вышла из употребления во времена, последовавшие сразу после норманнского завоевания, и вновь обрела популярность в правление Генриха I (1100–1135). К концу XV столетия английское право признавало наказание смертной казнью за 8 преступлений: государственную измену, малую измену (убийство мужа женой, священника своим подчиненным или хозяина слугой), обычное убийство, воровство, разбой, грабеж со взломом, изнасилование и поджог. Количество ежегодных казней достигло пика при Эдуарде VI, когда только в Тайберне за год было казнено 560 человек. Во время правления Генриха VIII количество ежегодных казней составляло 2000 человек и немного снизилось после вступления на трон Елизаветы I. С ростом собственности росло количество преступлений, наказуемых смертной казнью, и к началу XIX столетия их число достигло невероятной цифры – 222, включая кражу носового платка или убийство кролика.

Следующий список был составлен сторонником отмены смертной казни П. Кохуном и впервые напечатан в книге Бэзила Монтегю «Суждения различных авторов по поводу наказания смертной казнью»^[82]. Список включает в себя основные преступления, наказуемые лишением жизни:

- Поджог (умышленный или злонамеренный) дома, амбара с зерном и т. п.
- Покушение на жизнь члена тайного совета^[83].
- Банкротство, когда банкрот пытается уклониться от уплаты долгов или скрыть какое-либо имущество.
- Соучастие в уголовном преступлении, наказуемом смертной казнью.
- Разрушение плотины озера для разведения рыбы с последующей ее гибелью.
- Кража со взломом в ночное время.
- Соккрытие смерти незаконнорожденного ребенка.

- Продажа хлопковых тканей с поддельным клеймом.
- Порубка деревьев на аллее или в парке.
- Порча речной или морской береговой насыпи.
- Порча или поджог судна.
- Порча шелка или бархата в ткацком станке или самого станка.
- Порча шерстяных товаров или проникновение в помещение с этой целью.
- Убийство оленя (повторное).
- Порча ворот, таможенных шлагбаумов, мостов, весов, шлюзов, болотных дренажных машин и т. д.
- Побег из тюрьмы (при определенных обстоятельствах).
- Подделка документов, облигаций, векселей, расписок, ценных бумаг и т. п.
- Разбой на большой дороге.
- Кража со взломом в дневное время.
- Убийство или нанесение увечий крупному рогатому скоту (злонамеренное).
- Нанесение увечий человеку или попытка нанести оные.
- Мятеж, дезертирство и т. п. (согласно военному или гражданскому праву).
- Убийство.
- Пиратство или грабеж судов в море.
- Лжесвидетельство заключенных под стражу в соответствии с актом о банкротстве.
- Карманная кража (более одного шиллинга).
- Снос здания или церкви.
- Изнасилование или насильственное лишение девственности.
- Бегство и возвращение в Англию с каторги или нахождение в Англии после вынесения приговора о ссылке на каторгу.
- Ограбление почты.
- Святотатство.
- Поджог угольной шахты.
- Похищение слугой имущества своего хозяина (стоимостью более 40 шиллингов).
- Письменные угрозы расправы.
- Стрельба в таможенного чиновника.
- Кража в лавке (более 5 шиллингов).
- Контрабанда с применением оружия или участие в вооруженной группе, имеющей целью контрабанду.

- Педерастия, преступление против природы, сожительство с животным или другим мужчиной.
- Поступление солдата или матроса на иностранную военную службу.
- Кража богатой наследницы.
- Кража векселей, расписок, облигаций.
- Кража банкнот или векселей из писем.
- Кража более 40 шиллингов в любом доме.
- Кража более 40 шиллингов на реке.
- Кража льняных тканей из отбеливательной мастерской или порча льняных тканей там же.
- Кража лошадей, коров или овец.
- Нанесение раны ножом безоружному человеку (если тот умирает в течение шести месяцев).
- Кража с судна, потерпевшего крушение.
- Пускание в обращение фальшивых денег (на третий раз).
- Государственная измена и малая измена (государственной изменой считается также изготовление золотых и серебряных монет).

Интересно сопоставить этот перечень с подобным перечнем преступлений, наказуемых смертной казнью во Франции. Перечень был опубликован в 1790 г. под названием «Пасторет» (Pastoret). Вот перечень преступлений, наказание за которые – смертная казнь. И перечень этот еще не полный:

- Чудовищное богохульство.
- Писания против религии.
- Или подстрекательство к их написанию.
- Или печатание их.
- Святотатство, соединенное с суеверием и нечестивостью.
- Святотатство с осквернением святынь.
- Снос и порча крестов и статуй святых.
- Собрание еретиков с оружием.
- Еретические богослужения.
- Магия и колдовство.
- Убийство членов королевского дома.
- Создание тайных обществ и союзов.
- Незаконная вербовка на военную службу.
- Заговор.
- Недонесение на заговорщиков.
- Переговоры с врагом без разрешения командующих армиями.
- Умалчивание о письме или послании, полученных от члена

королевской семьи или дворянина вражеской армии.

- Набор рекрутов без позволения короля.
- Какие бы то ни было неразрешенные сборища.
- Ношение доспехов, оружия, аркебуз, не будучи приписанным к гарнизону или не состоя на службе у короля.
- Соккрытие тех, кто незаконно носит доспехи и оружие.
- Дезертирство.
- Хранение оружия (для солдат инфантерии или кавалерии).
- Покупка без позволения больше пороха, пуль и запасов, чем того требует оборона собственного жилища.
- Литье артиллерийских орудий или их хранение.
- Укрепление замков или захват уже укрепленных.
- Изготовление поддельных монет.
- Пускание в обращение поддельных монет или доставка их в пределы королевства.
- Обрезание края монеты.
- Покупка обрезанных краев монет.
- Изготовление мастерами монет, не соответствующих стандарту по весу или по составу.
- Возвращение в обращение фальшивых денег получателями или казначеями.
- Вывоз из королевства золота или серебра больше того количества, чем требуется для путешествия.
- Покупка иностранцами или подданными короля монет по стоимости выше номинальной с целью вывоза за пределы королевства или перечеканки.
- Изготовление кузнецами и другими мастерами по железу приспособлений для чеканки монет, даже если назначение приспособлений им неизвестно.
- Изготовление матриц и других инструментов для чеканки монет без позволения чиновников монетного двора.
- Переноска курьером инструментов для чеканки монет без извещения об этом министерства юстиции или инспектората.
- Растрата государственных денег казначеями.
- Вымогательство (при определенных обстоятельствах).
- Оскорбление и поношение судей, судебных чиновников или судебных приставов во время исполнения ими своих служебных обязанностей.
- Предоставление крова преступникам, приговоренным к смертной

казни, и сокрытие их.

- Побег из тюрьмы (в некоторых случаях).
- Предумышленное убийство.
- Общение с убийцей под каким бы то ни было предлогом.
- Планирование убийства или нанесения увечий, даже если замысел не

был осуществлен.

- Разбой на большой дороге.
- Кража со взломом.
- Кража в королевских покоях, независимо от стоимости украденного.
- Ограбление банка.
- Ограбление церквей и соучастие в этих ограблениях.
- Общение с ворами.

– Получение и сокрытие украденного в тех случаях, когда это воровство наказуемо смертной казнью.

- Ночной вооруженный грабеж.
- Ночной грабеж с использованием лестницы.
- Ограбление с использованием отмычек.
- Незаконное задержание и содержание под стражей.
- Членовредительство галерных рабов.
- Изготовление ядовитых составов и торговля ими.
- Дуэли.
- Поджог.
- Отцеубийство.
- Кровосмешение по прямой линии.
- Изнасилование.
- Похищение.
- Совращение (при определенных обстоятельствах).
- Содержание взаперти молодых женщин с целью женитьбы на них

без их согласия.

– Принуждение дворянином своего подданного выдать дочь или девушку, находящуюся под его опекой, замуж.

- Сокрытие беременности.
- Аборт.
- Половые извращения.
- Самосуд.
- Злостное банкротство.
- Монопольная торговля зерном.
- Нарушение общественного долга.
- Подделка печатей государственных учреждений.

– Подделка королевских указов, официальных документов или внесение в них изменений.

– Подделка казначейских документов и внесение в них изменений.

– Подделка крестьянами расписок, счетов и инвентарных описей.

– Изготовление поддельных дубликатов документов.

– Лжесвидетельство, несущее угрозу жизни обвиняемого.

– Контрабанда табака, крашенных тканей вооруженной группой более 5 человек.

– Сговор государственных служащих с контрабандистами.

– Взлом контрабандистами таможенных постов.

– Участие таможенных чиновников в торговле солью.

– Контрабанда соли вооруженной группой более 5 человек.

– Издание, печать и продажа книг без надлежащего на то разрешения.

– Передача капитаном своего судна врагу.

– Злонамеренная порча или уничтожение капитаном своего судна.

– Внесение в судовой регистр ложных записей.

– Злонамеренное уничтожение лоцманом вверенного ему судна.

– То же преступление, совершенное береговым лоцманом.

– Действия, приводящие к тому, что судно дает течь.

– Подстрекательство к бунту на корабле.

– Потопление захваченных вражеских судов.

– Высадка пленных на остров или в отдаленной стране в целях сокрытия захваченного судна.

– Кража канатов, якорных цепей или корабельных инструментов, если в результате этого гибнет корабль или человек.

– Установление на берегу ложного маяка с целью посадить судно на мель или уничтожить его.

– Покушение на жизнь и имущество людей, потерпевших кораблекрушение.

Процессы над ведьмами

Хотя сегодня имеется свидетельство того, что в Англии уже с давних пор практиковались строгие законы, наказывавшие за колдовство, определение злостной сути последнего основывалось на чисто практическом способе наказания за преступления против личности и частной собственности. Распространение католичества в Западной Европе привело к тому, что в конце концов колдовство стали рассматривать как ересь и преступление перед Богом. Уничтожение еретиков, настоящих или мнимых, приняло формы крестового похода (см. «Инквизиция»). В 1478 г. в Кастилии, согласно королевской санкции, была учреждена испанская инквизиция во главе с Томасом Торквемадой. Деятельность ее была направлена прежде всего против иудеев и мавров и имела целью уничтожение всех еретических верований и обычаев. Согласно булле папы Сикста V (1565), инквизиции даны были полномочия по искоренению всех форм колдовства и магии. В 1468 г. Якоб Шпренгер и Генрих Инститорис сочинили свой страшный трактат «Молот ведьм», практическое руководство по обнаружению еретиков, расследованию их преступлений и их уничтожению. Невозможно подсчитать количество жертв испанской инквизиции, но, согласно источникам, в 1481 г. в одной только Андалузии было сожжено 3000 человек и 17 000 подверглись пыткам.

Охота на ведьм в Англии

Островное положение Британии способствовало тому, что ей удалось избежать худших эксцессов континентальной инквизиции; хотя наказание за колдовство предусматривалось законом, оно бывало зачастую очень мягким. Стоит вспомнить некоего Вильяма Бига, которого за то, что он заглядывал в хрустальный шар, приговорили к ношению таблички, на которой значилось «Ессе sortilegus» (Посмотрите на прорицателя). И если сравнить это с тем, что творилось во Франции, где уже горели костры, контраст впечатляет.

По закону, изданному королевой Елизаветой I, в 1563 г. под давлением церкви колдовство становилось тяжким преступлением. Этот закон предусматривал наказание смертной казнью за «вызывание духов, когда любой может быть убит, покалечен или лишиться имущества». Усиление

суеверий в годы правления Елизаветы вылилось в процессы над ведьмами. в Челмсфорде в 1566 г. (самый первый подобный процесс в Англии) и в Сент-Осите в 1582 г. В 1593 г. состоялся громкий суд над уорбойзскими ведьмами, во время которого три совершенно невинных человека были казнены из-за причуды пятерых детей.

В 1604 г. Яков I ужесточил наказание за любые виды колдовства, а жители восточных графств уже дрожали при упоминании имени Мэттью Хопкинса, самозванного главного охотника за ведьмами Англии, ответственного за смерть более 100 ведьм и за пытки и тюремное заключение многих других.

В 1645 г. Хопкинс стал вдохновителем мрачных процессов над ведьмами городов Маннингтри и Бери-Сент-Эдмундс.

Еще раньше охота на ведьм в Нортгемптоншире окончилась 22 июля 1612 г. смертью для многих из них; то же произошло с ведьмами Ланкашира в августе того же года.

Из многих памфлетов того времени, освещающих суды и казни английских ведьм, самый замечательный по стилю, аккуратности и передаче атмосферы судов – памфлет «Чудесное раскрытие ведьм в графстве Ланкастер», написанный Томасом Потсом, служащим суда графства Ланкастер. Книга была издана в Лондоне в 1613 г. и описывает многие отдельные случаи «смертельного колдовства», будто бы повлекшего смерть людей.

Последней ведьмой, повешенной в Англии, была Алиса Молланд. Произошло это в 1684 г. в Эксетере. С восстановлением династии Стюартов ведьмомания пошла на убыль, и последний суд над ведьмой состоялся в 1712 г. в Хертфорде, когда была признана виновной в колдовстве некая Джейн Уэнхэм, которой, однако, удалось избежать казни.

Разрывание тела

Эту казнь не следует путать с четвертованием уже мертвых тел изменников, которых разрубали на куски и выставляли отдельные члены для устрашения народа.

Разрывание тела сначала вершилось тем же методом, что и четвертование мертвого тела, а именно топором. Узника просто-напросто заживо разрубали на куски. Но позже казнь усовершенствовали. Вот что пишет о четвертовании историк и теолог VI века н. э. Григорий из Тура в своих «Деяниях франков» (Gesta Francorum): «Ее, королеву Брунгильду, разорвали, привязав руки и ноги к хвостам четырех лошадей. Когда лошадей заставили идти вперед, ее тело медленно разорвалось на куски». Григорий рассказывает также о массовой казни тюрингцами двухсот франкских женщин. Голландский художник Лукас ван Лейден в 1530 г. сделал рисунок, названный им «Женщина, разрываемая на части лошадьми». Очевидно, что рисунок этот сделан на основе личных наблюдений.

В 1757 г. в Париже имела место казнь Робера Франсуа Домьена, которого обвинили в попытке покушения на короля Людовика XV. Перед тем, как свершиться главному событию, Домьена втащили на специально воздвигнутый по этому поводу эшафот, щипцами вырвали из его груди, рук, бедер и икр ног куски мяса, а грешную правую руку погрузили в горящую серу. «Когда пламя коснулось его кожи, Домьен издал истошный крик, но когда первая боль прошла, он только безучастно смотрел, как огонь пожирает его руку, и только скрипел зубами». Затем в его раны стали лить горячее масло, расплавленный свинец и горячий воск, смешанный с серой. И в заключение его руки и ноги привязали к 4 лошадям и медленно, рывками, заставили их двигаться вперед. Однако сухожилия жертвы оказались настолько крепкими, что палачу пришлось перерезать их ножом.

Разрывание тела было неизвестно в Англии.

Распятие на кресте

Благодаря огромному резонансу, который имели в последующие века события, произошедшие на Голгофе почти 2 тысячи лет назад, мало кто знает, что распятие на кресте в древние времена было, пожалуй, одним из самых распространенных методов предания смерти. Им пользовались, например, ассирийцы, карфагеняне, египтяне, греки, персы, финикийцы, скифы и, конечно же, римляне, которые по настоянию иудейских первосвященников распяли Иисуса Христа.

Самый обычный способ распятия, хотя существовало множество его разновидностей, состоял в том, что руки жертвы привязывали или прибывали гвоздями к столбу (с поперечиной или без нее), где человек и умирал мучительной смертью. Несмотря на широкое распространение этого вида смертной казни, уцелели очень немногие и недостаточно детализированные описания распятия на кресте. Воистину описание распятия Христа, содержащееся в Евангелиях, – одно из самых лучших из всех существующих.

Перед казнью осужденного обычно секли плетью (впрочем, у римлян порка предшествовала любой смертной казни), после чего, в том случае, если собирались использовать поперечную балку, осужденного заставляли нести ее до места казни, где уже стоял врытый в землю столб. Стоял он обычно у дороги, чтобы как можно больше людей могли увидеть распятое тело. Осужденного раздевали, заставляли лечь на землю лицом вверх и раскинуть руки, после чего палач прибывал или привязывал его руки к поперечине. Иногда делалось и то, и другое, поскольку прибитые руки могли не выдержать веса тела и оторваться от поперечной балки. Поперечную балку с висящей на ней жертвой поднимали на вершину столба. Опять же, чтобы осужденный не сорвался вниз, между его ног в столб забивали деревянный колышек. Приготовления заканчивались прибыванием ног жертвы к столбу, и в таком положении осужденному предстояло умирать долгой и мучительной смертью, которую старались сделать еще более мучительной окружавшая место казни толпа и палач. Палками ему перебивали ноги, обдирали кожу, забрасывали камнями. В случае с Христом палач проявил верх изобретательности, водрузив ему на голову терновый венец.

Случалось, жертву прибывали не обычно, как описано выше, а например, вниз головой или за руку и за ногу. Иосиф Флавий^[84] так

описывает массовую казнь иудеев римлянами: «Тех, кого они ловили, римляне прибавали, шутки ради, в самых нелепых положениях».

Как наказание за тяжкие преступления, такие как государственная измена, дезертирство из армии, убийство, подстрекательство к мятежу, прорицание (в особенности в тех случаях, когда речь шла о будущем императора), распятие на кресте римляне предпочитали, например, сожжению на костре или обезглавливанию. Первоначально на кресте распинали рабов^[85] и иноземцев (например плененных вражеских солдат), позже к распятию стали прибегать, если серьезное преступление совершалось римскими гражданами из низших классов. Совсем наоборот относились к распятию карфагеняне и персы, у которых оно считалось почетным, и на кресте, как правило, умирали высокопоставленные сановники и военачальники.

Добровольное распятие

В Нью-Мексико зарегистрированы случаи, когда кающиеся грешники заставляли привязывать себя к огромному деревянному кресту и волокли его по земле, усеянной острыми камнями и осколками стекла. Кроме того, к руке самоистязателя привязывали острый нож, так чтобы он впивался в плоть каждый раз, когда грешник спотыкался или падал.

Распятие Христа

Следующий отрывок составлен выборочно на основе евангельских текстов.

Через два дня надлежало быть празднику Пасхи, и искали первосвященники, как бы взять Его хитростью и убить. Но говорили: только не в праздник, чтобы не произошло возмущение в народе. Когда один из двенадцати (учеников), называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал им: «Что вы дадите мне, и я вам передам Его?», они предложили ему тридцать серебряников. И с того времени он искал удобного случая, чтобы предать его.

Когда ученики приготовили пасху и настал вечер, он возлег с двенадцатью учениками. И когда они ели, сказал Иисус: «Истинно говорю, что один из вас предаст Меня». Они весьма опечалились и начали говорить Ему: «Не я ли, Господи?» При сем Иуда, предающий Его, сказал: «Не я ли, Равви?» И говорил ему Иисус: «Ты сказал». И когда они ели, Иисус взял

хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: «Примите, едите: сие есть тело Мое». И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: «Сие есть Кровь Моя».

И пошли они на гору Елеонскую. Тогда говорит им Иисус: «Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь». Петр сказал Ему в ответ «Если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнюсь». Иисус сказал ему: «Истинно говорю тебе, что ты в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня».

Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: «Посидите тут, пока я пойду, помолюсь там». Когда он помолился и приходит к ученикам, то находит их спящими и говорит: «Встаньте, пойдем: вот приблизился предающий Меня». И когда еще говорил он, вот, Иуда, один из двенадцати пришел и с ним множество народа с мечами и кольями от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: «Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его», и тотчас подошел к Иисусу, сказав: «Радуйся, Равви!» и поцеловал Его. Иисус же сказал: «Друг, для чего ты пришел?» И вот один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященников, отсек ему ухо. Тогда говорил ему Иисус: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут».

Взявшие Иисуса отвели его к Каиафе, первосвященнику. Петр же следовал за ним издали до двора первосвященникова: и вошед вовнутрь, сел со служителями, чтобы видеть конец. И подошла к нему одна служанка и сказала: «И ты был с Иисусом Галилеянином». Но он отрекся пред всеми, сказав: «Не знаю, что ты говоришь». И прокричал петух. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая и говорит бывшим там: «И этот был с Иисусом Назореем». И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека». И во второй раз прокричал петух. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: «Точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя». Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека; и опять запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом, и вышед вон, горько плакал.

Первосвященники и старейшины искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили. Но наконец пришли два лжесвидетеля и сказали: «Он говорил: «Могу разрушить храм Божий и в три дня создать его». Иисус молчал, и первосвященник сказал Ему: «Скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» «Ты сказал», – ответил Иисус, и первосвященник разодрал одежды свои и сказал: «Вот теперь вы слышали богохульство Его, как вам кажется?» И, связавши Его, отвели и предали Его

Понтию Пилату, правителю. И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал. Тогда говорил Ему Пилат: «Ты Царь Иудейский?» Иисус сказал ему: «Ты говоришь». Пилат сказал первосвященникам и народу: «Я не нахожу никакой вины в Этом Человеке». Но все они кричали: «Распни, распни Его!» Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки пред народом и сказал: «Невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы».

И одели его в багряницу и, сплести терновый венец, возложили на Него. И начали приветствовать Его: «Радуйся, Царь Иудейский!» Когда же насмеялись над ним, сняли с него багряницу, одели Его в собственные одежды Его и повели, чтобы распять Его.

И привели Его на место Голгофу и давали Ему пить вино со смирною, но Он не принял. И они распяли Его и делили одежды Его, бросая жребий, кому что взять. И была надпись вины Его «Царь Иудейский». С ним распяли двух разбойников, одного по правую, а другого по левую сторону Его. Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: «Если Ты Христос, спаси Себя и нас». Другой же напротив унимал его и говорил: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же?» И сказал Иисусу: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое».

В шестом часу настала тьма по всей земле. В девятом часу возопил Иисус громким голосом: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего ты меня оставил?» Один из стоявших тут побежал, наполнил губку уксусом и, наложив на трость, давал ему пить. Иисус же, возгласив громко, испустил дух. Тогда пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним. Но, пришедши к Иисусу, увидели Его уже умершим, не перебили у Него голеней. Но один из воинов копьем пронзил Ему ребра.

После сего Иосиф из Аримафеи просил Пилата, чтобы снять Тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял Тело Иисуса. Пришел также и Никодим и принес состав из смирны и алая. И так они взяли Тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями. И положил Его Иосиф в новом своем гробе, который высек он в скале, и привалив большой камень к двери гроба, удалился.

Римский амфитеатр

Колизей – без сомнения, самое знаменитое сооружение, оставшееся нам в наследство от древнеримской цивилизации. Даже в своем нынешнем состоянии он представляет собой внушительное зрелище. Три яруса каменных скамей, окружающих арену, могли вместить 50 000 зрителей, собиравшихся здесь по случаю регулярных гладиаторских боев. Колизей был сооружен во времена Римской империи, точнее в 70-х годах н. э. и правильно назывался амфитеатром Флавиев. Имя Колизей амфитеатр получил, по всей видимости, от колоссальной бронзовой статуи императора Нерона, стоявшей поблизости^[86]. Сам Нерон правил империей до того, как был сооружен Колизей, но и тогда существовало несколько амфитеатров. Нерон соорудил деревянную арену около Марсова поля (Campus Martius) и по иронии судьбы, ввиду его последующих беззаконий, убийств и проявлений жестокости, именно он ввел правило, предусматривавшее, чтобы на его играх никто не погибал, даже преступники.

Хотя амфитеатры использовались для театральных и музыкальных представлений, больше всего народа собирали жестокие зрелища гладиаторских боев. Многие поколения популярных писателей романтизировали контекст этих боев, и можно простить тех, кто считает их древней формой профессиональной борьбы, захватывающим спортивным спектаклем, которым наслаждались все. На самом деле гладиаторские игры мало чем напоминали «вольные игры» (Jeux sans Frontieres) современности. Это были схватки не на жизнь, а на смерть, зачастую отмеченные неопишущей жестокостью. Ряды гладиаторов пополнялись вовсе не за счет крепких молодцев, жаждавших славы и желавших проявить на арене свою ловкость и смелость. На арене не было славы, только смерть. Гладиаторы предпочитали оказаться где угодно, хоть в каменоломнях, только не на арене, и многие кончали жизнь самоубийством, пытаясь избежать ужасов гладиаторских боев. По большей части гладиаторами были плененные вражеские солдаты, приговоренные к смерти преступники, рабы, а позднее – ранние христиане, мужчины и женщины. Единственным исходом для них была смерть. Не следует верить созданному в Голливуде мифу, по которому тот, кто сражался на арене смело и оставался в живых, получал свободу. Этого не было.

Изошренность, с какой людей заставляли убивать друг друга, могла быть только продуктом ума сумасшедшего гения. Нерон, например, любил

смотреть кровавые битвы, в которых участвовали армии подневольных солдат. Здесь же проводились морские сражения, и до сих пор тех, кто наведывается в Колизей, удивляет сложная система водопроводов, при помощи которых арена превращалась в озеро.

С распространением в империи учения Иисуса Христа на арену полилась уже христианская кровь, и тех, кто не желал сражаться (понятно, что таких было много), предавали мучительной смерти. Некоторых распинали, как Христа на кресте, установленном на арене, где их рвали на части волки и дикие собаки. Других же облачали в звериные шкуры и бросали на съедение все тем же собакам.

Игрища продолжались далеко за полночь, и именно Нерону пришла в голову идея расставлять по окружности арены привязанных к столбам христиан, обмазывать их смолой и поджигать, таким образом обеспечивая освещение посредством живых факелов.

На арену выпускали, кроме того, всевозможных экзотических животных, привезенных из далеких пределов огромной империи на потеху императору и его подданным. Их выпускали на охоту в сооруженный на арене искусственный лес, в котором львы, тигры, кабаны и медведи охотились на людей. Предсмертные крики жертв сливались с восторженными криками враждебной толпы, заполнявшей скамьи амфитеатра. Император Нерон очень любил подобные зрелища, как, впрочем, и Калигула, который специально морил голодом свою огромную коллекцию диких зверей, чтобы на арене они показали свою кровожадность. Светоний в «Жизнеописании двенадцати цезарей» пишет, что Калигула, посчитав, что мясо, продававшееся в мясных лавках, стоило слишком дорого, кормил своих зверей мясом преступников, ничуть не разбираясь, кто из них был приговорен к смертной казни, а кто – нет. Он выстраивал их в один ряд и говорил следующее: «Убейте всех между вот этим лысым и вон тем».

Мученическая смерть святых Перпетуи и Фелиситасы

Для женщин была уготована ужасная смерть от рогов, будто в насмешку над их полом, дикой коровы. Этих двух женщин раздели наголо, накинули на них сети и в таком виде вытолкнули на арену. Публика выразила ужас, увидев двух деликатных дам, выставленных подобным образом. Затем их увели и одели в свободные туники. Перпетую вывели на арену первой, корова подбросила ее в воздух рогами, и та упала на спину.

Когда она увидела, что туника порвана, более заботясь о скромности, нежели о своих ранах, она прикрыла тело от взглядов толпы.

Сваривание

Упоминания о казни в кипящей жидкости встречаются в античной литературе более чем часто, и, конечно же, ее не преминули включить в свой длинный список всевозможных казней, применявшихся в отношении первых христиан, древние римляне. Одной из самых известных жертв этой казни стал в 303 г. сицилийский юноша, которого впоследствии причислили к лику святых под именем святого Витуса. Витус (иногда его называют Ги или Гвидо) был сыном знатного, но непросвещенного отца. Стараниями своей старой няньки Кресценции он был обращен в христианство, но ничего не могло укрыться от орлиного взора его родителя, и как только тот узнал тайну Витуса, он высек юношу плетьюми и бросил в тюрьму. Отец еще находился в его камере, когда явилась группа танцующих ангелов, которые испускали такой яркий свет, что жестокий родитель ослеп. Помятуя о своем сыновьем долге, Витус принялся молить Бога вернуть отцу зрение, и молитвы его были услышаны. Если юноша ожидал благодарности, то он ошибался; отец возобновил гонения с удвоенной силой, и юноше вместе с нянькой и его учителем старым Модератом пришлось бежать в Италию. Однако этот шаг оказался для них губительным: все они были схвачены как христиане и казнены в котле с кипящим маслом. Рассказывают, что после их ужасной смерти их тела охранял волк, и находился он при них до тех пор, пока их не погребли их собратья христиане.

В средние века в Германии казнь в кипящей жидкости была обычным наказанием, например, за изготовление фальшивых монет. По швабскому закону (Швабеншпигель, Schwabenspiegel), а также согласно общегерманскому своду законов «Каролина», фальшивомонетчиков варили в воде, масле или вине, хотя обычно смерть в кипящей воде была печальным уделом еретиков.

Казнь в кипящей жидкости вошла в английский свод законов в 1530 г. по указу Генриха VIII. Закон появился на свет в связи с одним конкретным случаем отравления:

«В 18-й день февраля 1530 г. Ричард Руз из Рочестера, повар, находясь в кухне дворца епископа Рочестерского в Ламбет Марч, бросил яд в котел, в котором варилась пища, в результате чего отравились 17 домочадцев, двое из которых умерли... Это отравление следует считать государственной изменой, а самого Ричарда Руза за убийство двух человек лишить права

воспользоваться неподсудностью духовенства светскому суду и варить в кипящей воде, пока он не умрет».

Почему отравление, которое не представляло угрозы ни безопасности государства, ни жизни монарха, посчитали достаточно тяжким преступлением, чтобы рассматривать его как государственную измену, остается тайной. Это преступление можно было квалифицировать как обычную измену, предусматривавшую смертную казнь за убийство мужа женой (иногда попытку убийства), хозяина слугой или священника своим подчиненным. Ричард Руз принял смерть 15 апреля 1532 г. в Смитфилде, обычном месте для проведения казней. За ним последовала молодая служанка, совершившая подобное преступление и заживо сваренная в Кингз Линне в том же году.

Казнь в кипящей воде оставалась действенным орудием политического террора, используемым Генрихом VIII для подавления картузианцев^[87] во времена разгона монастырей. Но в марте 1542 г. этот вид казни был применен к некоей Мэри Доу, отравившей членов семьи, в которой она служила, и заживо сваренной в Смитфилде. Этот варварский закон был отменен сыном Генриха, Эдуардом VI, когда тот вступил на трон в 1547 г. Казнь в кипящей жидкости использовалась во всей Европе во времена религиозных преследований.

Свинцовый разбрызгиватель

Этот инструмент был мрачной пародией на разбрызгиватель святой воды, возлюбленный всеми иерархами католической церкви. Он представлял собой шар с ручкой, передняя половина которого была усеяна небольшими отверстиями. В другую половину наливали расплавленный свинец, и палач обрызгивал им обнаженную жертву. Капли прожигали кожу и плоть. По выбору палача свинец мог быть заменен кипящим маслом, кипящей смолой или даже кипящей водой.

Сдирание кожи

Еще в третьем веке до рождества Христова большим любителем сдирать кожу со своих пленников был основатель финикийского города Карфагена Гасдрубал. Не гнушались этого занятия и китайцы, прибегавшие к нему наряду с пыткой тысячью надрезами. Турки сдирали кожу с преступников, виновных в совершении особо тяжких преступлений, таких как разбой на море. И хотя в европейских странах такой вид истязания распространен не был, существуют несколько свидетельств такового. Джордж Райли Скотт сообщает о двух случаях сдирания кожи с живого человека; первый – это казнь камергера графа Ручи в 1366 г. и второй – Паоло Гарнье из Рораса, которого, к тому же, кастрировали, перед тем как содрать с живого кожу.

Последователи Пьера Вальдо, так называемые вальденсы, были сектой странствующих проповедников, отрицавших притязания католического духовенства на святую истину, что послужило причиной их преследований в последующие века со стороны сменявших друг друга пап. В период особенно ожесточенных гонений на вальденсов, в середине XVII века, этой пытке были подвергнуты два брата Джакопо и Давид Перрин, у которых «содрали кожу с рук и ног и обнажили мышцы». Никаких сведений о том, что этот вид пытки практиковался в Англии, я не обнаружил.

Скальпирование

Хотя подобное увечье обычно заканчивается смертью человека (что не имело бы особого значения, если бы скальп снимался в качестве наказания), скальпирование применялось в основном в церемониальных целях, и скальп снимали с врага в качестве трофея.

Например, в своих «Историях» Геродот (485–425 до н. э.) пишет:

«У них есть обычай, согласно которому во время войны каждый солдат должен выпить крови первого убитого им врага. Головы убитых врагов приносятся царю, каждая голова – это доля добычи. Нет голов – нет добычи. Воин снимает с головы кожу, сделав круговой надрез поверх ушей и вытряхнув из нее череп. Затем он выскобливает кожу обычным ребром и разминает ее пальцами. Эти трофеи он вешает на уздечку своего коня и очень ими гордится. Лучший воин тот, у кого больше таких лоскутков кожи. Многие скифы сшивают их вместе, и получается накидка, которую они носят наподобие крестьян».

Другие народы верили, что если снять скальп с могущественного врага, обладателю его передается сила поверженного противника.

Целые поколения, обманутые голливудскими вестернами, связывают скальпирование с туземными племенами Северной Америки, с так называемыми «индейцами», однако именно белые поселенцы ввели в употребление этот страшный обычай. Для белых в снятии скальпа не было ничего ритуального или мистического, просто им платили вознаграждение за каждого убитого ими индейца, а скальп служил тому свидетельством.

Коренные жители Америки переняли этот обычай у белых, однако свои скальпы рассматривали исключительно как боевые трофеи. По некоторым данным, они надрезали только самую верхнюю часть черепа и, рванув за волосы, становились обладателями трофея.

Сквассация

На этой пытке держался весь репрессивный режим инквизиции, и почти наверняка более поздние инструменты, такие как дыба и австрийская лестница, возникли на ее основе.

Для «пристрастного допроса» узника раздевали до нижнего белья, руки схватывали наручниками за спиной, а ноги связывали. Затем к наручникам крепилась прочная веревка или цепь. Другой ее конец пропускали через прикрепленный к потолку шкив. Когда все было готово, несчастного поднимали вверх, пока он не зависал над полом. Под воздействием веса его тела руки узника выворачивало назад, что само по себе было небезболезненно. Однако пытка только начиналась. Теперь палач и его подручные начинали подвешивать грузы к ногам. Страдания жертвы становились нестерпимыми, однако палач и его помощники начинали развлекаться, кто как мог. Несчастную жертву щипали раскаленными докрасна щипцами, или резали острым как бритва ножом его кожу, или, если не хватало воображения, просто секли.

Но как бы жестоки ни были эти истязания, худшее было еще впереди. Гораздо худшее – оттягиваемый финал, который может вообразить только сумасшедший. Теперь палач подтягивал жертву под самый потолок, затем отпускал веревку, и та летела с большой высоты вниз, однако за несколько футов до пола резко останавливалась, поскольку другой конец веревки бывал загодя привязан к крюку в стене или полу. Вот тут-то жертва испытывала такую боль, какую ей вряд ли приходилось испытывать раньше. Кости ломались, суставы вывихивались, нервные волокна рвались, и это повторялось несколько раз, пока руки не отрывались, и жертва не умирала.

Скэвэнджерская дочь

«Скэвэнджерскую дочь», как сообщают хроники, изобрел сэр Вильям Скэффингтон (или Скэвингтон), начальник лондонского Тауэра во времена правления Генриха VIII. Официально приспособление называлось «кандалы Скэффингтона» (Skeffington's Gyves), однако, исказив имя изобретателя, в народе его стали называть «скэвэнджерской дочерью».

Приспособление это могло причинить гораздо большие страдания, чем может показаться на первый взгляд. Ноги узника продевали в нижние кандалы, затем палач вспрыгивал ему на спину и сгибал так, что голова и руки оказывались в верхних. Этот инструмент пользовался большой любовью истязателей во времена религиозных преследований XVII века, а иезуит Мэттью Тэннер написал следующее: «...пытка, более страшная, чем дыба, когда тело человека сгибают так, что изо рта и носа течет кровь, кровь капает с кончиков пальцев рук и ног и ломаются кости грудной клетки».

Смертельная инъекция

Первая казнь методом смертельной инъекции состоялась в декабре 1982 г., хотя этот метод был официально принят законодательными собраниями штатов Оклахома и Техас еще в 1977 г. Жертвой этого эксперимента стал 40-летний чернокожий мужчина по имени Чарльз Брукс, которого в 1976 г. приговорили к смертной казни за убийство продавца подержанных автомобилей Дэвида Грегори из Форт-Уорта.

Брукс оказался первым человеком, казненным в Техасе за последние 18 лет, и его дело вызвало ожесточенные споры юридического и этического характера.

Подельщик Брукса, Вуди Лурдр, подал прошение о помиловании и получил 40 лет тюремного заключения. Поскольку так и не выяснилось, кто из двоих обвиняемых произвел роковой выстрел, несправедливость была налицо: два преступника, проходившие по одному делу и обвиненные в одном преступлении, получили разное наказание.

Американские медики решительно выступали против практики использования врачей для впрыскивания смертельной инъекции, а Ассоциация американских медиков опубликовала заявление, в котором, в частности, говорилось:

«Использование смертельной инъекции как средства казни преступников не имеет ничего общего с профессией врача. Тот врач, который соглашается содействовать смертной казни, недостоин этого звания...»

В сентябре 1981 г. генеральный секретарь Всемирной медицинской ассоциации сделал в печати следующее заявление:

«Исполнение обязанностей палача не соответствует назначению врача, и долг его состоит не в том, чтобы карать преступников, тем более если методология казни использует фармакологические препараты и медицинское оборудование, которые следует использовать сугубо для медицинских нужд. Единственная задача врача – установить факт смерти, коль скоро государство лишает жизни некоторых своих законопослушных граждан».

Спешно посоветовавшись, за несколько минут до наступления полуночи суд подтвердил свое прежнее решение и отказался отсрочить смертную казнь.

Привязанного ремнями к больничной тележке, Брукса отвезли в

помещение, в котором раньше находилась газовая камера. Дело происходило в Хантвилльской тюрьме. А тем временем адвокаты осужденного позвонили судье пятого окружного апелляционного суда, чтобы тот остановил приведение приговора в исполнение, однако за несколько минут до полуночи тот отклонил их апелляцию.

Сразу после полуночи врач осмотрел вены на руках приговоренного, чтобы удостовериться в том, что они достаточно велики для инъекционного катетера. (Обычная проблема с осужденными на смертную казнь наркоманами, у которых вены, как правило, слабые и покрыты рубцами. В таких случаях требовалось хирургическим путем обнажить более глубокую вену.) В вену ввели иглу, подсоединили к ней резиновую трубку, проходившую по полу и через отверстие в стене в соседнюю комнату, где находился палач.

Среди свидетелей в комнате смерти была подружка Брукса, 27-летняя Ванесса Сэпп. После того, как парочка обменялась последними нежными словами и поцелуями, к приговоренному подошли два мусульманских священнослужителя и помогли ему воздать последнюю молитву Аллаху.

В 12.07 в вену ввели барбитурат натрия вдобавок к внутривенному соляному раствору, который уже начал держать вену открытой. Брукс сжал кулаки, приподнял голову в судорожной попытке глотнуть воздуха и впал в бессознательное состояние. Следующим ингредиентом смертельного коктейля был панкурониум-бромид, мышечный релаксант, достаточное количество которого парализует легкие; и третьим – калийный хлорид, вызывающий остановку сердца. В 12.16 Чарльз Брукс был мертв.

Смерть наступает от внутривенного введения нескольких смертельных препаратов. Проблема обнаружения подходящей вены у некоторых осужденных уже упоминалась мной, кроме того, в Техасе зарегистрирован следующий случай: в 1985 г. было сделано 23 попытки найти подходящую вену, на что ушло 45 минут, и все это время осужденный лежал привязанным к больничной тележке и насмешливо следил за действиями своих палачей. Затруднения могли возникнуть, если осужденный просто-напросто отказывался смириться со своей незавидной участью и начинал оказывать активное сопротивление. В этом случае яд вводился в главную артерию или в мышцу, что было отнюдь не безболезненно.

Другой случай описан в докладе Международной амнистии «Когда государство убивает...» (Лондон, 1989). Во время казни Раймонда Лэндри в декабре 1988 г. подающая трубка отскочила от иглы, и ядовитая смесь обрызгала свидетелей. По словам генерального прокурора штата Техас, давление в трубке было большим, чем могла принять вена.

Хотя смертельная инъекция является самым современным методом законного убийства, возможность ее применения обсуждалась в Америке уже 100 лет назад. В марте 1888 г. «Медицинско-правовой журнал» (Medico-Legal Journal) опубликовал пространную статью Дж. Маунт-Блейера, доктора медицины, озаглавленную «Лучший метод казни преступников», результат исследования, проведенного по заданию губернатора Нью-Йорка с целью разработки нового более гуманного метода казни преступников.

Инъекция морфина

Так же безболезненна смерть от подкожной инъекции морфина, кроме того, этот метод кажется наиболее гуманным. Подкожная инъекция – наиболее простой метод введения в кровообращение определенных медицинских препаратов, особенно болеутоляющих средств.

Вот как проходит казнь методом подкожной инъекции морфина.

В назначенное время в камеру приговоренного к смерти преступника входит шериф в сопровождении двоих своих заместителей и двоих свидетелей, как это положено по закону. Шериф вводит под кожу преступнику 6 гранул сульфата морфина. Через несколько минут осужденный засыпает. Для верности шериф повторяет дозу. Через полчаса останавливается сердцебиение, и человек умирает без боли, конвульсий и борьбы. Выгоды этого метода очевидны: это – надежность, безболезненность, дешевизна, а также отсутствие безобразных сцен, сопутствующих смерти.

1. Никто не станет спорить о том, что результат предрешен. Если кого-то одолевают сомнения в том, что доза окажется слишком малой, всегда есть возможность увеличить ее, сделав повторный укол, и тем самым ускорить конец преступника.

2. Приговоренный избегает страданий и боли; вряд ли легкий укол подкожной инъекции причиняет то, что можно назвать болью.

3. Отсутствуют конвульсии и обезглавливание – жуткое зрелище, в прежние времена сопутствовавшее казни через повешение. Осужденный просто засыпает и больше никогда не просыпается.

4. Многие преступники, приговоренные к смертной казни, осознав невозможность изменения приговора, делали все возможное, чтобы прославить себя в глазах друзей, и старались умереть весело, как герои. Отмена публичной смертной казни значительно уменьшила для них шансы

покрасоваться перед зрителями. Смертельный же укол морфина, сделанный в тишине отдельной камеры, свел эти шансы почти к нулю.

5. Стоимость сооружения виселицы очень значительна. Стоимость же подкожного укола морфина – ничтожна. Может показаться недостойным обсуждения тот факт, что штат несет большие расходы, оплачивая судебные разбирательства по делам об убийствах, а также, как правило, выплачивая гонорары как защите, так и обвинению. Так пусть хоть последний акт трагедии обходится налогоплательщику по возможности дешевле.

В послевоенной Британии также слышались предложения использовать для казни преступников подкожную инъекцию и ингаляцию медицинских препаратов. В декабре 1947 г. в «Британском медицинском вестнике» появилась статья подполковника медицинской службы Джона Кэрри, в которой он в частности писал:

«...Я не вижу причин, почему расстрел, обезглавливание или электрический стул более предпочтительны, чем смертельная инъекция. Если нам нужно усовершенствовать институт смертной казни, поскольку отмена ее пока невозможна, следует рассмотреть возможность использования подкожной инъекции тиопентона с последующей длительной ингаляцией хлороформа».

Смерть от тысячи надрезов

Одним из самых жестоких наказаний Китая в недалеком прошлом, несомненно, было Линг-чи (Ling-chy). До такого варварского истязания человека могли додуматься только жители Востока. Линг-чи переводится по-разному: «пытка ножом»; «разрезание на тысячу кусочков», однако чаще всего – «смерть от тысячи надрезов». В своей «Истории пытки всех времен» Джордж Райли Скотт приводит цитаты из записок двух европейцев, имевших редкую возможность присутствовать при подобной казни: их звали сэр Генри Норман (он видел эту казнь в 1895 г.) и Т.Т. Мэдоуз:

«Там стоит корзина, накрытая куском полотна, в которой лежит набор ножей. Каждый из этих ножей предназначен для определенной части тела, о чем свидетельствуют выгравированные на клинке надписи. Палач берет наугад из корзины один из ножей и, исходя из надписи, отрезает соответствующую часть тела. Однако в конце прошлого века подобная практика, по всей вероятности, была вытеснена другой, не оставлявшей места случайности и предусматривавшей отрезание в определенной последовательности частей тела при помощи единственного ножа. По словам сэра Генри Нормана, осужденного привязывают к подобию креста, и палач медленно и методично срезает сначала мясистые части тела, затем надрезает суставы, отрезает отдельные члены на конечностях и заканчивает казнь одним резким ударом в сердце».

Т.Т. Мэдоуз описывает казнь 34 бунтовщиков, имевшую место 30 июля 1851 г.:

«В земле была вырыта яма, рядом с которой стоял прислоненный к стене крест, из чего явствовало, что по меньшей мере одного человека собираются подвергнуть позорной, долгой и мучительной казни, известной под названием Линг-Чи. Как только тридцати трем из осужденных отрубили головы, тридцать четвертого привязали к кресту. Вся его одежда состояла из широких штанов, закатанных как можно выше и обнажавших бедра и ягодицы. Это был крепко сложенный мужчина, выше среднего роста и примерно сорока лет от роду. Поскольку мы находились в 25 ярдах от места казни и осужденный был повернут к нам боком, мы не могли уследить за всей процедурой, однако видели, как палач сделал ему два надреза на лбу, отрезал левую грудь и срезал плоть с бедер. С начала казни и до момента, когда осужденного сняли с креста и обезглавили, прошло

едва 5 минут».

По Дж. Г. Грею, и техника надрезов, и их количество варьировались в зависимости от тяжести преступления. Там, где должно было проявить милосердие, делалось всего восемь надрезов, однако суровая кара предусматривала до 120.

В былые времена подобное наказание существовало в Японии и называлось там «смерть от двадцати одного надреза». Точно так же, прежде чем прикончить преступника, палач срезал плоть с различных частей тела. Древние перуанцы, совершая ритуальное убийство, делали то же самое.

Смитфилд

Это место было известно в средние века сначала как лошадиный рынок, а затем как рынок, на котором торговали овцами, коровами и свиньями. Название произошло от Smethefelde или Smooth fild (ровное поле). С 1125 по 1850 гг. здесь проходила ярмарка святого Варфоломея; это продолжалось до тех пор, пока поле не стало ареной такого пьянства и насилия, что ярмарку пришлось прикрыть. Поле было местом рыцарских турниров, на одном из которых в 1357 г. присутствовали стражу два короля – Англии и Франции, и местом публичных казней в течение 400 лет до тех пор, пока в правление Генриха IV в Тайберне не была сооружена постоянная виселица.

В 1381 г. Уот Тайлер пришел на Смитфилд вместе с восставшими крестьянами на встречу с королем Ричардом II. Здесь он был ранен лордом – мэром Уолвортом, а позже казнен перед больницей святого Варфоломея.

Многие еретики и ведьмы также нашли свою смерть на поле Смитфилд.

Первым протестантским мучеником, сожженным здесь на костре, стал Джон Роджерс, викарий расположенной неподалеку церкви Святого Погребения.

«В год 1555 от рождения Господа нашего, в день 4 февраля, который был понедельником, рано утром жена охранника Ньюгейтской тюрьмы сообщила ему о том, что сегодня его сожгут на костре... И так его привели на поле Смитфилд шерифы Лондона мистер Честер и мистер Вудруф, где он выказал мужество и терпение и, не употребляя много слов, попросил людей всегда придерживаться веры, которой он их учил и которую они приняли. А за дело веры он готов был терпеливо сносить творимые с ним жестокости и отдать свою жизнь Богу, а свое тело всепожирающему огню («Книга мучеников», Джон Фокс, 1563).

В правление королевы Марии Тюдор было сожжено на костре не меньше 200 протестантов, большинство из них на поле Смитфилд.

Что касается скотного рынка, он всегда оставался самым грязным местом в Лондоне, пока его не перенесли в 1855 г. в Ислингтон, где он стал называться Столичный скотный рынок (Metropolitan Cattle Market). В «Оливере Твисте» Диккенс описывает свои впечатления от смитфилдского рынка:

«Вся земля была покрыта грязью и навозной жижей. Ноги утопали в

ней по щиколотку. От вонючих тел животных поднимался густой пар... Туда-сюда сновали невытые, небритые, убогие фигуры...»

С открытием в 1865 г. Центрального рынка старый Смитфилд пришел в запустение и впоследствии, в 1872 г., превращен лондонским муниципалитетом в общественный выгон.

Сожжение на костре

Всепожигающее пламя, как средство умерщвления, использовалось с доисторических времен, и упоминания об этом виде казни мы находим в самых ранних письменных источниках.

Приведу две цитаты из Ветхого и Нового Заветов. Первая взята из книги Иисуса Навина (глава 7, стих 25): «И побили его все Израильтяне камнями, и сожгли его огнем, и наметали на него камни». Вторая – из Евангелия от Иоанна: «Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают». Очищающее свойство огня стало причиной того, что сожжение на костре считалось во всей Европе самым действенным средством борьбы с ересью и, начиная с XII столетия, предпочиталось и папской, и испанской инквизицией другим видам казни (см. «Инквизиция»).

Отдельные сведения о сожжении у столба за ересь можно найти в английских летописях начала XIII столетия. Один случай произошел в 1222 г., когда молодой дьякон предстал перед церковным судом, был признан виновным и позже, по приказу шерифа Оксфорда, сожжен на костре. Преступление его состояло в том, что он имел неосторожность влюбиться в девушку-еврейку и принять ее вероисповедание, предпочтя его своему собственному. По закону о ереси, изданному Генрихом IV, церковь получала право арестовывать всех, кто подозревался в распространении ереси, делай он это посредством письменного или устного слова. Тех, кто отрекался от своих слов, заключали в тюрьму, а тех, кто отказывался это сделать, прилюдно сжигали на костре. Первой жертвой закона стал Вильям Сотр, священник, преданный огню в Линне в марте 1402 г. В 1533 г. Генрих VIII отменил этот закон, однако издал свой собственный, предусматривавший сожжение на костре своих подданных, отказывавшихся верить в то, что хлеб и вино во время причастия превращались в тело и кровь Господни. По существу под действие этого закона попадали все протестанты, впрочем, Генрих VIII, не особенно разбираясь, жег как протестантов, так и католиков.

Самые печально знаменитые гонения на английских протестантов имели место в правление дочери Генриха VIII, Марии^[88] (1553–1558), когда по меньшей мере 274 человека – мужчин, женщин и даже детей – были сожжены заживо на кострах. Большинство из них приняли мученическую смерть в лондонском Смитфилде, традиционном месте казней. Однако

случилось так, что именно жестокость и неразумность Марии, пытавшейся навязать английскому народу католичество, отвратили от нее сердца подданных и отнюдь не послужили делу укрепления римско-католической церкви в Англии. Всенародное мнение о Марии, как о жестокой правительнице, подкрепила знаменитая хроника Джона Фокса, свидетеля этих событий, под названием «Книга мучеников». Говорят, что в течение всего последующего столетия эта книга, наряду с Библией, оставалась единственным чтивом простых людей.

9 февраля 1555 г. в своей собственной епархии перед толпой в 7000 человек был сожжен на костре Джон Хупер, епископ Глостерский и Ворстерский:

«Место для казни выбрали рядом с огромным вязом, напротив церковного колледжа, где он обычно молился. Вокруг собралась огромная толпа, а ветки дерева были усыпаны зрителями. Епископ Хупер встал на колени и сложил руки в молитве. Закончив свое общение с Богом, он снял мантию и передал ее шерифу. За мантией последовали камзол, жилет и рейтузы. Оставшись в одной сорочке, он зажал ее подол между ног, где находился фунтовый мешочек с порохом. Такие же мешочки висели у него под мышками. Он подошел к столбу, где уже были приготовлены три железных обруча: один крепился вокруг талии, другой – вокруг шеи и третий – вокруг ног. Однако епископ не пожелал, чтобы его приковывали к столбу: „Вам нет надобности утруждать себя: я не сомневаюсь, что Бог придаст мне сил, чтобы выдержать силу огня и без обручей... Хотя я подозреваю, что человеческая плоть слаба, я верю в Божью милость. Впрочем, делайте так, как считаете нужным“. Железный обруч закрепили вокруг его талии, но когда ему было предложено закрепить обручи вокруг шеи и ног, он от этого отказался, сказав: „Я уверен, что этого вполне достаточно“. Стоя у столба, он воздел руки к небу в молитве. Человек, который должен был зажечь костер, подошел к нему и попросил у него прощения. „Почему ты просишь у меня прощения, если я уверен в том, что ты не сделал мне ничего плохого?“ – спросил Хупер. „О, сэра, – ответил человек, – я должен зажечь костер“. „Ты не сделал мне ничего плохого, – повторил епископ, – Бог простит тебе твои грехи, а сейчас делай то, что тебе приказано, я буду молиться за тебя“.

К ногам Хупера подбросили сухого тростника, а сам он получил два пучка, тут же сунув их под мышки. Последовал приказ зажечь костер, но поскольку в нем было много вязанок сырого хвороста, костер разгорался медленно. Ветер дул в невыгодном направлении, утро было холодным и промозглым, а языки пламени так и не могли добраться до жертвы. Костер

подожгли с другой стороны, и ветер тут же подхватил пламя, начавшее лизать тело епископа. Именно в этот момент взорвались мешочки с порохом, но они не облегчили кончину несчастного прелата, молившегося во весь голос: „Господи Иисусе, смилуйся надо мной, Господи Иисусе, смилуйся надо мной и прими мою душу“. Это были последние произнесенные им слова, но даже когда его лицо совершенно почернело и язык его распух так, что он не мог говорить, губы его продолжали двигаться, пока не обнажились десны. Он бил себя в грудь рукой до тех пор, пока с пальцев его не потекли жир и кровь. Наконец вцепился рукой в обруч, обнимавший его, и лишился сил. Вскоре вся нижняя часть его тела была съедена огнем, а верхняя, перевалившись через обруч, упала вниз, сопровождаемая истошными воплями жадной до подобных зрелищ публики. Тело епископа горело еще три четверти часа. Так умер святой мученик Джон Хупер, умер смертью, невыносимой в самых кошмарных снах» («Полное жизнеописание протестантских мучеников», Генри Мур, 1809)^[89].

Однако не только в Англии приверженцы разных вероисповеданий обвиняли друг друга в ереси; по всей Европе, начиная с XIII века, огнем костров прокладывала себе путь инквизиция. Об инквизиции в этой книге говорится отдельно, однако для связности повествования упомяну здесь, что обвинение человека в ереси заканчивалось обычно костром. Казнь следовала после аутодафе, когда осужденных передавали в руки светских властей для приведения приговора в исполнение (сама церковь не могла лишать жизни, она могла только пытаться, зачастую до смерти). Причина того, что церковь предписывала именно сжигать еретиков на костре, имеет основой католическую доктрину, гласящую «*Ecclesia non povit sanguinem*» (Церковь не запятнана кровью).

С деятельностью святой инквизиции всегда ассоциируется охота на ведьм, которые всегда считались в некотором роде еретиками и преследовались любой церковью. Почти в каждой стране материковой Европы смертный приговор ведьме или колдуну, вынесенный как церковным, так и светским судом, означал сожжение на костре.

Именно в течение XVI века охота на ведьм приобрела широчайший размах, хотя один авторитетный автор (Россел Хоуп Роббинс) утверждает, что наибольший разгул «ведьмомании» имел место с 1450 по 1750 гг. В своей «Энциклопедии колдовства и демонологии» Роббинс приводит некоторые цифровые данные, отражающие степень роста ведьмомании по некоторым районам Германии: в Оснабрюке в 1583 г. было сожжено 120 человек, а в 1589 г. – 133; в Эльвангене в 1612 г. были сожжены 167

человек; а за 5 лет, с 1631 по 1636 гг., в трех деревнях Райнбах, Мекенхайм и Фирцхайм, находившихся под юрисдикцией архиепископа Кельнского, из 300 семей по обвинению в колдовстве окончили жизнь на костре от 125 до 150 человек. Последнее в Германии сожжение ведьмы на костре имело место в 1775 г. Узнать хотя бы примерно, сколько так называемых ведьм было сожжено на кострах инквизиции за все годы ее деятельности, не представляется возможным, хотя по подсчетам одного современника тех событий (Людовик из Парамо, «Возникновение и деятельность ведомства Святой Инквизиции») за 150 лет на костре погибло 30 000 ведьм и колдунов. Но было одно исключение – Англия. Хотя соседняя Шотландия по европейскому образцу сжигала своих ведьм на кострах, Англия предпочитала своих вешать (по точным подсчетам было повешено 1000 человек).

Однако это не говорит за то, что англичанам не нравилось сжигать людей на костре или что этот вид казни приберегали единственно для еретиков.

Уголовное право Англии, как и некоторых других стран Европы, уже включало в себя статьи, предусматривавшие наказание смертной казнью на костре не только за церковные, но и за светские преступления. Джон Скотт, например, был в 1605 г. сожжен на костре за непристойное сожительство с лошадью. Несчастную, ни в чем не повинную кобылу сожгли вместе с ним. В Германии несколькими веками раньше за то же преступление скотоложества полагалось то же наказание.

В Англии, так же как и в Германии, сожжением на костре каралась подделка денег или документов, и благодаря статьям в газете «Ньюгейтский календарь» мы можем узнать об этом из первых рук. Барбара Спенсер была признана виновной в подделке денег и сожжена 5 июля 1721 г. в Тайберне:

«Когда она уже стояла у столба, она казалась взволнованной не более, чем за день до того. Она хотела помолиться и посетовала на то, что толпа, собравшаяся вокруг, бросала в нее грязь и камни, и это отвлекало ее от дум о вечности. Она заявила, что подделывать деньги ее научили некие мужчина и женщина, которые уже бросили это занятие и стали достойными людьми. Хотя когда они впервые занялись подделкой денег, они находились в очень стесненных обстоятельствах. Она не собирается называть их имена, потому что ей жаль губить семью, научившую ее этому ремеслу, тем более что в Лондоне сотни людей занимаются подделкой денег. Хотя она видит у своих ног вязанки хвороста и сознает, что вот-вот распростится с жизнью, она никогда не донесет на другого, даже если судья пообещает сохранить

ей жизнь. Но она не может простить свою старую подругу Майлз, которая донесла на нее. Однако перед тем, как костер подождли, она сказала, что прощает всех, в том числе и Майлз, и умирает с чистой совестью, с сознанием того, что несет заслуженную кару, и надеется, что другим ее смерть послужит предостережением».

Последнее в Англии сожжение на костре имело место в 1788 г. в Ньюгейтской тюрьме, когда на костре нашла свою смерть фальшивомонетчица Феб Харрис.

«Это была миниатюрная, хорошо сложенная женщина, лет тридцати от роду. Она имела бледную кожу и привлекательные черты лица. Когда ее вывели из тюрьмы, она была объята ужасом, еле передвигала ноги, и когда ее подвели к столбу, когда она увидела приспособления для казни, когда она представила все то, что ей придется испытать, ее охватила дрожь, которую ей с трудом удалось унять. Она взошла по ступенькам, и палач накинул ей на шею петлю веревки, привязанной к железному болту у верхушки столба. После того, как она неистово помолилась, ступеньки убрали, и женщина повисла в воздухе. Палач и его помощники железной цепью привязали мертвое тело к столбу и спустя полчаса подождли лежавшие вокруг преступницы вязанки хвороста. Вскоре пламя пережгло веревку, и тело, немного опустившись, повисло на цепи. Через 4 часа костер догорел. Свидетелем этого печального события была огромная толпа народа» («Ньюгейтская хроника», Артур Гриффитс, 1783 г.)

Как акт милосердия, удушение приговоренных к сожжению до того, как зажигался костер, было введено в практику несколькими годами раньше описанного ниже события, и все же никогда нельзя было поручиться в том, что приговоренному удастся избежать страданий. Обычно палач удушал преступника посредством петли и веревки, находясь за пределами костра, когда тот уже пылал. Если языки пламени пережигали веревку, то приговоренный сгорал в муках живо. В случае с Кэтрин Хэйз огонь обжег руку палача, и тот выпустил веревку. Хэйз была признана виновной в преступлении, наказанием за которое было сожжение на костре. Это преступление называлось «малая измена» (в отличие от «государственной измены»). По указу короля Эдуарда III от 1351 г. под малой изменой подразумевалось убийство мужа женой, священника своим подчиненным или хозяина своим слугой. Миссис Хэйз, сговорившись со своим любовником Томасом Биллингом и другом последнего Томасом Вудом, решила убить мистера Хэйза. Они зарезали его, отрезали голову и затем бросили тело в пруд в Мэрилбоне, а голову в Темзу. Голова была обнаружена и выставлена для опознания на кладбище Сент-Маргарет

(Вестминстер). Преступление раскрылось. Кэтрин Хэйз сожгли на костре в 1726 г.

«В день своей смерти Хэйз получила святое причастие, и на санях ее отвезли к месту казни. Когда несчастная закончила читать молитву, ее привязали железной цепью к столбу. Если женщину сжигали на костре за малую измену, обычно ее удушали при помощи веревки и петли на шее, чтобы милосердно избавить от страданий. Но этой женщине пришлось сгореть буквально живьем, потому что палач, когда пламя опалило его руку, выпустил веревку. Костер уже бушевал вокруг несчастной, и зрители видели, как Кэтрин Хэйз разбрасывала окружавшие ее вязанки, оглашая при этом окрестности криками и стенаниями. Палач и его помощники поспешили завалить ее другими вязанками, но из пламени еще некоторое время доносились крики несчастной. Только через три часа тело ее сгорело полностью» («Ньюгейтский календарь»).

Судебные ошибки

Одним из самых сильных аргументов в арсенале поборников отмены смертной казни всегда была возможность осуждения на смерть невиновного. И действительно, в самые мрачные годы XVII и XVIII столетий, когда правосудие отправлялось наспех и небрежно, многие люди, что впоследствии полностью подтвердилось, согласно сохранившимся донине документам, были признаны судом виновными и отправлены на виселицу.

Но даже в более поздние времена судопроизводству были свойственны ошибки, делавшие высшую степень наказания очень ненадежным орудием возмездия, зачастую не служившим делу торжества справедливости, а скорее наоборот. Проблема состояла в том, что приведение смертного приговора в исполнение не оставляло возможности исправления судебной ошибки, если позже выяснялась невиновность осужденного.

Несмотря на общественное мнение, решительно склонявшееся в пользу высшей меры наказания, Британия, как и все другие цивилизованные страны, почитала за лучшее упразднить смертную казнь (см. «Высшая мера наказания»). Но чтобы избежать соблазна вновь обратиться к этому крайнему средству – возмездию за преступление – не лишне будет привести здесь несколько примеров того, как суд из орудия справедливости превращался в средство убийства.

Уильям Шоу

В 1721 г. Шоу зарабатывал на жизнь обивкой мебели и жил в Эдинбурге со своей дочерью Катериной в многоквартирном доме. Девушка благосклонно принимала ухаживания Джона Лоусона, ювелира, однако ее отец считал молодого человека распутником, был очень против этого брака и отказывался принимать Джона в своем доме. Однако, поскольку Катерина продолжала упорно встречаться со своим возлюбленным, ее отец не придумал ничего, как держать ее под замком.

Некоторое время Шоу настойчиво убеждал свою дочь быть благосклоннее к сыну Александра Робертсона, его друга и соседа, однако Катерина наотрез отказалась. По этому поводу произошла перебранка, после которой отец, так и не добившись желаемого, ушел, заперев дверь на ключ.

Через некоторое время Моррисон, сосед Шоу через стенку, услышал стоны и, обеспокоенный этим обстоятельством, поспешил к другим соседям, которые, набившись затем в комнату Моррисона, услышали, как Катерина, протонав достаточно отчетливо, так, что слышали все, произнесла: «Жестокосердный отец! В своей смерти виню только тебя». Пораженные этими словами, соседи кинулись к двери Шоу, но на их настойчивый стук никто не ответил. Заподозрив худшее, они вызвали констебля, который приказал выломать дверь. Катерину нашли в луже собственной крови; в боку у нее торчал нож. Она была еще жива, но говорить уже не могла.

На вопрос, виновен ли в этом злодеянии ее отец, она явно утвердительно кивнула головой и испустила дух.

В самый критический момент вернулся Уильям Шоу. Увидев набившихся в комнату соседей с констеблем во главе, был немало этим удивлен, а увидев мертвую дочь, побледнел как смерть, задрожал и чуть было не свалился в обморок. Первоначальное удивление и последующий ужас Уильяма Шоу в глазах свидетелей послужили неоспоримым доказательством его виновности в смерти дочери, а уж когда на сорочке Шоу констебль обнаружил кровь, сомнений не осталось больше ни у кого.

Его тут же предворили к судье, тот же, выслушав показание всех свидетелей, приказал заключить несчастного в тюрьму по подозрению в убийстве. Очень скоро Шоу предстал перед судом, признал, что действительно держал дочь под замком, чтобы помешать ей встречаться с молодым Лоусоном. Он сообщил суду также о том, что действительно она умерла, как это показал свидетель Моррисон, но он побожился, что оставил дочь целой и невредимой за несколько дней до смерти в результате пореза. Эти утверждения не произвели впечатления на жюри присяжных, особенно в сравнении с неопровержимыми уликами, отмеченными ранее, такими как обвинение Катериной отца в варварстве и жестокости, а также ее утвердительный кивок головы на вопрос о причастности отца к ее смерти и кровь на сорочке последнего. На основании этих улик Уильям Шоу был признан виновным, казнен в ноябре 1721 г., и тело его вывесили на цепях в Лейт Уолк.

В августе 1722 г. человек, поселившийся в квартире покойного Уильяма Шоу, прибирал комнату, в которой умерла Катерина, и совершенно случайно обнаружил письмо, запавшее в щель у печной трубы. Открыв письмо, он прочел следующее:

«Мой жестокосердный отец, твое дикое стремление разлучить меня с

единственным человеком, которого я по-настоящему люблю, и отдать меня замуж за того, кого я всегда ненавидела, заставило меня принять решение покончить счеты с жизнью, коя стала для меня совершенно невыносимой. Не сомневаюсь, что Бог простит меня, ибо никто не может требовать от живой души переносить более пытку, на которую ты меня обрек. В своей смерти я виню тебя, и только тебя. Когда ты будешь читать эти строки, подумай о том, каким бессердечным отцом ты оказался, заставив воткнуть нож себе в грудь несчастную.

Катерина Шоу».

Друзья и родственники Катерины Шоу подтвердили подлинность письма, и суд Эдинбурга, убедившись после тщательной проверки в том, что письмо было действительно написано покойной, распорядился снять тело Шоу с виселицы и отдать родственникам для погребения, что и было сделано. В качестве единственной меры для восстановления честного имени Уильяма Шоу тот же суд распорядился установить на его могиле, как свидетельство невинности, пару штандартов («Ньюгейтский календарь»).

Мартин Кленч и Джеймс Мэккли

7 мая 1797 г., в воскресенье, Сидней Фрайер, эсквайр, весьма достойный джентльмен, пришел навестить свою кузину, которая жила на Шееферд-стрит. Они вместе пошли прогуляться по лондонским окраинам и, когда проходили полем за ислингтонским работным домом, услышали голос, звавший на помощь. Мистер Фрайер, не вняв предостережениям кузины, перепрыгнул через изгородь и оказался лицом к лицу не с женщиной, а с тремя мужчинами, один из которых выстрелил в него, когда Фрайер в горячке попытался воспользоваться своей тростью, как шпагой. Пуля попала в левую бровь, и почтенный мистер Фрайер упал в лужу. Один из злодеев вынул из его кармана часы, другой же изъясил кошелек у его кузины и снял пальто. Мистер Фрайер умер спустя два часа.

Подозреваемых оказалось несколько, но после тщательного дознания в присутствии мисс Фрайер всех их пришлось отпустить из-за недостатка улик, но 27 мая полицейские с Уоршип-стрит схватили Кленча, Мэккли и некоего Смита, шляпника. Последнего вскоре отпустили, двум же другим было предъявлено обвинение.

Арестованные были совершенно беспристрастно допрошены судьей Гроузом, им представили адвокатов, которые защищали их перед жюри

присяжных заседателей. Прямых улик против них не было, кроме факта опознания их мисс Фрайер, тем не менее присяжные, просоветовавшись полчаса, вынесли обвинительный вердикт, в соответствии с которым обоих казнили, а тела их были выставлены в конюшне на Литтл-Бридж-стрит, недалеко от Апотекарис Холла.

Незадолго до того, как им на головы надели белые колпаки, платформы эшафота, по всей видимости, в результате несовершенства конструкции, неожиданно рухнули, увлекая за собой двоих священников, палача и его помощника. Католический священник, исповедывавший Кленча и отличавшийся тучным телосложением, пострадал сильнее других. Когда преступники умерли, ни у кого не возникло сомнения в том, что и Кленч, и Мэккли получили по заслугам. Но вскоре, однако, признания трех отдельных преступников, которым вовсе незачем было брать на себя чужое преступление, пролили совершенно неожиданный свет на это дело и вызвали к памяти тот факт, что как Кленч, так и Мэккли во время всего судебного разбирательства упорно не желали признать себя виновными, а Кленч, покидая скамью подсудимых после вынесения приговора, в совершенно вежливой форме поблагодарил суд за справедливость, но при этом заявил о том, что хотя им суждено умереть, они так же невиновны в приписываемом им убийстве, как и те, кто их судил.

Человек по имени Бертон Вуд, казненный впоследствии на Кеннингтонском пустыре, а также его сообщник признались эсквайру, судье графства Суррей, утверждая, что Кленч и Мэккли пострадали безвинно и что именно они, нижеподписавшиеся, и еще один человек, все еще разгуливавший на свободе, совершили это преступление. Вскоре был пойман и третий убийца, которым оказался некий Тимме. Его приговорили к повешению за другое преступление, но незадолго до казни, имевшей место в Ридинге, он признался, что тоже участвовал в нападении на Фрайера.

Элизабет Феннинг

Эта женщина, находясь в услужении в семье Тернеров, подала на стол блюдо с запеченными в тесте яблоками, обильно напичканными мышьяком. Хотя Элизабет отведала злосчастных яблок сама и долго болела, как только она поправилась, ее заключили в Ньюгейтскую тюрьму и привлекли к суду за «попытку отравить мышьяком Орлебара Тернера, Роберта Грегсона Тернера и Шарлотту Тернер и намерение убить вышеназванных лиц». Хотя

Элизабет не признала себя виновной, суд, отличавшийся предвзятостью и неоправданной мстительностью, приговорил ее к смертной казни. Сами Тернеры не верили в виновность Элизабет, и Орлебар Тернер, как глава семьи, намеревался даже подать в суд прошение об отсрочке приведения в исполнение смертного приговора. Однако судья посоветовал ему не делать этого, так как это могло бросить тень на его семью. Стало известно также о том, что судья имел разговор с двумя друзьями Тернера.

Те сообщили, что в последнее время Роберт Тернер демонстрировал признаки умопомешательства и даже обращался к ним со слезной просьбой определить его в сумасшедший дом: «Сделайте это, ради Бога, иначе, находясь на свободе, я могу принести несчастье. Я могу лишиться себя жизни или убить свою жену».

Кроме того выяснилось, что именно Роберт купил пакетик с белым мышьяком, исчезнувший незадолго до несчастья. Тем не менее, согласно приговору, Элизабет Феннинг повесили в Тайберне.

Тиски

Тиски для больших пальцев

К этому средству пытки неизменно прибегали, когда требовалось вытащить из жертвы или признание, или какие бы то ни было сведения. Этой пытке исторически предшествовало так называемое «связывание пальцев» при помощи тонкого шнура, который затягивали так, что он глубоко врезался в плоть и доставлял жертве сильные страдания.

Подобно дыбе, тиски – вечный символ камеры пыток, и тем, кто сомневается в том, что это скромное устройство способно причинить непереносимую боль, следует вспомнить, когда в последний раз они стукнули себе молотком по пальцу, забивая гвоздь. Подобно многим другим инструментам пытки, тиски имели множество вариантов, простых и сложных, одинарных и двойных, однако результат их применения был один:

«Сначала тиски сдирали кожу, затем, после нескольких оборотов винта, начинала течь кровь, а мясо лезло наружу. Затем слышался хруст, от которого в жилах стыла кровь. Еще несколько оборотов винта, и губы тисков соединялись» («Знаменитые преступления прошлого и настоящего»).

Последним, кого пытали в Англии этим методом, был Вильям Карстарс, который был замешан в печально знаменитом Рай-Хаусском заговоре (1683), имевшем целью убийство короля Карла II и его брата Якова, когда те, возвращаясь из Ньюмаркета, проезжали мимо Рай-Хауса в Херфордшире. Этот заговор составили виги^[90]-экстремисты и бывшие сторонники Оливера Кромвеля. Заговор провалился просто потому, что королевский кортеж выехал из Ньюмаркета раньше, чем было запланировано. По причине того, что пытка в Англии была уже отменена, Карстарса вывезли в Шотландию, где и подвергли жестоким пыткам, стараясь заставить его назвать имена участников заговора.

«Когда он отказался сообщить имена сообщников, его большие пальцы зажали в тиски так крепко, что не смогли открутить их и вызвали кузнеца, сделавшего эти тиски» («История Реформации», Гилберт Бернет, 1829)^[91].

Во времена преследований так называемых ковенантеров (covenanters), шотландских пресвитериан, в период от Реставрации^[92]

1660 г. до переворота^[93] 1688 г. тиски стали называть «Пиллиуинкс» (Pilliwinks или Pillie-Winkies). В Шотландии тиски продержались в качестве орудия пытки до конца XVII столетия, и в последний раз ими воспользовались в 1690 г., когда пытали Генри Мэвила Пэйна, стараясь выведать у него имена участников заговора, имевшего целью восстановление на троне Якова II.

Тиски для ступней ног

Эти тиски были сделаны по принципу пресса, используемого книжными переплетчиками, и действовали тем же образом, что и тиски для пальцев. Часто нижняя часть тисков имела шипы, а один вариант – длинный шип в верхней части, который при закручивании винта пронзал ступню насквозь.

Игральные кости

Это было устройство, с помощью которого узнику сдавливали конечности. Сначала преступника раскладывали на полу камеры, зажимали ступню правой ноги между двумя металлическими болванками, по форме напоминавшими игральные кости, но с углублениями на одной стороне. Затем с помощью веревки и рычага сжимали болванки и тем самым дробили кости узника.

Трэдмилл

Трэдмилл останется вечным символом неправильного подхода к проблеме наказания. Его изобрел знаменитый английский инженер сэр Вильям Кабитт. Принцип использования энергии вращения известен с древних времен, и колеса, вращавшиеся с помощью животных, таких как ослы или быки, или ветра и воды, использовались уже тысячи лет назад для помола зерна или поднятия воды для полива полей. В 1818 году сэра Вильяма попросили отвлечься от серьезных занятий и сконструировать простую машину для использования труда праздного населения британских тюрем. Что он и сделал. Огромная машина представляла собой цилиндр, положенный набок, со ступеньками по окружности. Заключение становилось в ряд, ступали на ступеньки и весом своего тела вращали колесо, совершая те же движения, будто шли по лестнице.

Первый трэдмилл был установлен в Брикстонской тюрьме (тогда графство Суррей, сейчас – юго-западный Лондон), обошелся в сумму 6913 фунтов 3 шиллинга и 6 пенсов и в первое время привлекал публику, которой нравилось смотреть, с каким старанием заключенные взбирались по бесконечной лестнице.

В своем объемном исследовании «Уголовные тюрьмы Лондона» (1862) Генри Мэйхью и Джон Бинни^[94] дают самое точное описание трэдмилла.

Это нововведение появилось в большинстве британских тюрем более 40 лет назад, однако машину так и не смогли, за некоторым исключением, использовать с пользой. Заключение говорили, что они «перемальвают воздух».

Каждое такое колесо имеет 24 ступеньки, отстоящие на 8 дюймов одна от другой; длина окружности цилиндра 16 футов; колесо делает 2 оборота за минуту; после каждого тридцатого оборота звенит колокольчик, возвещая о том, что проделана определенная работа. Каждый заключенный, поставленный работать на трэдмилле, делает это в течение 3 часов 45 минут ежедневно.

Те, кто никогда не был в исправительных тюрьмах, имеют смутное представление о том, что такое трэдмилл. По всей длине рабочая часть машины разделена перегородками на 24 части, каждая из которых имеет 2 фута ширины. Заключение работают спиной к тюремному надзирателю, держась за поручни, установленные перед каждым из них. Они переставляют ноги так, будто взбираются по лестнице, с той лишь

разницей, что остаются на одном уровне. И вообще все это напоминает сообщество белок, крутящих колесо не внутри него, как обычно, а снаружи.

Со временем бесполезному труду заключенных нашли кое-какое применение, подсоединив трэдмилл к перемалывающим механизмам или к насосам. В тюрьме Холлоуэй, например, трэдмилл использовали для подачи воды в установленные на крыше баки.

Трэдмиллы полностью вышли из употребления в начале XX столетия.

Тюремная лихорадка

Эта зловредная и часто смертельная эпидемия нередко посещала старый Ньюгейт и тюрьмы других городов Англии.

Судебное разбирательство, состоявшееся в Оксфорде в 1577 году, явило собой пример смертельного воздействия на людей тюремной лихорадки и получило впоследствии название «черной сессии». Судьи, присяжные заседатели, все присутствовавшие в тот день в суде (кроме подсудимых), отравились ядовитым воздухом, который, как полагали, поднялся из чрева земли; однако великий философ лорд Бэкон, доказал, что миазмы исходили от самих подсудимых, доставленных в суд из зловонной тюрьмы. Только они, привыкнув к ядовитым тюремным испарениям, остались живы. Около трехсот человек, присутствовавших в суде, погибло. Многие, будучи сверх меры суеверными, приписывали этот всплеск смертности колдовству. В книге Вебстера «Проявление колдовства» («Display of Witchcraft») мы находим следующий отчет о «черной сессии»:

«В 4-й и 5-й дни июля в Оксфорде состоялись судебные слушания, где перед судом за подстрекательство к мятежу предстал Роулэнд Дженкс, но как только заседание началось, воздух наполнился неизвестными испарениями, и почти все присутствовавшие задохнулись. Очень немногим удалось покинуть зал заседаний. Присяжные заседатели умерли мгновенно; немного позже умерли сэр Оберт Белл, лорд Чиф Бэрон, сэр Роберт Де Оули, сэр Вильям Бабингтон и другие джентльмены. В Оксфорде умерло 300 человек, и еще 200, бывшие в тот день в Оксфорде, умерли в других местах в период с 6 июля по 12 августа. После 12 августа от этой напасти не умер больше никто. До того момента, когда Дженкс предстал перед судом, не умер никто, посему эта зараза пришла не из тюрьмы, иначе она дала бы о себе знать еще там. Для установления истины сообщаю, что мне в руки попал манускрипт из коллекции одного ветхого джентльмена из Йорка, который всю свою долгую жизнь занимался собиранием всевозможных странных происшествий и фактов. Он жил в те времена, когда случился тот мор в Оксфорде, и вот что он о нем повествует:

„Этого Роулэнда Дженкса посадили в тюрьму за то, что он поносил королеву (Елизавету I) и призывал к мятежу. Несмотря на то, что он был папским шпионом, во время предварительного содержания ему было позволено выходить за пределы тюрьмы в сопровождении охранника. В один из дней он пришел к аптекарю, показал тому рецепт и попросил

приготовить для него смесь. Посмотрев рецепт, аптекарь сказал, что смесь очень опасна и ядовита, что потребуется некоторое время для ее приготовления и поинтересовался, для каких целей она потребовалась ему. Дженкс ответил, что смесь нужна ему, чтобы морить крыс, досаждавших ему в тюрьме. Аптекарь ответом удовлетворился и пообещал приготовить смесь в соответствии с рецептом. Спустя некоторое время Дженкс явился к аптекарю снова, но тот сказал ему, что не смог достать составляющие ингредиенты смеси и возвратил ему рецепт, не поленившись заранее переписать его. Именно этот переписанный рецепт и попал мне в руки, однако я поспешил уничтожить его из опасения, что он может попасть к злым людям.

Дженкс все-таки сподобился приготовить смесь, придал составу форму свечки с фитилем и в день суда при помощи трутницы и стального предмета зажег ее«».

В 1730 г. в Блэндфорде умер вместе с несколькими своими слугами лорд Пенгелли, и причиной их смерти послужила зараза, принесенная в зал суда города Тонтона заключенными Ильчестерской тюрьмы. Позднее инфекция распространилась по всему городу и унесла жизни еще 100 человек.

В 1754–1755 гг. подобная инфекция появилась в Ньюгейтской тюрьме, и ее жертвами пала пятая часть всех ее обитателей.

Укалывание

Хотя в Британии охота на ведьм не принимала такого размаха и не велась такими жестокими средствами, как в континентальной Европе, метод, известный под названием укалывание, широко применялся для обнаружения слуг дьявола.

Фундаментальная идея целесообразности применения прикинга заключалась в том, что все ведьмы имеют на теле знаки, которыми дьявол отмечает свою собственность, и в тех местах, где есть эти знаки, тело нечувствительно к боли и не кровоточит при укалывании. Подозреваемых в колдовстве раздевали наголо, обривали налысо, дабы обнаружить дьявольские знаки. Такие дефекты, как родинка, бородавка или родимое пятно служили признаком того, что человек отдал душу дьяволу. Если же ничего подобного на теле подозреваемого не обнаруживали, его начинали колоть, считая, что при вступлении подозреваемого в сговор с дьяволом последний замаскировал свои знаки. Когда обнаруживалось нечувствительное к боли место, тем более если оно еще не кровоточило, дьявольская метка считалась найденной.

Эта нелепая теория не принимала во внимание тот факт, что большинство людей, если их колоть острыми металлическими предметами, будут кричать от боли, а место укола – источать кровь, что заставило охотников за ведьмами, чей заработок зависел от количества выявленных ими слуг дьявола, пользоваться ложными шилами, острие которых при нажатии уходило вовнутрь ручки, создавая полный эффект того, что шило входит в тело подозреваемого без видимых признаков кровотечения и боли.

Пытка прикингом широко использовалась Мэттью Хопкинсом, так называемым «Главным охотником за ведьмами в Англии», и его помощником Джоном Стирном, которые, если верить Ноутштейну^[95], «за 14 месяцев отправили на виселицу больше ведьм, чем другие английские охотники за ведьмами за всю свою карьеру». Хопкинс, неудавшийся юрист из г. Мэннингтри (графство Эссекс) в 1645–1646 годах был самым страшным человеком в восточных английских графствах.

По словам Роббинса («Энциклопедия колдовства и демонологии»), во второй четверти XVII века Шотландия породила целую плеяду знаменитых «укалывателей», таких как Джон Кинкэйд из Транента, Джон Бальфур из Корхауза, Джон Дик и других.

В Британии укалывание было основным методом обнаружения ведьм;

с него начиналось и им заканчивалось следствие. Однако в континентальной Европе укальвание использовалось наряду с другими, более суровыми методами воздействия. Существует свидетельство о несчастной судьбе некой Мишель Шодрон, жительницы Женевы (Швейцария), которую подвергли укальванию в 1652 г. После того, как ее, исходившую криком, искололи до крови, судьи распорядились передать мадам Шодрон палачам, под чьим воздействием она с готовностью призналась во всех грехах, в которых ее обвиняли. После этого «укальватели» обследовали ее тело еще раз, и на этот раз их старания были вознаграждены. На левом бедре мадам Шодрон обнаружили небольшое темное пятно. Она была до того измучена предыдущей пыткой, что, когда в пятно вогнали шило, у нее даже не было сил кричать от боли, а отсутствие крика явно свидетельствовало за то, что под пыткой женщина сказала правду. Ее повесили, а затем сожгли на костре.

Утопление

Кроме дакинг-стула и испытания водой, являвшихся результатом преднамеренного усердия обывателей, нигде в Европе, исключая Германию, преступников не топили.

В средние века в Германии казнь в воде использовалась для наказания женщин, убивших своих младенцев, кроме того, в реке топили государственных изменников обоего пола. Обычно преступнику связывали руки, привязывали их к лодыжкам и в таком виде бросали с моста в реку. Если река была мелкой, жертву просто заталкивали под воду при помощи длинных шестов. Не оказись поблизости реки или какого-нибудь подходящего водоема, преступника сажали в мешок и топили в большой бочке с водой, погрузив его в воду вниз головой.

Харакири

По японским законам чести, смерть была предпочтительней позора, а самоубийство – предпочтительней смерти от руки палача. Строго говоря, харакири, или «счастливая смерть», всегда было привилегией японской аристократии, высших государственных чиновников и высших офицеров. Разрешение на харакири давал сам микадо (титул императора).

Церемония проводилась в строго определенном месте, и самоубийца, облаченный в белый халат, специально приготовленный для такого случая, обращался с последней речью к друзьям и официальным лицам. Затем он становился на колени и коротким, острым как бритва ножом, делал сначала горизонтальный, а потом вертикальный надрез на своем животе так, что получался открывающий внутренности крест. Сразу же служитель, которого называли кайшаку (kaisha-ku), поднимал меч и сносил ему голову.

Хотя «счастливая смерть» и была привилегией высших классов, многие обычные преступники делали себе харакири, чтобы уберечь от позора свои семьи и искупить свою вину в глазах соотечественников.

Практикуемая со средневековья «счастливая смерть» перестала быть обязательной для японских аристократов в 1868 г. и официально была отменена в 1873 г.

Хронология смерти

35 н. э. Святой Стефан стал первым мучеником (или протомучеником), будучи побит камнями за то, что назвал Христа Мессией.

1076. Вальтеоф, граф Нортумберлендский, первым в Англии был обезглавлен при помощи топора.

1241. Вильяма Мариса, пирата, впервые в Англии повесили, проволочки по земле, привязанным к лошади, и четвертовали.

1305. Голова шотландского патриота Вильяма Уоллеса впервые украсила Лондонский мост.

1307. 1 апреля: Рафаэль Холинshed сообщил о казни Меркода Баллага в Мертоне (Ирландия) посредством раннего типа гильотины.

1312–77. Введение в практику смертной казни «галифакской машины», ранней разновидности гильотины.

1406. Введение в Англии в практику смертной казни прессинга (см. «Пен-форт-эт-дюр»).

1447. Коннетабль лондонского Тауэра Джон Холланд, герцог Эксетерский, привез из континентальной Европы первую дыбу.

1486. Введение в Италии в практику смертной казни «маннайи», разновидности гильотины.

1531. Казнь путем сваривания вошла в английский свод законов по указу короля Генриха VIII в качестве наказания за отравление. Упразднена в 1547 г. Эдуардом VI.

1580. Джеймс Дуглас, четвертый граф Мортонский, регент Шотландии, был обезглавлен посредством «девы», шотландской разновидности гильотины, разработанный самим регентом по подобию «галифакской машины».

1644. Единственный известный случай смертной казни через обезглавливание в США (Массачусетс).

1648. Отмена в Англии казни за ересь через сожжение на костре. (В действительности последним в 1612 г. нашел смерть на костре Эдвард Уайтмэн.)

1649. Состоялась самая знаменитая казнь через обезглавливание, казнь «убийцы и предателя» короля Карла I.

1659. 27 октября: квакерская проповедница Мэри Дайер стала первой в Новом Свете женщиной, нашедшей смерть на виселице. Казнь состоялась на пустыре близ Бостона (Массачусетс) перед огромной толпой зрителей.

1686. Элис Молланд стала последней в Англии ведьмой, нашедшей смерть на виселице. (В Шотландии последнюю ведьму сожгли не позднее 1722 г.)

1747. 9 апреля: Саймон Фрэйзер, одиннадцатый барон Ловат, казнен последним в Англии через обезглавливание. Лорд Ловат был приговорен к смерти за участие в восстании якобитов 1745 г.

1752. Закон от 1752 г. обязал отправлять тела казненных убийц для вскрытия в Ассоциацию хирургов, удобно обосновавшуюся в здании, расположенном рядом с уголовным судом Олд-Бейли.

1757. В Париже казнен через четвертование посредством четырех лошадей Робер Франсуа Домьен. Его обвинили в попытке покушения на короля Людовика XV.

1760. Лоуренс Ширли, граф Феррерз, был первым повешен новым способом «ню-дроп», который впоследствии вытеснил более эффективный «лонг-дроп».

1772. В Англии отменен «пен-форт-эт-дюр» (см. «Пен-форт-эт-дюр»).

1783. 7 ноября: Джон Остин, вор, стал последним человеком, которого повесили на печально знаменитой виселице в Тайберне.

1783. 9 декабря: первая партия заключенных казнена публично на новой виселице, сооруженной у Ньюгейтской тюрьмы.

1786. Последнее публичное сожжение на костре (перед тем женщину повесили).

1803. После казни через повешение Джорджа Фостера, убийцу, доставили к профессору Альдини, который попытался оживить его методом «гальванизма».

1809. Последнее в Англии купание на дакинг-стуле, имевшее место в г. Леминстере. Джейни Пайпер провезли по городу перед тем, как окунуть в воду с Тенуотерского моста.

1813. В Испании вместо казни через повешенье введена в практику гаррота.

1814. В Англии упразднена смертная казнь через обезглавливание.

1818. В Брикстонской тюрьме по проекту сэра Вильяма Кабитта построен первый трэдмилл.

1827. В Англии отменено право «неподсудности духовенства светскому суду» (в последний раз этим правом воспользовались в 1855 г. в штате Южная Каролина, США).

1829. 31 декабря: В уголовном суде Олд-Бейли казнен Томас Мэйнард. Он был последним приговоренным к смертной казни за подделку денег.

1832. Отмена в Англии высшей меры наказания за кражу коровы,

лошади или овцы.

1833. Отмена в Англии высшей меры наказания за кражу со взломом.

1834. Казнен за убийство некоего мистера Пааса переплетчик Джеймс Кук. Он стал последним в Англии повешенным на цепях после смерти.

1835. Отмена в Англии высшей меры наказания за святотатство и за кражу почты работниками почтового ведомства.

1836. Отмена в Англии высшей меры наказания за подделку денег.

1837. Отмена в Англии высшей меры наказания за грабеж и кражу из жилых домов.

1856. По сообщениям, брэнк был все еще в ходу в г. Болтон-Ле-Мур, Ланкашир.

1860. 13 июля: рядовой Джон Доллиджер был последним, кого повесили на рее.

1861. 27 августа: Мартин Дойл стал последним, кого повесили за покушение на убийство.

1862. 26 декабря: состоялась самая большая массовая казнь в истории США. 38 индейцев племени сиу были повешены в г. Манкато, штат Миннесота.

1866. Последняя публичная казнь в Шотландии. В Перте был повешен Джо Белл.

1868. 2 апреля. Последняя в Англии публичная казнь женщины. В Мэйдстоунской тюрьме на виселице умерла Франсис Киддер.

– 29 мая: Майкл Бэррет, фений^[96], организовавший взрыв в Клерккенуэлле, стал последним в Англии, кого публично повесили.

– 29 мая: билль, предусматривавший смертную казнь в стенах тюрем, получил королевскую санкцию.

– 13 августа: в Мэйдстоунской тюрьме за убийство начальника железнодорожной станции в Дувре был повешен Томас Уэллз. Он стал первым, кого казнили в тюремных стенах.

1873. В Японии официально отменили харакири.

1899. 20 марта: в Синг-Синге, тюрьме штата Нью-Йорк, на электрическом стуле первой из женщин была казнена Марта Гарретсон Плейс.

1908. «Детский акт» запретил подвергать наказанию смертной казнью детей до 16 лет (позднее – до 18 лет).

1924. 8 февраля: впервые для смертной казни был использован смертельный газ. Джи Джон, приговоренный к смерти за убийство, кончил жизнь в газовой камере в Неваде.

1936. Последняя публичная казнь (через повешение) в США (г.

Оуэнсборо, Кентукки).

1939. 17 июня: последняя публичная казнь во Франции. В Версале был гильотинирован Эжен Вайдеманн.

1941. Хуанита Спинелли стала первой женщиной, казненной в газовой камере (она стала также первой в Калифорнии женщиной, приговоренной к смертной казни).

1955. 13 июля: за убийство своего любовника Дэвида Блейкли была казнена Рут Эллис, последняя женщина, повешенная в Британии.

1964. 13 августа: последние смертные казни в Британии: Питера Энтони Аллена в Уолтонской тюрьме г. Ливерпуля и Гвинна Оуэна Эванса в тюрьме Стрэнджжуэй в г. Манчестере.

1965. 9 ноября: закон об убийстве (об отмене смертной казни) получил одобрение английского парламента, приостановившего приведение в исполнение смертных приговоров на испытательный срок в 5 лет.

1969. 16 декабря: парламент подтвердил свое решение об отмене смертной казни.

1982. 7 декабря: впервые посредством смертельной инъекции в Хантсвилле, Техас, был казнен Чарльз Брукс.

1984. 2 ноября: первой женщиной, казненной посредством смертельной инъекции, стала Бельма Барфилд. Это произошло в Центральной тюрьме г. Роли, Северная Каролина.

Черная шапка

Слава Богу, теперь она осталась только в воспоминаниях, но когда-то черная шапка являла собой самый внушительный символ высшей меры наказания. Всего лишь кусочек черного шелка размером 949 дюймов, он был частью костюма судей Высокого суда^[97] еще со времени правления Тюдоров. Как необходимый аксессуар ее имеют, а иногда надевают по торжественным случаям судьи-члены Высокого суда, например, в день Лорда-мэра или при открытии парламентского сезона. Именно в силу того, что черную шапку судьи надевали на парик, когда произносили смертный приговор, этот скромный кусочек черного шелка прочно вошел в народный фольклор. Королевская комиссия по смертной казни в своем отчете 1953 года рекомендовала оставить на усмотрение судей вопрос о том, одевать им или не одевать черную шапку, когда они выносят смертный приговор.

Замечено, что не существует ни одной фотографии судьи с черной шапкой на голове, но это объясняется тем обстоятельством, что фотографирование судебных заседаний запрещено; на самом деле бывали случаи, когда заседания фотографировали тайком, в том числе и судей в черной шапке. Однако с отменой смертной казни вопрос этот может иметь теперь только академический интерес.

Четвертование

Этот вид казни, принимая во внимание всю крайнюю жестокость и продолжительность процедуры, не применялся в отношении обычных преступников, а предназначался для особо опасных, совершивших тягчайшее из преступлений – государственную измену.

В зависимости от тяжести преступления казнь могла быть долгой и включать в себя несколько моментов, кроме того, зачастую она вырастала до события национального масштаба и собирала толпы зрителей.

Сама процедура была следующей, хотя всегда оставалось место для индивидуального творчества отдельных палачей:

1. Предателя привязывали к лошади и волокли по земле к месту казни; иногда для пущих мучений жертвы землю по маршруту следования посыпали острыми камнями, что очень нравилось многочисленным зрителям, толпившимся вдоль дороги. Однако этот метод в большинстве случаев приводил к нежелательному результату, поскольку главное действующее лицо умирало задолго до того, как должны были быть сыграны самые впечатляющие сцены спектакля. Таким образом, преступников начинали волочить к месту казни сначала на бычьей шкуре, а потом на плетенных из прутьев салазках.

2. Преступника вешали, однако обрезали веревку до того, как он выпускал дух. Это было вовсе нетрудно, поскольку даже при обычной казни через повешение палачу приходилось затрачивать много усилий, чтобы задушить преступника, а жертве здорово помучиться, прежде чем отойти в мир иной.

3. Преступнику отрезали половые органы, вскрывали живот, а внутренности бросали в костер прямо перед его глазами.

4. Затем палач отрубал ему голову и, подняв ее за волосы, провозглашал: «Вот она, голова предателя».

5. Туловище разрубали на четыре части и обычно выставляли для обозрения на городских воротах (в Лондоне – на Лондонском мосту).

В своей «Истории жизни Томаса Эллвуда, написанной его собственной рукой», Эллвуд – квакер и узник Ньюгейтской тюрьмы в годы царствования Карла II, так описывает приготовления голов преступников, подвергнутых четвертованию, к демонстрации:

«Когда мы оказались в Ньюгейтской тюрьме, то увидели во дворе тела трех мужчин, четвертованных тремя днями раньше за какие-то

совершенные или несовершенно совершенные ими преступления. Родственники казненных ходатайствовали о передаче частей тел для погребения и вскоре получили их. Только не головы, которые предписано было выставить в городе для обозрения. Я видел, как палач принес эти головы в грязной корзине, вывалил их на землю и позволил находившимся в тюрьме преступникам поизгаляться над ними. Те брали головы за волосы, размахивали ими, смеялись над ними, обзывали их непотребными именами и били по ушам и щекам. Затем палач кинул их в котел и некоторое время варил их в воде с добавлением морской соли и тмина (соль задерживала процесс гниения, а запах тмина отпугивал птиц). Все, что я видел, вызвало во мне страх и отвращение, и долго я не мог забыть увиденное».

Хочется найти разумное объяснение тому рвению, с каким знаменитый юрист и политик сэр Эдвард Коук (1552–1634) поддерживал сохранение позорной практики четвертования. Коук, испытанный ветеран юридических и парламентских дебатов, в молодые годы грудью ставший на защиту «божественного права королей», не упустил возможности ввязаться в судебные процессы над Эссексом^[98], Рали^[99], а также Гаем Фоксом^[100] и его соучастниками по «пороховому заговору», самыми знаменитыми изменниками, казненными через повешение, волочение по земле и четвертование. Защищая казнь через четвертование, сэр Эдвард обосновывает свою точку зрения следующим образом:

«Все решает король, и милосердию его нет предела даже для тех изменников, которые превзошли всех своих предшественников по гнусности своих деяний. И все же король не станет выдумывать для них особое наказание, а подвергнет их обычной казни, предусмотренной законом. В своем милосердии он позволит им пройти сквозь обычную судебную процедуру, а наказание за преступление, называемое нами „государственной изменой“, – общеизвестно. Как только изменник будет справедливо осужден на смерть, его проволокут, привязав к лошади, из тюрьмы до места казни, ибо недостойн он уже ступать по земле, из которой он вышел и которая его вскормила. Поскольку Бог сотворил человеку голову и сделал ее его главным достоинством и украшением, изменника проволокут по земле лицом вниз, дабы вкусил он пыли и праха. И по этой же причине следует ему быть повешенным за голову между небом и землей, чтобы глаза людей видели его и люди осудили его в своем сердце. Изменника следует срезать с виселицы еще живого, отрезать ему детородные органы и сжечь их в костре перед его глазами, ибо недостойн он уже оставить после себя потомство. Его внутренности и внутренние органы нужно вынуть и сжечь в том же костре. Пусть превратится в пепел

сердце, в котором он вынашивал такую гнусную измену.

Когда ему отрубят голову, задумавшую преступление, его следует четвертовать и части поместить так высоко, чтобы все люди видели их и негодовали и чтобы стали эти части добычей для хищных птиц. Такое наказание ждет всех изменников, чьи сердца зачерствели во грехе».

Иногда, конечно, измена, как и любое другое политическое преступление, является таковым только в глазах власти. Сэр Вильям Уоллес, например, был негодяем в глазах его величества, короля Эдуарда I, но для националистов своей родной Шотландии он являл собой образчик великого патриота, для которого обвинение в государственной измене звучало бессмыслицей, поскольку он рассматривал Англию как иностранную державу. Тем не менее Вильяма Уоллеса проволокли, привязав к лошади по земле, повесили и четвертовали в Смитфилде в 1305 г., его голова первой украсила старый Лондонский мост, а части тела были отправлены для демонстрации в Ньюкасл, Бервик, Перт и Стерлинг.

Щипцы

Щипцы использовались для того, чтобы вырывать из тела жертвы куски мяса, причем этот инструмент по мере своей эволюции становился все более изощренным, а воплощением совершенства стал так называемый «паук» (spider), использовавшийся для пыток в древности и благополучно доживший до средних веков и даже до новейших времен. Римляне называли его унгула (ungula), а ранне-германские племена, у которых он пользовался особой популярностью, – главе (Ghlave).

Когти этого страшного инструмента имели острые концы, действительно напоминавшие лапы арахнид (пауков), при нажатии на ручки глубоко впивались в тело жертвы и вырывали из него куски мяса. Такая пытка зачастую оканчивалась смертью. Особые щипцы применялись для вырывания зубов или ногтей жертвы, а в камерах пыток лапы «паука», перед тем как они вопьются в плоть, раскаляли докрасна на огне.

Электрический стул

Растущее в США недовольство грубым и ненадежным методом смертной казни через повешение имело результатом то, что в 1885 г. губернатор Нью-Йорка Дэвид Б. Хилл учредил специальный законодательный комитет, призванный изучить другие возможные методы смертной казни (вопрос об отмене таковой вообще не поднимался). Под председательством Элбриджа Т. Генри, видного борца против жестокого обращения с детьми, «Комитет по смертной казни» рассмотрел не менее сорока возможностей, остановившись, в конце концов, на четырех из них, казавшихся наиболее гуманными: гарроте, которую впоследствии посчитали не слишком надежной, гильотине, которую позже также отклонили из-за того, что казнь с ее помощью «сопровождалась обилием крови, что было противно американскому духу», смертельной инъекции и казни электричеством.

Не было недостатка в твердых мнениях и полновесных доводах в пользу того или иного метода казни, однако, в конце концов, большинство медицинских и юридических экспертов высказались за казнь электричеством. В газете за 1888 г. нью-йоркский врач доктор Дж. Маунг Блейер писал:

«В апреле (1887 г.) в законодательном собрании штата Пенсильвания обсуждался законопроект, предусматривающий за убийство смертную казнь посредством электричества. Этот метод лишения человека жизни несомненно обладает всеми преимуществами по сравнению с другими: он приличен, исключает зверское обращение со стороны палача, он – гуманен потому, что избавляет приговоренного от долговременных и жестоких страданий. Продолжительность электрического удара составляет всего долю секунды (1/500 ее часть), и нервная система не в состоянии даже отреагировать на него, как в том случае, когда человек, работая на циркулярной пиле, неосторожно лишается пальца или руки и не чувствует при этом боли. При ударе электрическим током жизнь обрывается так резко, что центробежные нервы не успевают донести до мозга гибельную информацию. Из этого следует вывод, что смерть от удара электрическим током совершенно безболезненна.

Процедура казни следующая: электрические провода, подсоединенные к сети, снабжающей электричеством городские улицы, подводятся к месту казни таким образом, чтобы их нельзя было обнаружить ни осужденному,

ни его товарищам. На месте казни возводится нечто вроде будки часового или сторожевого домика. Замки, которые охватывают руки, ноги и шею преступника, должны быть закреплены в будке так, чтобы тело не упало на пол после наступления смерти. Металлическая пластина, подсоединенная к одному проводу, кладется на пол будки. На этой пластине осужденный будет стоять. Другой провод проходит сквозь крышу и свешивается с потолка будки. Во время казни заключенный должен быть бос, а голова его обрита наголо. Когда подходит время приведения смертного приговора в исполнение, следует проверить наличие электрического тока в проводах. Преступника помещают в будку, подсоединяют к голове провод, нажатием кнопки шериф, его заместитель или другой представитель закона замыкают сеть, электрический ток проходит сквозь тело преступника, и еще до того, как присутствующие осознают случившееся, все кончено.

Осмотр тела после смерти покажет, что кровь в сосудах свернулась. Эксперименты, проведенные мною на низших животных, обнаружили, что после смерти, наступившей в результате удара электрическим током, начинается быстрый процесс разложения. Это обстоятельство можно рассматривать как еще одно преимущество смертной казни посредством электричества потому, что сократится время обычного в таких случаях оплакивания тела казненного.

Этот метод казни я проверял сначала на собаке, которая умерла, даже не шевельнувшись и не издав ни звука, а также на кроликах. Во всех случаях смерть была мгновенной и предположительно безболезненной».

В действительности оказалось, что этот сценарий был до крайности наивен, и первая же казнь человека, совершенная двумя годами позже, показала это со всей очевидностью.

Приведенный ниже отчет был написан доктором Карлосом Мак-Дональдом, главой больницы для психически больных преступников в городе Оберне, присутствовавшим в качестве врача при казни убийцы Вильяма Кеммлера.

Первая смертная казнь посредством электричества

Казнь Вильяма Кеммлера, он же Джон Харт, в тюрьме г. Оберна, штат Нью-Йорк, 6 августа 1890 г. стала первой в мировой практике казнью, совершенной посредством электричества. Казнь проводилась под непосредственным руководством начальника тюрьмы К.Ф. Дерстона и имела место в подвале административного здания тюрьмы, в специально

отведенной для этой цели комнате, куда предварительно были подведены обыкновенные электрические провода.

Вся система состояла из стационарного двигателя, генератора переменного тока, возбuditеля, вольтметра с добавочной катушкой, пропускающей ток напряжением от 30 до 2000 вольт, амперметра, меняющего силу тока от 0,10 до 3 ампер, мостика сопротивления, реостата, электрических звонков и пульта управления. Сам «стул смерти» имел откидную опору для головы, ремни и два электрода. Он был дубовым, с широкими подлокотниками и прикреплен к полу. Ножки стула должным образом заизолировали.

К спинке стула, непосредственно над опорой для головы, крепилось приспособление, по форме напоминавшее цифру 4, горизонтальная часть которого со свисавшим с нее головным электродом выдавалась далеко вперед, так, чтобы находиться непосредственно над головой преступника. Головной электрод должна была надежно прижать к голове специальная спиральная пружина. Спинной электрод находился внизу спинки стула на уровне крестца и был также снабжен спиральной пружиной. Широкий ремень, закрепленный на спинке стула, должен был охватить нижнюю часть живота осужденного и плотно прижать его к нижнему электроду, таким образом обеспечив надежный контакт. Голова преступника крепилась к опоре при помощи широких ремней, охватывающих лоб и подбородок и закрывающих глаза и верхнюю часть лица. Грудь, руки и ноги охватывались широкими ремнями, закрепленными на соответствующих частях «стула смерти». Провод, подсоединенный к головному электроду, свисал с потолка, а нижний пролегал по полу.

Двигатель и генератор находились в одной из мастерских тюрьмы, вдалеке от места казни, а вольтметр, амперметр и пульт с кнопками – в помещении, примыкавшем к «комнате смерти». Связь между комнатой управления и комнатой, где находились двигатель и генератор, осуществлялась при помощи электрических звонков.

Из 25 присутствовавших при казни 14 были врачами. Перед тем как привести Кеммлера, начальник тюрьмы спросил врачей, сколько времени следует пропускать ток через тело осужденного. Мнения разделились, но, в конце концов, сошлись на промежутке времени в 10 секунд.

Предварительные приготовления были закончены, и привели Кеммлера, которого начальник тюрьмы представил свидетелям, расположившимся полукругом, лицом к «стулу смерти». Войдя в комнату, где находился стул, осужденный был собран и удивительно спокоен. В действительности ему, видимо, нравилось быть в центре внимания

стольких солидных людей, и его ограниченный ум не осознавал всего ужаса нависшей над ним опасности. Ему дали стул и, усевшись на него, Кеммлер обратился к собравшимся со словами: «Итак, господа, я желаю всем вам счастья в этом мире, а сам отправляюсь туда, где, похоже, мне будет неплохо. А газеты пишут обо мне всякую ерунду, в которой нет ни доли правды. Это все, что я хотел вам сказать».

По знаку начальника тюрьмы он встал, снял пиджак и, не обнаружив никаких признаков нервозности, уселся на «стул смерти». Он дал подсоединить к себе электроды и охватить себя ремнями, при этом помогая тюремщикам советами. Заметив их нервозность, он успокаивал их словами, что все пройдет хорошо и что не стоит волноваться.

Когда подсоединяли электроды, он прижался оголенной спиной к нижнему электроду и потребовал, чтобы верхний подсоединили по возможности надежней, заметив, что ему хотелось бы до конца хорошо сыграть свою роль. Приготовления, продолжавшиеся в общей сложности около четырех минут, закончились, когда были смочены электроды. Начальник тюрьмы подал сигнал находившимся в комнате управления помощникам, чтобы те начинали. Опущенный вниз рычаг замкнул цепь, и смертельный ток прошел через тело преступника. Оно напряглось и заостенело. Все мышцы находились в состоянии спазма и было очевидно, что тело утратило все ощущения, а сознание покинуло его, по крайней мере на то время, пока цепь оставалась замкнутой. По прошествии 17 секунд врачи объявили Кеммлера мертвым, никто из свидетелей не возражал, и помощники разомкнули цепь.

По очевидным причинам единственным способом определить наступление смерти было визуальное наблюдение, поэтому никто из врачей не взялся бы с уверенностью утверждать, что сердце остановилось одновременно с потерей сознания, хотя многие из них были в этом уверены.

Когда цепь разомкнули, вышеупомянутое состояние окостенения тут же сменилось полным расслаблением мышечной системы, а на открытом участке лица появились пятна, говорившие о начале изменений в капиллярах. Тело оставалось неподвижным и расслабленным в течение примерно полминуты, когда вдруг грудь спазматически дернулась, а изо рта казненного вытекло небольшое количество слизи. Не было никаких признаков того, что к преступнику вернулось сознание и тело вновь обрело способность чувствовать, и все же, принимая во внимание возможность возвращения его к жизни и не желая рисковать, начальник тюрьмы дал указание пустить ток еще раз, что и было исполнено по прошествии двух

минут после того, как разомкнули первый контакт. Тело преступника вновь вернулось в состояние мышечного окостенения и находилось в нем все время, пока цепь была замкнута. А на этот раз она была замкнута в течение 70 секунд, и когда над преступником появилось сначала облачко пара, а затем дыма, который исходил от места контакта нижнего электрода с телом, цепь разомкнули. Впоследствии обнаружили, что обгорела влажная губка, накрывавшая электрод, из которой испарилась вся влага, и участки тела, контактировавшие с электродом.

Тщательный осмотр тела, произведенный медиками, показал, что пульс отсутствовал, сердцебиение прекратилось, зрачки были расширены, а роговая оболочка глаз стала мягкой. Другими словами, Уильям Кеммлер умер, и таким образом цель, состоявшая в том, чтобы быстро и безболезненно умертвить преступника, была успешно достигнута.

В обстановке всеобщей неуверенности, которая возникла после того, как ток был пропущен через тело в первый раз, во второй раз цепь оставалась замкнутой очень долго – более минуты с половиной. Если тело и продолжало еще жить после первого контакта, то после второго жизнь полностью покинула его. Нет причин сомневаться в том, что Кеммлер умер задолго до того, как подгорела губка и участки кожи, контактировавшие с электродами.

Несмотря на благодушное заключение, казнь была проведена из рук вон плохо. Доктор Мак-Дональд легко допустил возможность того, что после первого удара электрическим током преступник может быть еще жив, и его не смутило то обстоятельство, что потребовался повторный удар. Другие свидетели этой казни были настроены не столь оптимистично. На следующий день «Нью-Йорк Таймс» сообщила своим читателям мнение одного из экспертов, присутствовавших при казни, который без обиняков заявил: «Хуже быть не могло. Кеммлера буквально зажарили до смерти», а заместитель coronera Нью-Йорка сказал, что «это было ужасно. Ни один гуманный человек не мог смотреть на казнь без содрогания».

Тем не менее казнь на электрическом стуле заявила о своем праве на существование, и несмотря на то, что время от времени в «комнате смерти» случаются неприятные инциденты, многие штаты продолжают использовать этот метод казни и не собираются от него отказываться. Так, в 1990 г. Джесс Джозеф Таферо был также в буквальном смысле слова зажарен на электрическом стуле. Обвиненный в 1976 г. в убийстве патрульного полицейского, только 4 мая 1990 г. во флоридской тюрьме Старк Таферо наконец уселся в «Олд-Спарки» (так прозвали электрический стул). Обычно требуется всего один удар электрического тока, чтобы

умертвить приговоренного, но в случае с Таферо техникам пришлось замкнуть цепь три раза за 4 минуты. Каждый раз, когда через тело преступника пробегал электрический ток, из-под шлема на голове Тафера вырывались язычки пламени, а из-под маски, закрывавшей лицо, шел черный дым. Только после третьего удара приговоренный перестал дышать и двигать головой. Репортер агентства Ассошиэйтед Пресс сказал по этому поводу: «Впервые мне довелось увидеть, как из головы преступника летели искры и вырывалось пламя». Начальник тюрьмы Старк немедленно назначил расследование, в ходе которого электрический стул был подвергнут техническим испытаниям представителями администрации и флоридских тюрем, которые в конце концов пришли к выводу, что буйный темперамент этого стула объясняется тем, что на электродах использовалась не натуральная, а искусственная губка. Так или иначе, меньше чем через три месяца, 27 июня 1990 г. на этом стуле был казнен Энтони Бертолотти, и на этот раз без каких бы то ни было инцидентов. Неудачно проведенные казни, такие, например, как в тюрьме Старк, все больше и больше убеждают даже рьяных поборников сохранения смертной казни посредством электричества в том, что так дальше продолжаться не может. Постепенно электрический стул и газовая камера начинают вытесняться более гуманной смертельной инъекцией.

notes

Примечания

1

Гриммельсгаузен Г.Я.К., Симплициссимус, М., 1976, с. 36.

Альбигойцы, вальденсы – члены еретических религиозных сект, возникших в XII веке на юге Франции.

Тамплиеры – члены рыцарского ордена, созданного в Иерусалиме в 1118 г. для защиты христианских пилигримов и Гроба Господня. *(Прим. переводчика.)*

Этим термином обозначаются люди, независимо от цвета кожи, пола, этнической принадлежности, языка и религии, содержащиеся в заключении за свои взгляды при условии, что они не прибегли к насилию и не потворствовали таковому.

Torture in the Eighties: An Amnesty International Report (1989). Amnesty International, 99 Roseberry Avenue, London, EC1R.

Аболиционизм (от *лат.* abolitio – уничтожение, отмена) – общественное движение, добивающееся ликвидации какого-либо закона.

Alfred Housman, A Shropshire Lad, IX.

Иеремия Бентам, английский политик и философ.

Alfred Dymond. The law on its Trial: or, Personal Recollections of the Death Penalty and its Opponents, 1865.

Charles Gilpin, Grand Moral Spectacle, 1847.

George Jacob Holyoake, *Public Lessons of the Hangman*, 1864.

Henry Mayhew, London Labor and the London Poor, 1849.

Утилитаризм – доктрина, гласящая, что все действия должны быть направлены на обеспечение всеобщего счастья.

Фений – член тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества.

Frederick Hill, *Autobiography of Fifty Years: Times of Reform*, 1894.

Коронер – следователь, ведущий дела о насильственной смерти.

James Berry, My Experience as an Executioner.

Подобный способ казни применялся в Византии и Польше. В 1597 году в Варшаве был сожжен в медном быке руководитель восстания на Украине гетман Наливайко. (*Прим. редактора.*)

Это относится также к шотландской правовой системе. Однако английское законодательство (и также американское) носит отпечаток англо-саксонской племенной практики.

Сити – деловой квартал в Лондоне.

Папуа – Новая Гвинея, отказавшись от смертной казни, снова ввела ее в законодательство.

Хотя Гонконг не применял высшей меры наказания с 1966 г., его правительство планирует отказаться от собственного законодательства из страха, что Китай воспользуется статьей о смертной казни для наказания за широкий диапазон преступлений, когда в 1997 г. Гонконг перейдет к нему от Британии.

Существует также версия, что галифакскую машину завезли в Англию норманны.

Бейлиф – судебный пристав.

Свободный земледелец.

Детали взяты из исчерпывающего исследования Элистера Кершоу «История гильотины» (History of the Guillotine).

New England, Judged by the Spirit of the Lord, George Bishop, 1703.

Фокс, Джордж (1624–1691) – английский теолог.

Travel in England, Messori, 1700.

State of Prisons in England and Wales, John Howard, 1777–1780.

Барочник – матрос с барки.

Драконт – афинский государственный деятель.

В 621 г. до н. э. (*Прим. редактора.*)

Ликония – местность в Малой Азии.

Тарс – сейчас город на юге Турции, место рождения святого Павла.

Ян Гус – чешский протестантский реформатор, которого сожгли на костре в 1415 г. за отказ признать власть папы.

The History of Protestantism, Revd Dr Wylie.

The Percy Anecdotes, Reuben and Sholto Percy, London, 1820–1823.

Criminal Prosecution of Animals, E.P.Evans, 1987.

incubus (лежащий сверху) – дух или демон, который, как считалось в средние века, вступал в половое сношение со спящими женщинами.

succubus (лежащий снизу) – женщина-демон, которая, как считалось в средние века, вступала в половое сношение со спящими мужчинами.

Поводом к изданию буллы послужили жалобы инквизиторов Инститориса и Шпренгера на сопротивление, оказываемое их инквизиторской деятельности в разных местах Германской империи. Книга «Молот ведьм», ставшая инструкцией для судов, вышла в 1487 году (*Прим. редактора.*)

Книга Страшного Суда – земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем в 1086 г.

Максенций – римский император (306–312).

Совет олдерменов – члены городского управления.

Виклиф Джон (1320–1384) – английский религиозный реформатор, первым перевел Библию на английский язык.

Narrative of a Five Years Expedition Against the Revolted Negroes of Surinam. I.G Stedman, London, 1796.

«coup de grace» – удар милосердия (фр.).

«Theatrum Crudelitatum Haereticorum», 1592 г.

Юнион (союз) – объединение северных штатов во время Гражданской войны в Америке (1861–1865 гг.).

Реконструкция – восстановление, реорганизация южных штатов после Гражданской войны. Проходила в 1865–1867 гг.

Джейн Грей (1537–1554) – королева Англии с 10 по 19 июля 1553 г.

Роберт Девере (1566–1601) – фаворит королевы Елизаветы. Казнен по обвинению в государственной измене.

Екатерина Говард (1520–1542) – пятая жена короля Генриха VIII.

Якобиты – сторонники отрекшегося от престола короля Якова II и его наследников, претендовавших на престол.

Принц Карл – один из наследников Якова II.

После двенадцатилетнего беспарламентного правления Карл I в 1640 г. собрал парламент. Противоречия между королем и парламентом, стремившимся ограничить власть короля, привели к гражданской войне в Англии 1642–1646 гг.

Оливер Кромвель (1599–1658) – создатель армии парламента, будущий лорд – протектор Англии (1653–1658 гг.)

Стоун – мера веса; стоун равен 14 фунтам или 6,34 кг.

Military Antiquities, Francis Grose, 1788.

61

Тендер – плавучая база.

Лихтер – широкая баржа.

Планшир – брус, служащий ограждением по краю палубы.

Брайдуэлл – исправительная тюрьма в Лондоне.

65

V.G. – very good.

1 унция = 28,3495 г.

67

1 пинта = 0,568 дм³.

1 фунт = 0,45359237 кг.

На 1 января 1989 г. побивание камнями сохранялось в законодательстве шести стран мира. (*Прим. редактора.*)

У церкви святого Жиля такая процессия обычно останавливалась, и приговоренный мог взбодриться кружкой эля.

Джек Кетч – прозвище государственного палача (по имени знаменитого палача XVII века).

Стоун – мера веса, равная 14 фунтам или 6,36 килограмма.

Alfred, lord Tennyson, «Rizpah».

Mittelalterliches Kriminalmuseum «Criminal Justice through the Ages».

History of China, F. Alvarez Semedo, London, 1655.

Манор – феодальное поместье.

The Shortest way with the Dissenters, Daniel Defoe. 1703.

History of Corporal Punishment, George Ryley Scott.

Энсин – первичное офицерское звание.

Дворяне были освобождены от телесных наказаний согласно указу Екатерины II «О вольности дворянства» 1762 г.

Паписты – сторонники римско-католической веры.

Opinions of different authors upon the punishment of death, Basil Montagu.
1809.

Тайный совет – группа доверенных советников короля.

Иосиф Флавий (37–100 н. э.) – иудейский историк.

После подавления восстания Спартака 6 тысяч восставших были распяты вдоль дороги Капуя – Рим. (*Прим. редактора.*)

По другой версии из-за своих размеров (colosseus – лат. – громадный).
Прим. редактора.

Картузианцы – cartusia (*лат.*) – члены монашеского ордена, основанного святым Бруно в Шартрезе (Франция) в 1084 г.

Мария получила «почетное» прозвище Кровавая Католичка. (Прим. редактора.)

Complete Protestant Martyrology, Henry Moore, 1809.

Виги – партия крупной знати и финансовых воротил.

History of Reformation, Bishop Burnet, 1829.

Реставрация – восстановление королевской власти Стюартов в Англии после буржуазной революции (1660–1688).

Переворот 1688 г., или «славная революция», – свержение Якова II и вступление на трон Вильгельма Оранского.

Criminal Prisons of London, Henry Mayhew, John Binney, 1862.

«История колдовства в Англии с 1558 по 1718 гг.» (History of Witchcraft in England from 1558 to 1718, Wallace Notestein, Washington, 1911).

Фений – член тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества.

Высокий суд в Англии входит в состав Верховного суда.

Эссекс, граф (Роберт Девере) (1566–1601) – государственный деятель, фаворит королевы Елизаветы. Казнен по обвинению в государственной измене.

Рали, сэр Уолтер (1555–1618) – английский государственный деятель, историк, придворный и поэт. Казнен.

Фокс, Гай (1570–1606) – английский заговорщик, казнен за участие в «пороховом заговоре», имевшем в виду взрыв здания парламента.